

**МЫШЬ В
МУРАВЕЙНИКЕ 3
БРОШЕННЫЙ**

Прошел год, и молодые стражи покидают учебную часть, получив новые назначения. Вместе с этим меняется и жизнь Лекса с Ветой — у их шинардов на них свои планы. Постепенно приближается Ночь Мясного Человечка — несмотря на усилия стражей, он соберет свою дань с Муравейника, заодно раскрыв некоторые его секреты, укрытые в далеком прошлом.

Мышь в Муравейнике 3: Брошенный

Глава 1

Даю команду лётоскутеру подниматься выше. Удобный транспорт, если приноровиться, — можно управлять одними ногами, так что руки абсолютно свободны, и можно прикрывать ими лицо от хлещущих по голове листьев. Прорываюсь сквозь густые кроны медовых деревьев и зависаю над уровнем зеленого моря, простирающегося во все стороны от меня вплоть до горизонта. Небо же надо мной сплошь темно-серое, ни солнца не видно, ни облаков, одна унылая серая хмарь. Внизу все зеленое, вверху все серое, и только темная громада Муравейника, а чуть дальше и в стороне силуэты других городов, оживляют пейзаж. Посреди сливающегося в единую массу лесного массива наш Муравейник отсюда и сам выглядит как нагромождение древесных стволов, крепко вросших друг в друга, но вместо развесистых ветвей и листвы у него всего лишь жесткая щетина из конструкций, увешенных солнечными батареями. На нижней части стволов виднеются юбочки примыкающих к ним террас.

Оглядывая территорию вокруг Муравейника, замечаю, как выглядывают из зелени верхушки куполов строений подсобных хозяйств. Дальше в массиве леса угадывается просека для линии, по которой ходят скоростные поезда. А если смотреть поближе ко мне, то можно увидеть в зеленом море некоторую упорядоченность. Мы сейчас находимся на ферме медовых деревьев, а они высажены ровными рядами на пару километров вперед.

А вот если я аккуратно развернусь назад, то, наверное, увижу горы, но я сразу же забываю о них, как только различаю впереди несущуюся к нам со стороны Муравейника плоскую летающую машину, похожую на черного ската, скользящего над поверхностью зеленого дна воздушного океана. Поспешно даю команду скутеру спускаться вниз, хотя расстояние обманчиво и время у нас еще есть. Вновь проделываю путь сквозь кроны деревьев и снова вижу наш лагерь — восемь курсантов и Лекса в точно такой же, как у них, форме. Вообще-то нам с другом здесь быть не положено, но сейчас самый конец года, все экзамены сданы, баллы розданы, назначения получены, отработки отработаны, и некоторые курсанты и офицеры ушли в увольнительные, чтобы решить свои проблемы со здоровьем и личные дела, так что обслуживающим персоналом заткнули образовавшуюся брешь в составах команд. А мы и рады, тем более что спроса с нас никакого.

— Летят, — уведомляю я, все еще прибывая в нескольких метрах над землей.

Услышав это, наша жертва, то есть пойманный нами сбежавший от наказания осужденный преступник, который сейчас со скованными за спиной руками стоит на коленях в центре неровного кольца отдыхающих стражей, с новой силой принимается убеждать нас отпустить его. Это крупный и сильный мужчина с татуировками на руках и шее, несколько суток самостоятельно и без специальной подготовки выживавший в диком лесу, прежде чем добрался до фермы, с множеством спортивных наград и достаточно высоким гильдийным статусом. Это человек совсем недавно чуть не вспоровший живот Райли своим охотничьим ножом, благо на ней были элементы брони, и чуть не сломавший хребет Мину об трубу, соединяющую краны от медовых деревьев. Теперь же от его звериной свирепости и брутальности ничего не осталось, и он плачет как ребенок. Этот человек был осужден за умышленное убийство, так что в наказание его могучее тело вскоре будет жестоко изуродовано по законам Муравейника, и с приближением черного транспортника его шансы избежать этого стремительно катятся к нулю. Слушать его причитания невыносимо, тем

более что обстоятельства его преступления не так уж однозначны.

— Да заткнись уже! — с презрением рывкает на него Мин и грубо запихивает ему в рот кляп.

Я ощущаю дрожь браслета под рукавом форменной куртки. Добравшись наконец до земли, соскакиваю со скутера и, оттянув ткань, смотрю на маленький экранчик на нем, там расшифровка сигнала переданного, очевидно, с того самого приближающегося черного транспортника. Остальным из моей команды он тоже пришел, но почти никто его не проверяет.

— Здесь ошибка, — говорю я.

— Ой, не нуди! — Мин раздраженно закатывает глаза. Ну да, ну да, последнее ни на что не влияющее уже задание из учебного плана — все расслаблены и мысленно находятся далеко отсюда.

— А давайте подшутим над ними? — предлагает Лекс.

— А давайте не будем? — в тон ему предлагает Кейт. Она сидит на земле, прислонившись спиной к толстому и ровному стволу медового дерева и скрестив руки на груди. На ее лице усталое и злое выражение.

— Почему не будем? Будем! — предсказуемо заявляет Райли. А раз она так сказала, значит, все решили.

Все еще отчаянно мычащего преступника курсанты отводят в сторону и привязывают к стволу дерева, используя крепкий трос из нашего снаряжения. Простой вариант с приковыванием его наручниками к трубе, посоветовавшись, отклонили, поскольку в нем, вполне возможно, еще достаточно сил, чтобы вырвать ее и сбежать, пока мы будем шутками заниматься. Затем раскидываем скутеры и другие вещи между деревьями, на земле под которыми почти ничего больше не растет, кроме проплешин травы и редких чахлых кустиков. Сами также ложимся на землю, приняв гротескные позы, кто во что горазд. Выглядит это так, будто наш лагерь расстреляли за считанные секунды, взяв команду врасплох. Точнее, должно выглядеть. Раскиданные в стороны и вывернутые конечности, вывалившееся из рук оружие, гримасы на застывших лицах, только крови нет, ну и следов от пуль, но на темной и пятнистой походной форме издали этого и не должно быть заметно.

Я ложусь на бок, прикрыв рукою часть лица, боясь, что не смогу выдержать и не выдать себя раньше времени. Мин успокаивается последним, просто повалившись спиной на землю и прижав руки к груди, словно умер не от пули, а от разбитого сердца. Время прибытия транспортника мы рассчитали правильно, вскоре я чувствую, как на браслет приходит второй сигнал.

Мы лежим неподвижно, оставив сигнал без ответа. Транспортник не закрывает нам солнце, которого и так не видно, но то, что он завис над нами, все же ощущается. Сигнал повторяется снова, хотя не должен. Сквозь густую листву нас сверху скорее всего кое-как видно, но рассмотреть нельзя, разве что в инфракрасном диапазоне. Представляю себе замешательство команды транспортника.

Наконец слышан лязг открывающегося люка. Лестница скользит вниз почти беззвучно, но пару раз натывается на ветки, так что можно понять, что происходит над нами. Потом кто-то спускается по ней к нам, один человек, второй... дальше неясно, потому что спустившиеся не скрывают эмоций. Судя по шокированным возгласам, шутка удалась, но, конечно, нас вот-вот раскроют, и, надеюсь, никто никого с горяча не пристрелит. Даже на слух можно четко уяснить, что команда транспортника вооружена и готова обороняться.

Самую малость приоткрыв один глаз, вижу Лекса, одна его рука приподнимается и дружески ложится на голень оказавшегося возле него...стража? Должен быть страж, но на нем не высокие форменные ботинки. Похожая обувь, но не они. Лекс понимает это и опускает руку обратно, лишь едва коснувшись чужой ноги. Браслет на моей руке оживает и словно выпускает в мою кожу крохотные иголки, впивающиеся в меня. Это условный сигнал, не знаю какой, я же не страж, но подал его Лекс всей команде. Полагаю, он предупредил наших, что рядом с нами высадились не стражи. Кто-то еще. Кто-то, кто при приближении подал нам позывные стражей, только с ошибкой. Чужаки пытались выдать себя за стражей. И они вооружены!

На самом деле проходят всего лишь мгновения, прежде чем вся сцена по команде оживает и взрывается стрельбой! Но за это кратчайшее время руку браслет успевает исколоть несколькими поспешными сигналами, координирующими курсантов. Некоторые из них, стремясь принять позу понелепей, откинули оружие слишком далеко или легли неудобно, им нужна пара лишних секунд. Коды я не понимаю, но моя вторая рука прямо возле кобуры! От меня, конечно, никто ничего не ждет, но, черт меня побери, у меня самая выгодная позиция!

Выхватывая пистолет, одновременно перекатываюсь за трубу, так что не только могу сразу стрелять, но еще и из укрытия! Что я и делаю.

Всего наших противников шестеро, успеваю понять я, пока они еще все стоят, а наши лежат. В следующее мгновение все уже смешалось. Все происходит очень быстро. Несколько раз мажу, с трудом выбирая цели в этом столпотворении. Они одеты очень похоже на наших, но лица скрыты под масками.

Райли даже не надеется найти свой пистолет и, сделав болевой прием, выхватывает автомат противника. Мин хватает две пули в бронежилет. Мне удается поцарапать того, кто это сделал, задев пулей плечо. Еще одна моя пуля ранит другого нападающего в бедро. Кто-то из курсантов добивает его. Еще несколько моих выстрелов мимо, зато они вынуждают одного из противников, перестать стрелять по Лексу, который на скутере взмывает вверх, к транспортнику.

Отстегнутая лестница путается в ветвях. Курсанты уже очевидно взяли вверх над ситуацией на земле, так что сам транспортник пытается улететь, но Лекс, грубо прорвавшись сквозь листву, уже рядом с ним. Запрыгнув на другой скутер, бросаюсь к нему, в спешке едва сохраняя равновесие. Меня швыряет по какой-то дурацкой траектории и в итоге, пытаясь выровняться, подлетаю слишком высоко и запрыгиваю на крышу транспортника, только ради того, чтобы не свалиться со скутера и не направиться обратно к земле с ускорением свободного падения.

Лекс же, проломив стекло в верхней части двери, ведет сквозь нее потасовку с пилотом транспортника, все еще стоя ногами на скутере и как-то умудряясь держать его почти ровно. Борьба идет практически на равных, учитывая неудобную позицию моего друга, но пилот успевает еще и сипеть голосовые команды своему кораблю, в результате чего приходит в движение металлическое забрало двери. Лексу приходится сделать нелегкий выбор — отцепиться от пилота и позволить ему угнать свой корабль или оказаться располовиненным, но непобежденным. Я решаю помочь ему с этим, скользнув в верхний полуоткрытый люк по направлению к пульта управления. Как отключить забрало не представляю совершенно, но я могу вырубить сразу все, вытащив карту доступа!

Но я застреваю! Какого этого самого?! Кобура! Легкое движение руки, закинутой назад,

и я валюсь всем телом на пульт!

Отключается реально все! Симуляция заканчивается.

От транспортника остается только кабина, висящая под высоким потолком зала. Мы все: я, Лекс, курсант, игравший вражеского пилота, поспешно снимаем аппараты виртуальной реальности. И как только умудрились их не покорежить? Во время игр запрещено бить друг друга в лицо, но все же.

Внизу под нами, не настолько далеко как недавно казалось, куча мала из остальных курсантов, тяжело дышащих и вспотевших. Главный повар из нашей столовой, вызвавшийся побыть осужденным преступником, сердито мычит через вполне настоящий кляп. Он примотан тросом только сам к себе, но качественно и самостоятельно освободиться никак не может. Наши офицеры скептически поглядывают на нас с галереи и посмеиваются. Я закрываю лицо руками, прячась под пультом управления. Стараюсь не представлять, как все наши действия выглядели со стороны на самом деле, особенно мой дурацкий головокружительный подъем на несколько метров.

— Я бы могла вас поздравить, но не с чем, — слышится снизу голос Джуси — одной из младших офицеров. — Ваша засада была глупой шуткой, а не продуманным планом.

— Но с нашей стороны потерь нет, — слышу голос Мина. Лекс вытаскивает меня из-под пульта и с улыбочкой показывает на табло на стене. Рядом с именем Мина горит цифра четыре, значит, он поймал четыре пули, а не только те две, что я видела.

— Почему вы проигнорировали неправильные позывные?! — рывкает Джуси.

Курсанты виновато протирают взглядами пол. Повар злорадно мычит. Райли с Кейт бросаются его развязывать, чем, полагаю, значительно улучшают качество сегодняшнего ужина.

После ужина учебка продолжает нервно гудеть, ведь завтра всем предстоит важный день — день распределения. Этот день будет особенным почти для всего Муравейника, даже для тех людей, кто не получил в этом году нового назначения, ведь большая часть их ближайшего окружения все равно поменяется. На двадцатом уровне Муравейника, в школе, сегодня прошли экзамены, а завтра бывшие школьники вступят в гильдии и переедут из когартов своих отцов в общежития на нижних уровнях и начнут строить свою собственную жизнь. Завтра же наши курсанты переедут из учебки стражей в свои первые собственные апартаменты, пусть пока что маленькие и тесные, и под руководством младших офицеров займутся настоящей работой стражей на благо гильдии и всего города. Младшие офицеры также меняют местожительство и переедут из своих уже достаточно шикарных апартаментов в чуть более шикарные. Кроме того, многие из персонала, обслуживавшего курсантов и офицеров весь этот учебный год, получают новые назначения и улучшат условия своего проживания. Тут все уже решено и совершенно ясно.

А вот нам с Лексом ничего не ясно. Получается, что завтра мы с ним отсюда выселяемся вместе с остальными, но в отличие от них в никуда. То есть по идее, нам предстоит вернуться на нулевой уровень Муравейника, откуда нас подобрал Кейн, но как нам там теперь устраиваться, у меня нет ни малейшего понимания.

Есть еще вариант — пойти завтра на распределение в гильдии вместе со школьниками и попытаться все-таки вступить в одну из них, но тут есть одна формальная проблема. Поскольку мы с Лексом сегодня и завтра пока еще являемся зависимыми акбратами с оранжевыми идентификационными картами, то на участие в конкурсе на места в гильдиях

мы должны получить разрешение наших шинардов, то есть Кейна и Редженса. Таким образом, сейчас нам нужно либо умолить их дать нам такие разрешения, либо уговорить их отказаться от нас завтра прямо с утра до распределения. Хотя это будет возможно только после того, как командир учебной части вытащит наши идентификационные карты из сейфа в своем кабинете, куда спрятал их несколько месяцев назад в качестве наказания за ту историю с Морисом. Гоню от себя постыдные воспоминания. Может быть, даже Редженс сможет поспособствовать тому, чтобы наши карты нам отдали пораньше, учитывая, что они с командиром братья. Но это только если он будет в хорошем настроении и не станет вредничать. Короче говоря, задача перед нами стоит серьезная, из-за чего мы сейчас и сидим с Лексом в засаде, наблюдая за офицерами.

А они все время чем-то заняты, с кем-то разговаривают, читают и отсылают сообщения, решают какие-то свои вопросы. Настолько сосредоточены, что даже забывают рявкнуть на нас, хотя мы все это время пялимся на них то из-за угла, то из-за колонны какой-нибудь, то сквозь листья растений в кадках на краю платформы, куда они выходят перекурить. Только уже незадолго до отбоя нам удастся поймать удачный момент, когда они оба устроились на диване в игровой и почти безмятежны. Лекс тут же запрыгивает на спинку этого дивана между ними и сует Кейну под нос свой планшет. Он кратко поясняет суть проблемы, и офицер даже удосуживается его выслушать, все так же полулежа и скрестив руки на груди. Лекс пытается подвинуть планшет так, чтобы лениво блуждающий взгляд Кейна все-таки мазнул по экрану.

— И в какую гильдию ты намылился? — гнусаво интересуется офицер.

— Искателей, вот же написано! — Лекс подносит планшет к лицу Кейна настолько близко, что, если бы можно было завизировать разрешение отпечатком носа, у него все бы получилось. Кейн резко отмахивается, но у моего друга реакция отменная, так что планшет остается невредим.

— Ты вообще в курсе, сколько дурацких документов придется составлять?! — ворчит Кейн сердито.

В курсе! Всего три! Я уже все заполнила! — мысленно кричу я, нервно подпрыгивая позади дивана.

— Вета уже все сделала, — рычит Лекс, — тебе нужно только поднять лапу и ткнуть пальцем вот сюда!

— Я тебе подниму лапу! — рявкает Кейн и, ради такого даже приподнявшись с дивана, хватая Лекса за шкуру и сбрасывает его на пол.

— Ну и хрен с тобой, — выплевывает Лекс, поднимаясь на ноги. Я кладу ладони на мягкую толстую спинку дивана позади головы Кейна, представляя, как душу последнего, но даже в своих фантазиях у меня ничего не получается, так что только злобно выдыхаю. Офицер, не оборачиваясь, нашаривает мои руки и кладет их к себе на плечи возле основания шеи. Я несколько раз с силой сжимаю их, но тот только вздыхает от удовольствия.

— Редженс, ну ты-то хоть разумный человек?! — делает вторую попытку Лекс. Перелистнув в планшете на другой документ, он протягивает его второму развалившемуся на диване офицеру.

— Нет, — коротко и безапелляционно отвечает Редженс.

Лекс еще пытается дополнительно высказаться, но уже достаточно ясно, что наши пока еще шинарды не собираются нам помогать, и их с этой позиции не сдвинуть. А вот нас с нашей очень даже можно, что неожиданно резво вскочивший Кейн и демонстрирует,

выпихивая нас из комнаты под одобрителных смех других офицеров.

Вот и настал наш последний день.

Лекс помогает вытащить в зал моего носочного монстра. Я сделала его специально из старых носков по обобщенному образу Кейна и Редженса, для того чтобы вымещать на нем свои беды и печали, но слегка привязалась к этому чудовищу, так что беру его с собой. Мы сажаем монстра возле стены, но он тут же падает и в таком положении становится похож на груду мешков, которой собственно и является. Моя сменщица, дождавшись, наконец, чтобы мы освободили ее территорию, бросает на нас прощальный взгляд и идет обустроиваться. Мы же остаемся стоять, не зная, что делать дальше.

Мимо нас с деловым видом проходят последние курсанты, таща на себе оставшиеся вещи. Некоторые поспешно делают еще фотографий на память, хотя этим они занимались чуть ли не весь последний месяц. Но с их уходом учебка не пустеет. Обслуживающий персонал также деловито наводит ей марафет перед приемом новой партии учащихся, так что вокруг не стихает шум. А вскоре уже следующая группа младших офицеров заходит в зал. Встречающий их старший офицер показывает, куда идти для первого инструктажа. Обогнув их, мимо нас пронесется Кейн.

— Идите к машине! — бросает он нам на ходу.

Нагрузившись вещами, мы направляемся к выходу в коридор. Обернувшись в дверях, оглядываю общий зал в последний раз. Всем, похоже, пофиг, а я вот буду скучать по этому месту. Не такой уж плохой здесь год прошел. Не без приключений, не без опасений, не без конфликтов, зато интересно. Боюсь, на нулевом уровне, куда мы прямо сейчас вернемся, наша жизнь пойдет так же тухло, как и раньше. Хотя все, конечно, во многом зависит от нас, а мы за это время успели измениться. Лекс так вообще оброс множеством полезных знакомств, так что у него все должно быть хорошо. Главное мне не тянуть его назад, снова спрятавшись в свою мышиную норку.

Догнав Лекса в коридоре, иду за ним до гаража. Дверь туда распахнута, так что мы можем зайти туда и без карт. В отделении, где находится личная машина Редженса, тоже. Рядом с ней стоит восторженно улыбающаяся Ристика в блестящем топике и шароварах розово-оранжевых тонов. При нашем появлении она едва может сдержать свой восторг и подпрыгивает на месте. Ее каблук грохочет по звонкому покрытию пола.

— Свершилось! — вопит она и бросается обнимать Лекса, а потом и меня. — Он берет меня с собой! Я акбрат, я акбрат! — повторяет она, отплясывая вокруг нас. Множество бусин на блестящих нитках, свисающих с ее одежды, которая наверняка является ее новым самопошитым шедевром, пляшут вместе с ней.

Очевидно, Кейн, промурыжив девушку этот год, согласился-таки стать ее шинардом, исполнив таким образом напоследок ее давнюю мечту. Лекс наблюдает ее танец и на его лице отображается как восхищение, так и сожаление.

— Ну что вы такие кислые! — Ристика пытается растормошить друга, вцепившись в его локоть. — Мы же теперь будем жить вместе!

— Не вместе, мы с Ветой возвращаемся на нулевой, — нехотя напоминает Лекс, не желая испортить ей праздник. Увы, от фактов не убежишь. Кейн сейчас притащит нам наши новые белые карты с самым низким статусом.

— А точно, вот тьма! Я забыла, — настроение девушки тут же меняется на совершенно

противоположное. Она отворачивается, и, теребя бусину, случайно пинает одну из коробок, стоящих вдоль борта машины.

— Что это? — пытается отвлечь ее Лекс.

— Большую часть моих вещей Кейн уже перевез, — тихо объясняет Ристика, глядя на свое грустное отражение на дверце машины, — но девчонки вспомнили, что кое-что у меня одалживали, так что вот.

— Давай загрузим их в салон, — предлагает Лекс.

Ристика кивает и вытаскивает свою новую оранжевую идентификационную карту акбрата из расшитого бисером чехольчика. Сегодняшний свой наряд она, наверное, подбирала так, чтобы он с ней сочетался. Приложив карту к считывателю, она опускает руки, даже скорее роняет их. Сделав шаг вперед, Лекс открывает дверь за нее, и она бросается ему на шею, скорбно причитая:

— Я так не хочу, не хочу! Я не хочу ехать к нему одна!

Вот же ж черт! Ристика все же побаивается Кейна, хотя все это время умудрялась свои страхи скрывать. И я бы сказала, бояться есть чего. Жестокость ее нового шинарда никогда ни для кого секретом не была, хотя он и пытается подавлять ее или, по крайней мере, соизмерять, чтобы ненароком не поубивать свои жертвы. Ристика же всегда мужественно сносила жестокое обращение с его стороны и все унижения, которые он на нее обрушивал, разряжаясь. Наоборот казалось, что для нее такие отношения вполне нормальны и желательны. Она всегда до сих пор держала лицо вполне довольного ситуацией человека, из-за чего никто и не думал вмешиваться. Понятно, что Ристика хочет наверх. Все хотят. Но даже для быстрого продвижения за чужой счет, у нее, полагаю, есть и другие варианты. И все же Ристика вцепилась в Кейна, и все, в том числе Лекс, приняли ее выбор. А вот теперь такая картина.

Лекс беспомощно обнимает рыдающую уже девушку, не зная, что теперь с этим делать. Если ей нужен рыцарь на белом коне, чтобы ее спасти, то он у нее, конечно, есть, но неплохо было бы этому рыцарю точно знать, в каком направлении скакать.

— Ты можешь не ехать, — говорю я робко.

— Не могу, он меня заставит, — проговаривает сквозь плач Ристика, сжимая Лекса в отчаянных объятиях, словно прощается с ним навсегда.

Я хмурюсь. По закону естественно Ристика имеет право отказаться от статуса акбрата в любой момент и вернуться на свое, положенное ей место в общежитии. Только вот Кейна такой поворот событий в восторг явно не приведет. Судя по опыту Паломы, уйти от офицера стражи задача не из легких и для этого необходимо заручиться немалой поддержкой. Первый, кто приходит на ум, это Кирилл, но он учебку уже покинул. Ближе всех Редженс, и он, конечно же, не даст своему побратиму размазать по стенке внезапно заартачившуюся Ристику и Лекса, который, конечно же, примет на себя первый залп гнева Кейна. Но это максимум, что Редженс сделает.

— Можешь вернуться в зал, пока Кейн не пришел, — предлагаю после раздумий. — Там сейчас полно офицеров. Скажешь о своем решении перед ними. Не будет же он тебя насильно выволакивать оттуда у всех на глазах.

Ристика перестает громко плакать, задумавшись. Потом, сербнув носом, она гладит Лекса по шее и отстраняется от него.

— Мы же сможем видеться, правда? — спрашивает она, глядя на него опухшими от слез глазами.

Лекс недоуменно кивает, так и не поняв, чего же она хочет, и, соответственно, что ему по этому поводу делать.

— Тогда я поеду, — решается Ристика.

— Да, да, мы все едем, — говорит Кейн, быстрым шагом подходя к машине и с неудовольствием глядя на кучу вещей, валяющихся вокруг нее. — Загружаться кто будет?

Редженс, вошедший первым, молча подходит к водительскому месту и зашвыривает внутрь принесенную им сумку. Затем офицеры усаживаются на передних сиденьях, предоставив нам втроем размещаться на заднем, как вздумается.

Будучи слегка на взводе, мы все же довольно оперативно размещаемся там со всеми вещами, и внезапно захлопнувшаяся дверца не причиняет никому вреда. Редженс пристегивается, проверяет датчики и подает сигнал на открытие внешней двери отсека. Уже собираясь поднять машину в воздух, он оборачивается назад на Лекса, которого не видно из-за сидящего у него на коленях носочного монстра. Монстр, упираясь головой в потолок, скосбочился и криво улыбается ему нарисованной улыбкой. Кейн тоже оборачивается и произносит что-то нецензурное.

— Он тоже едет? — спрашивает Редженс, на лице которого не дрогнул ни один мускул.

— Сувенир, — глухо поясняет Лекс из-за мешка-туловища. Он не видит офицеров, но догадывается, что именно привлекло их внимание.

— С такой рожей у него небось и имя есть? — предполагает знаток женской психологии Кейн.

— Кейред, — представляю я монстра, нервно постукивая пальцами по коробке, которую держу на коленях.

— Он похож на боксерскую грушу, — с пониманием говорит Редженс.

— Ну в принципе так и задумывалось... — начинаю я, но не успеваю сказать, что нам его жалко стало по мордасам лупить.

— Имя сменить, — приказывает Редженс, снова поворачиваясь к выходу и кладя руки на руль.

— Причем, за то время пока летим, — добавляет Кейн.

— Иначе по приземлении он тут же полетит в бездну, — заканчивает Редженс. Эти двое всегда удивительно единодушны.

Когда машина вылетает на свободу, я отворачиваюсь к окну, в надежде насладиться последним в своей жизни полетом, запомнить ощущения и виды проносящихся мимо платформ. На стекло тут же падают капли идущего снаружи дождя. Редженс управляет очень спокойно и уверенно, без труда лавируя среди других движущихся средств, мостов, сетей и канатов. К сожалению, мы быстро достигаем тоннеля, по которому дальше просто поднимаемся по спирали среди огоньков и стрелок. Э, наверх?

Из тоннеля мы выбираемся аж на семидесятом уровне и через десять минут следования по пролетам Муравейника залетаем на стоянку. Аккуратно пристроив машину на причитающееся ей место, Редженс отключает двигатель.

Носочный монстр пододвигается вперед, позволяя Лексу из-за него выглянуть, и чуть не клюет сидящего впереди Редженса в коротко стриженную макушку.

— Сильно извиняюсь, но вы про нас не забыли? — интересуется друг.

— Забыли, — отвечает Редженс резко, — пешком теперь вниз пойдете.

Он открывает дверь и выходит наружу. Кейн также открывает дверь со своей стороны, и мы с Ристикой спешим вывалиться наружу вместе с ее коробками. Лекса с монстром надо

выковыривать, но помочь я не успеваю, Редженс вытягивает мое носочное творение и, держа его за отсутствующую шею, грозно вопрошает:

— Ну и?

Я вспоминаю, что надо было придумать другое имя. Обхожу машину, протягиваю к монстру руки.

— Рейк, — составляю другое имя из тех же букв.

— Нет, — не выпускает мое сокровище из рук офицер.

— Дерк?

— Нет.

— Джерек?

— Реджук? — включается в игру Лекс.

— Нейк? — предлагает Ристика.

— И монстр удаляется, — Редженс идет ко все еще стоящему нараспашку входу на стоянку, помахивая моим детищем, которое бесхитростно улыбается, еще не осознавая нависшей над ним угрозы.

— Нет! — пытаюсь обогнать его и встать на пути. — Пусть будет Счастливым!

— А может Летчиком? — Редженс, легко столкнув меня со своего пути, останавливается только на самом краю платформы и выпрямляет руку с зажатым в пальцах горлом Счастливого, так что тот висит над самой бездной. Голова моего монстра беспомощно откинулась назад, руки и ноги понуро повисли, и, кажется, что из поникшего комковатого тела начала высыпаться вся его наивная восторженность этим миром и необоснованная уверенность в своей безопасности заодно.

Я с непониманием гляжу на выражение лица Редженса, который чуть улыбается уголками губ, полуразвернувшись ко мне. Да что же тебе надо?! Имя то я теперь уже нормальное придумала, а не из букв их с Кейном имен, что теперь не так?

— Нет, на свой летающий аппарат ему еще копить и копить, — говорю я сквозь зубы.

— Так он сам по себе быстрее долетит, — Редженс внимательно смотрит на меня сверху вниз. Не понимаю, чего он от меня ждет. Не представляю к тому же, почему сама так вцепилась в эту грудку чужих старых носок, но упрямо хватаюсь за толстую ногу Счастливого, страхуя его от падения. Хотя, если подумать, когда Редженс отпустит его горло, то массивное туго набитое носками тело меня просто перевесит, и летчиками мы, по видимому, станем вместе.

— Отлично, — Лекс подскакивает к нам и пытается тоже ухватиться за Счастливого, но с другой стороны, из-за спины Редженса, откуда тянуться дальше, так что друг резко и опасно наклоняется вперед, чуть не нырнув в пропасть, и у меня от внезапного ужаса сердце замирает. — Заодно проводит нас вниз, раз больше никто не удосужился, — добавляет Лекс сердито.

Редженс коротко оглядывается на него и с раздражением делает шаг назад, видимо, все же не планируя избавляться от нас таким способом.

— Так вы пролетите ниже нулевого уровня, что будет очередным нарушением! — встревает Кейн сварливо.

Редженс отпускает, наконец, Счастливого, и тот мешком плюхается на платформу.

— Только вам карты вернули, а вы опять за свое, — продолжает бухтеть Кейн.

— Не вернули, — поправляет его Лекс.

— Ах да! Вот они! — Кейн лезет в карман форменных штанов и, достав оттуда горсть

белых пластмассовых обрезков, щедрым жестом высыпает их нам на головы. Очевидно, совсем недавно это были наши новые идентификационные карты жителей нулевого уровня, которые офицер не поленился засунуть в измельчитель, чтобы приготовить нам праздничное конфетти.

— Здорово! Теперь, каждый раз предъявляя документы, я тоже буду так делать, — ворчит Лекс, стряхивая с себя тонкие белые полосочки.

— Приказ был оформить вам белые карты — я оформил! Есть претензии?! — Кейн гримасничает и угрожающе приближается к нам, но видно, что он в приподнятом настроении, а значит, сейчас можно проявить дерзость и с ним не согласиться.

— Конечно, есть, нас же с этим даже в общежитие не пустят! — выпутив из волос пучок белых полосок, тыкаю ими в Кейна.

— Значит, вы будете жить с нами! — радостно вопит Ристика, все еще стоя рядом с машиной, в окружении своих коробок.

Кейн наигранно раздраженно цокает языком и закатывает глаза. Редженс в это время выкидывает из своей машины наши сумки и запирает двери. А снаружи вдруг раздается резкий и противный гудок, и мы все оборачиваемся, чтобы увидеть на уровне глаз бампер чужой машины, явно желающей также воспользоваться своим местом на общей парковке. Кейн поднимает руку, чтобы соответствующим жестом поприветствовать соседей, но Счастливчик, навалившись на него всем телом, вынуждает отступить к стене.

— Ты будешь моим шинардом? — пискляво интересуется носочный человечек. За нашими спинами пролетает тот автомобиль, и дверь на стоянку затворяется, отрезая нас от бездны, что воодушевляет нас всех, кроме Кейна, которому почему-то не нравится быть жертвой домогательств старых носков. Счастливчик буквально залез на него и прижал к стене, удерживаемый сзади руками Лекса. — Отдай мне оранжевую карту, и я отдам тебе свое сердце!

Кейн, пыхтит под нажимом, и рекомендует засунуть этот орган в часть тела, которой у Счастливчика нет.

— Тсс, сделаем это, когда останемся наедине! — радостно соглашается мой монстр, явно намекая, что у самого Кейна эта часть тела имеется.

Самое интересное, что за прошедший год Лекс практически сравнялся с Кейном по силе, и в последнее время у потасовок между ними нет явного победителя. Так что сейчас наш друг не без труда, но справляется сам, однако когда у нас с Ристикой еще будет такая возможность? Мы набрасываемся на Кейна с двух сторон, как голодные гиены, тем более что знаем его самую секретную слабую сторону! Эту драгоценнейшую информацию добыла Ристика, можно сказать, в бою, и теперь пришла пора ею воспользоваться!

Однако от пытки щекоткой, Кейна спасает его верный побратим Редженс, резко прикрикнув на нас от дверей во внутренний коридор, где стоит груженный коробками и придерживая открытые створки ногой. Его низкий голос всегда и на всех действует как холодный душ. Счастливчик вынужденно отступает, правда, напоследок мазнув лапой по лицу своей жертвы.

— Тьфу, — отплеивается Кейн, — я эту куклу на клочки порву, если она еще хоть раз ко мне полезет!

Он сграбастывает одной рукой довольно взвизгнувшую Ристику, от другой мне удается увернуться, благо Счастливчик снова встречается между нами. Но за это он получает увесистого леща и пару пинков в сторону машины. В итоге Кейн, закинув Ристику на плечо,

подбирает наши сумки, Лекс собирает оставшиеся коробки, которые не смог взять Редженс, ожидающий нас у открытых дверей, мне остается только Счастливчик, которого я тащу, перехватив его поперек туловища. Так все вместе мы выходим через коридор в не слишком широкий длинный тоннель, оформленный как городская улица из иномирья, и останавливаемся почти в самом начале.

Кейн опускает Ристику на ноги, позволяя ей спокойно оглядеться вокруг. Посмотреть есть на что. Уличная мостовая выложена серо-коричневой плиткой, имитирующей булыжники, но, конечно, сложенная таким образом поверхность абсолютно ровная и гладкая, иначе уборочным машинам пришлось бы несладко. Высокий потолок покрыт световыми панелями, дающими ровный почти естественный свет, словно над нами голубое небо. Стены облицованы шероховатым камнем, и, цепляясь к ним, вверх ползут искривленные тоненькие стволы искусственных кустарников, обрамляющих своими ветвями и листьями красивые закругленные сверху окна. Последние несимметрично проделаны в стенах и забраны решетками, но общего вида это не портит. С двух сторон немного дальше от места, где мы остановились, в стенах видны широкие двери, отделанные под дерево и с необычными коваными ручками. Считывателей для карт или других каких-либо привычных для Муравейника устройств заметить не удастся. Зато к стенам через каждые несколько метров привинчены вычурные также кованые держатели с фонарями оранжевого стекла. Мне уже интересно, используют ли их по назначению, может быть, вечерами приглушая верхний свет?

Дальше впереди стоит нечто вроде повозки с переложенными соломой фруктами, но ее частично заслоняет выступ в стене. Такой же есть с другой стороны, они расширяются кверху, формируя массивную арку, над которой построена соединяющая две стороны улицы крытая галерея, вдоль нее три узкие дверцы, выводящие на миниатюрные, глубиной в один полушаг балкончики. Предположу, что по этой галерее можно проходить из одних апартаментов в другие, и... учитывая, что Редженс направляется в к двери слева, а Кейн тут же к двери справа, именно по ней они и будут ходить друг к другу в гости.

— Затаскивай это все, — командует Кейн, оборачиваясь. Все коробки Ристики теперь оказались свалены посреди улицы, и, видимо, одному Лексу и предстоит занести их внутрь. Меня Редженс тащит за собой, прихватив только мою сумку.

Считыватель, как и ожидалось, обнаруживается сбоку от двери, спрятанный среди побегов. А правее к стене прилажен странный ящик с крышкой, непонятного предназначения. Рассмотреть не успеваю, поскольку Редженс затягивает нас со Счастливчиком сквозь разблокировавшиеся двери и через маленький холл в большую комнату, частично заставленную коробками с вещами.

Комната смотрится неприветливо, сплошь выкрашенная в густо-зеленый цвет вместе со стеллажами и стенными нишами, являющимися частью Муравейника, только огромный диван горчичного оттенка выбивается из всего. В дальней части расположена лестница, должно быть, ведущая ко входу на ту самую приметную галерею, пересекающую “улицу”, а рядом с ней совершенно непонятный шест от пола до потолка.

Снова дав нам несколько секунд, чтобы насладиться видом, Редженс тащит нас дальше в самую дальнюю часть просторных апартаментов. Двери раздвигаются перед ним автоматически. Останавливаемся в еще одной большой комнате, но это уже жилая, со спальным модулем, утопленным в стену.

— Жить будешь здесь, — коротко информирует Редженс, отпуская наконец мое

предплечье одновременно с ручками сумки с моими вещами. Он вынимает из кармана рубашки оранжевую карту, и поскольку обе мои руки все еще обнимают Счастливого, кладет ее на поверхность выроста Муравейника, которую вполне можно использовать как исполинский письменный стол. Покончив с моим обустройством, он разворачивается и выходит из комнаты.

Что ж, это не было высказано вслух, но он, очевидно, снова мой шинард, как и Кейн для Лекса, то есть предписание старшего по званию вернуть нас обратно на нулевой уровень было выполнено этими двумя лишь формально. Вернули (оформили возвращение) и тут же забрали снова. Из вредности нам ничего о своих планах не сообщили, но обидно, конечно, не это, а то, что не дали нам попробовать вступить в гильдии. Хотя их логику понять тоже можно. Вступление в гильдию означает собственное жилье, возможность подняться, независимость и даже в некоторой, хоть и небольшой степени, защиту. А так мы вроде как никуда не денемся. Если уходить, то только на нулевой, а то и в никуда. Но мне не нравится так о них думать. Эта мысль горькая с привкусом желчи.

Между тем моя новая комната просто роскошна, так что мне как-то неприлично жаловаться. Окрашена в приятные бежевые и карамельные тона. Верхний ярус занимает примерно четверть площади, забраться туда можно по винтовой лесенке. Из отдельно стоящей мебели осталось только кресло ядрено-желтого цвета, куда я сажаю моего носочного монстра. Вот и половина тяжести с души свалилось. Это, оказывается, не думы тяжкие меня к полу тянули, а Счастливчик руки оттягивал. Теперь меня больше всего интересуют занавеси на дальней стене.

Занавески также желтые, но другого более темного оттенка, плотно задернуты. Найдя, где посередине смыкаются два полотнища, аккуратно заглядываю за них, а там еще одно окно. Выходит оно в общий для нескольких апартаментов зал, который оформлен как... музей космонавтики? Как-то неожиданно для места, в котором люди собираются вместе не для самых интеллектуальных занятий. Под потолком подвешены макеты космических кораблей, но мне отсюда их толком не разглядеть, может, они супер-антивандальные? Впрочем, по моему опыту, таких технологий все еще не придумано, и против алконавтов не устоит ничто.

На противоположной стене множество экранов, один, самый большой, похож на огромный иллюминатор, через который видна какая-то голубая планета. Рядом с экраном останавливается мужчина, по-видимому, наш новый сосед, одетый в черный комбинезон, то есть из гильдии искателей. Он задумчиво вертит в руках пульт, нажимает на кнопку, и перед ним появляется другой вид на эту же планету и ее спутник, а теперь астероид, хлоп, несущаяся вдали комета, хлоп, космическая станция, хлоп, еще какая-то конструкция на фоне темного и чарующего космического пространства. Так он переключает и не видит, что в его сторону бредет роботизированная собака в скафандре. Ритмично переставляя конечности, она приподнимает голову, когда требуется обойти диван, и его она огибает, но живое препятствие не кажется умной машине достойным того, чтобы из-за него корректировать траекторию движения, так что она просто подает звуковой сигнал.

— Ав! — слышу я даже отсюда. Сосед от неожиданности подпрыгивает на месте, а собака между тем продолжает движение, так что в следующее мгновение мужчина с удивлением обнаруживает себя верхом на роботе, который непреклонно продолжает движение, уже с ношей на спине. Самая невозмутимая робособака на свете. Но может и надо так к жизни относиться? Что можно — подвинуть, что нельзя скинуть — дальше тащить?

Глава 3

В пять утра включается верхнее освещение, не резко, а постепенно увеличивается яркость. С полминуты я еще нежусь, не в силах подняться с этого ужасного матраса и даже разлепить веки. Ощущение, что он проглотил меня, одурманил дремотной сладостью и, пока я ничего не понимаю, потихоньку переваривает меня. В попытке спастись перекатываюсь на бок и приоткрываю один глаз. Да, вот он, край матраса, если сделать еще переворот, то я свалюсь с него на пол, мне станет не так комфортно, и я смогу встать.

Но тут в комнату влетает Ристика, и организм сам собой переходит в сидячее положение.

— Ты еще дрыхнешь? — практически выкрикивает она. На ней платье из блестящих полосочек и два пучка на голове, которые вряд ли полностью состоят из волос, настолько они большие. За счет чего только держатся? — Потрясные матрасы, да? Это потому что семидесятый уровень, все по высшему разряду! Прямо вставать не хочется! Но я встала за два часа, потому что нужно было привести себя в порядок! Я же сегодня выхожу на новую работу! — Тараторит Ристика, одновременно оглядываясь вокруг. — Можно я твои шкафы заценю? Вчера десять часов свои шмотки раскладывала!

Киваю. Я раскладывала секунд десять. Встаю, иду надевать штаны и задаюсь вопросом — а когда Ристика вообще спала?

Из ванной комнаты напротив моей спальни возвращаюсь быстро, но смотрю, подруга уже успела заново разложить мою одежду в разные ячейки до сумасшествия огромного шкафа и развесить на вешалках мои несколько футболок, кофту и куртку.

— Я расскажу тебе о своей новой работе! — восторженно говорит Ристика, разъезжая по комнате на спрятанных в подошвы ее массивных туфель роликах. — Не поверишь, но это...школа модельеров!

Ну почему ж, не поверю? Ей там самое место. Только как это технически получилось?

— Я сразу после вступления в обслуживающую гильдию туда заявку подавала, но меня не взяли! Я по конкурсу не прошла, — Ристика на пару секунд надувает губки и делает плаксивое выражение лица. — Предложили место в швейной школе, но оттуда меня выгнали всего через месяц, — тут она хмурит бровки. — Ты, наверняка, считаешь меня неудачницей?

“Да”, - чуть машинально не соглашаюсь я, но, к счастью, прямо в этот момент зеваю. На самом деле ее неудачи вполне объяснимы. В школу модельеров, как я слышала, берут уже опытных учеников, прошедших и швейную школу, и дополнительные курсы по тканям и прочему. Из новичков же выбирают всего одного(!) самородка “со свежим взглядом” на стиль, при этом желающих сразу начать получать творческую профессию каждый год просто море, в котором легко затеряться. А в швейной школе Ристика не удержалась наверняка из-за своей неусидчивости. Какими-то своими новыми проектами она может заниматься часами, но рутинные задания ей не даются. Она и полы-то моет... местами, зато танцуя и всегда в хорошем настроении. Ее творческий подход к вытиранию пыли вообще вылился в небольшую коллекцию верхней одежды и аксессуаров осень-зима, нарисованную пылью на партах.

— Таланта тебе не занимать, а вот удача пригодилась бы, — отвечаю.

— И она мне улыбнулась! — расплывается в улыбке Ристика. — С сегодняшнего дня я буду присутствовать в школе модельеров по полтора часа в день. Правда буду там уборкой

заниматься, так что это будет не во время самих занятий, но все равно я окунусь в эту шикарную атмосферу творчества! Правда, круто?! А там, глядишь, подсуечусь как-нибудь... или кто-нибудь важный заметит мои идеи... — мечтательно протягивает она.

В обнимку мы с ней прыгаем по комнате, празднуя ее боевой настрой. Легко могу представить ее удачливым востребованным модельером. У нее и руки откуда надо растут, и нестандартное видение присутствует, да и своего шанса она точно не упустит. Радуемся, радуемся, пока не начинает кружиться голова, и мы с хохотом не падаем на постеленный в спальном модуле матрас. Ну, какой же матрас!

Ристика уходит поправить два шара своих волос, из которых в результате наших скачков не эстетично выбились волосинки. А я иду искать Редженса, которого тоже надо бы проводить на работу, а заодно узнать, как он видит наше дальнейшее совместное существование.

Сегодня апартаменты уже не кажутся мне бесстыдно огромными, я почти свыклась с ними, но все же для двоих площади слишком много. Не собирается ли теперь Редженс увеличить свой когарт? Сочтет ли он нужным предупредить меня об этом? Такие мысли проносятся у меня в голове за секунду до того, как я почти сталкиваюсь с человеком, выходящим из душевой. На голове у него полотенце, которым он интенсивно вытирает волосы. Оно мешает ему меня увидеть, и я незамеченной пячусь назад.

Это абсолютно голый мужчина, который плохо вытер свое поджарое рельефное тело с татуировкой змеи на боку. На темных волосах, покрывающих его живот и некоторые другие части, блестят капельки воды. Это точно не Редженс, которого я, конечно, в таком виде не видела, но тот более ширококостный. Не отрывая взгляда от картины, которую совсем нельзя назвать неприятной, но от чего-то вызывающей у меня чувства стыда, я делаю еще шаг назад и юркаю за выступ стены.

— Эй! — слышу я недовольный окрик.

Вот тьма бездонная! В закутке я натываюсь на очередные пустые полки, их в апартаментах сейчас предостаточно. О! Метелочка для пыли, оставленная предыдущими жильцами.

Помахивая полотенцем, передо мной предстает все еще нагой Кейн. Но у него же есть свое жилье, почему он не может ходить голым там?! Я смущенно выставляю между нами метелочку.

— Чего ты делаешь? — выплевывает Кейн.

— Пыль вытираю, — сообщаю я. Чтобы не смотреть ниже, аккуратно вытираю пылинку с кончика его носа. Он перехватывает мою руку, не давая продолжить, хотя я и так не собиралась — Кейн и так выглядит очень чистым. Везде.

— Чай нам иди завари! — рычит он.

Протискиваюсь мимо него, ведь Кейн конечно же и не думает подвинуться, проложив между собой и его горячим влажным телом метелочку — такая полезная вещь! — и бегу на кухню. Там замираю в полнейшей прострации.

Все что имеет отношение к кухне свалено в большой коробке на кухонном островке, там же стоит большой пакет с продуктами. Что такое чай, я знаю — обычно так называют любые смеси засушенных листьев, трав и цветов, залив которые кипятком можно получить ароматный напиток, хотя вообще-то это растение. Вот как раз я вынимаю из пакета упаковку чего-то скукоженного, сухого и шуршащего. Подойдет. Кипяток можно получить, нагрев воду в кастрюле на плите. Пытаюсь разобраться, как работает плита, когда неожиданно

вспоминаю, что для чая существует специальная автономно работающая кастрюля, которая называется чайник. Я видела такой в фильмах, и вот он стоит на тумбе. С этим понятно. Пока кипятится вода, ищу что-нибудь, в чем можно будет заварить самую сухую смесь, не в чайник же ее бросать. Наверное.

В итоге на всякий случай переливаю получившийся кипяток в кастрюлю, высыпаю в него смесь и накрываю крышкой. Через несколько минут на кухню заходит Редженс. Он уже почти полностью одет, только на ходу застегивает не заправленную в штаны рубашку. Кошусь на него. Действительно, комплектация у них с Кейном разная, невозможно спутать. Представляю, как мой шинард выглядел бы в подобной ситуации, и в задумчивости облизываю пересохшие губы.

— Чего ты? — с подозрением интересуется Редженс, подходя к круглому кухонному столу, вокруг которого беспорядочно раскиданы стулья.

— Ничего. Сейчас чай будет, — быстро информирую его я, пытаюсь изгнать из головы неожиданно яркий образ голого мужского тела.

— Хорошо бы, — усмехается Редженс.

Кейн приходит следующим, уже в трусах и майке, и, прежде всего, подходит к пакету с едой. Его осветленные почти добела волосы стоят ежиком. Следом появляются Ристика и Лекс. Мой друг потирает рукой лицо.

— Драться в пять утра — это беспредел, — заявляет он.

— Это тебе за куклу вашу, — Кейн, достав из пакета несколько булок, одну засовывает в рот, остальные тащит ворохом к столу.

— С утра нужно зарядкой заниматься, а не людей бить, — возражает Лекс.

— А мы и занимались зарядкой, ты просто не вовремя вошел, — говорит Редженс, удобно устраиваясь на одном стуле, а ноги вытягивая на другой стул.

— А кто меня не вовремя позвал?

— Я тебя вовремя позвал, — с набитым ртом проговаривает Кейн.

Пока они обсуждают эту животрепещущую тему, я приподнимаю крышечку с кастрюли. Чайники все успели опуститься вниз, но полученное варево на вид внушает сомнения и зубодробительно сильно пахнет. На пробу наливаю часть в чашку, стараясь, чтобы туда проникло хотя бы поменьше чаинок. Ну, на вид...

— Чай будет вообще или нет?! — гавкает Кейн.

Что ж, ставлю чашку перед ним. Поставив локти на колени, он наклоняется над чашкой и странно смотрит на мой чай, а его нос словно отползает подальше вверх по лицу.

— А мне нальешь? — интересуется Лекс.

— Что-то я в нем не уверена, — качаю я головой, продолжая следить за Кейном. Судя по его лицу, я заварила яд.

— Может, хоть вилку дашь? Как я буду это есть? — удивительно спокойно спрашивает мужчина. Ясно, значит, получилось крепковато.

Велик соблазн и правда дать ему вилку, но решаю, что это будет уже слишком. Забрав у него чашку, по новой ставлю чайник, чтобы очень-очень сильно разбавить впервые полученную мной заварку. В итоге первой порции хватает на то, чтобы разлить чай приемлемой заваристости на нас всех и еще много остается.

— Так как мы будем дальше жить? Где работать? — интересуется Лекс, присев на ближайший стул с полученным от меня, наконец, напитком. — Вы нас уведомите хотя бы письмом или нам предстоит случайно догадаться?

— Ну, ты ж хотел в гильдию? — напоминает Кейн, вынимая из кармана Лекса его карточку. — Так у тебя сегодня вводное занятие, смотри не опоздай.

Лекс выхватывает карточку обратно и напряженно всматривается в текст на ней.

— Научная гильдия?! — выкрикивает он, вычитав, наконец, куда его определили. — Как вы меня туда засунули и, главное, за каким хреном?!

— Так, у ученых в этом году совсем слабый набор, — сообщает Редженс, — так что они очень просили одолжить им какого-нибудь шута погорошителей, чтоб на его фоне остальные студенты не так раздражали.

— А Вету вы куда запулили?

Я виновато поживаю плечами — моя карточка так и лежит на столе в комнате, отвыкла повсюду носить ее с собой.

— Мыши работать не надо, пусть по дому шуршит, — говорит Кейн, дожевывая вторую булку, заодно щедро рассыпая вокруг себя крошки, которыми мне, видимо, и полагается шуршать.

Я со стуком резко ставлю чашку на стол, только так выражая свое несогласие.

— Но можешь сходить развлечься на вводном занятии в обслуживающую гильдию, — разрешает Редженс, достает из кармана маленький планшет и кладет передо мной. — Проверь свою почту. С удивлением хватаю устройство и вижу, что на меня уже заботливо завели почтовый адрес, на который пришло письмо от гильдии с тем, когда и куда мне надлежит явиться сегодня.

— Почему не наоборот? Она любит учиться, а я читаю по слогам! — рычит Лекс.

— Потому что она будет нам убирать и готовить, а ты нам будешь настроение поднимать, пытаясь прочитать хотя бы свое расписание на день, — раскрывает тайну Кейн.

— Я не умею готовить, — встречаю я, хотя странно, что этого все еще никто не понял.

— А кто будет нас завтраком кормить?! — рявкает Кейн. — Не каждый же день булки жрать.

— Можно же завтракать в кафе, — робко недоумеваю я.

— Они все на нашем уровне открываются с десяти, а я уже привык жрать кашу перед началом работы. Если меня не накормить, я прямо с утра кого-нибудь убью, ясно?! — просвещает меня Кейн. — А ты? — он угрожающе оборачивается к Ристике, тихонечко пьющей свой чай.

— Я тоже не умею, — тоненьким голосочком отвечает она.

— Ты уже три года в обслуживающей гильдии, чем ты там занималась?! — при каждом вопросе Кейн выплескивает из себя волну раздражения, от которой качается стол.

— Я научилась корзинки плести, — признается Ристика. — И варить мыло.

Мы с Лексом заговорщически переглядываемся, думаю, нам обоим пришла в голову хулиганская мысль накормить Кейна мылом.

— Я вас самих сварю! — рявкает тот вроде бы не к месту, но, возможно, это его превентивный ответ на наш невысказанный план. — Значит так, идешь на учебу в свою гильдию и учишься там готовить! — приказывает он, пронзая меня острым взглядом. — Чтоб к утру умела!

— К которому? — пишу я.

— К сегодняшнему! Так что ты уже опаздываешь. Не зли меня! — проговаривает Кейн уже очень злобно. — А это тебе, — неожиданно мужчина подхватывает со стола перед собой последнюю булку и кидает ее в Лекса. Друг сначала растеряно моргает, не понимая, в чем

смысл такой щедрости.

— Ты мне булочку дал? Как чертовски мило с твоей стороны.

— Это не мило, это твоя снаряга, — поясняет Редженс.

— Вы мне кусками булки отстреливаться предлагаете при прорыве на занятия ученых?

— Нет, это чтобы, когда тебя похитят, ты крошки по пути следования разбрасывал, чтобы мы тебя потом по ним нашли. А лучше твоего похитителя.

— А ученые тоже отжигать умеют, да? — Лекс прямо-таки воспрял духом.

— Это не установлено, — с серьезным лицом отвечает Редженс.

— Тебя сегодня же на практику пошлют, — Кейн наконец начинает излагать по существу. — К одному чуваку, который всякими трубами там заведует, тубзики чинит, засоры прочищает — крыса канализационная короче. У него уже два подмастерья подряд исчезли с концами. Ты третьим будешь.

— Еще раз спасибо за булочку, — скептически благодарит Лекс.

— А что? Там по ходу маньяк завелся. Вы же с Мышкой любите маньяков? Вот, мы вам нашли одного, цените, они редко случаются, — злорадно лыбится Кейн.

Чай крепко так покрасил стенки кастрюли, хорошо я не сразу в чайник пачку высыпала, у него горлышко уже. Пока отмыла посуду, остальные уже отбыли на свои рабочие или ученические места, так что выхожу из апартаментов последней. Захлопываю за собой дверь, которая тут же блокируется, а мой взгляд снова падает на странный ящик на стене сбоку. Честно сказать, у меня уже начался мандраж перед походом в незнакомое место к незнакомым людям, так что отвлечься мне очень хочется, не смотря на то, что прийти туда заранее хочется тоже. Но пара секунд ничего не изменит, так что останавливаюсь, изучаю ящик, поднимаю крышку и засовываю туда руку. Внутри на ощупь какая-то плотная бумага. Достая — открытка с розовыми сердечками и котятами. Внутри надпись размашистым почерком с завитушками на пол открытки: “Люблю, обнимаю, скучаю”. Вместо подписи сладкий цветочный запах.

Аккуратно кладу открытку на место — наверняка от прошлых жильцов осталась. А ящик этот, предположу, для старой бумажной почты. Сейчас бумажные открытки очень даже в моде, но суют их, куда ни попадя, туда, где их точно найдет адресат, хоть к двери прилепят. А ящики для корреспонденции я видела только в учреждениях, и там они выглядят совершенно иначе. Здесь же он скорее как элемент декора, хорошо вписывается в улицу, а не спрятан от глаз как считыватель для карт.

Тревога всю дорогу сжимает мне горло, пока я спускаюсь в помещения учебки обслуживающей гильдии и ищу нужную аудиторию. К счастью по пути у меня никто ничего не спрашивает, а то услышали бы только растерянное клокотание в ответ. Сейчас семь десять утра, и коридоры заполнены живой движущейся рокошущей толпой. Занятие должно начаться в семь тридцать.

Перед дверью в аудиторию приходится преодолеть рвотный позыв, благо я пила только свой ужасный чай и то меньше чем пол чашки. Уговорив его не выступать, отворяю дверь и словно ныряю в горячую воду. Надеялась прийти раньше других, но в комнате уже человек двадцать, молодые девушки и парни, весело и громко переговаривающиеся друг с другом, неровно распределившись среди рядов одиночных парт. Моя надежда незаметно приземлится где-нибудь в дальней части класса сразу же рухнет. Остаются свободными от вещей места, только самые близкие к столу преподавателя, установленного рядом с широкой доской на стене. Под шушуканье и оценивающими брезгливыми взглядами тихонечко пробираюсь к одной из этих парт и сажусь на стул боком, чтобы не оказаться спиной к остальным. Ни на кого прямо не смотрю, но обстановку мониторию, прямо как привыкла это делать в школе и в приюте, честно говоря, не рада, что приходится к этому возвращаться.

За то время, что мы находимся в ожидании преподавателя, в аудитории успевают произойти важные процессы с выкристаллизовыванием негласного лидера и дележом мест возле его, точнее ее, ног. Украдкой успеваю немного разглядеть возможный источник будущих проблем. Это крепко сбитая девушка среднего роста с красивым точеным, но искривленным презрительной гримасой лицом, крупными серьгами, низко оттягивающими мочки ушей, кольцом в носу и странной прической, похожей на вбитый в ее гладко причесанную голову кол, обвитый тонкими косичками. Пытаюсь представить, как такой “рог” на макушке можно применить в бою, но она, кажется, замечает мой взгляд, и я быстро отвожу его. К счастью, в аудиторию входит преподавательница.

Поразительно, но наш куратор имеет во внешности много схожих черт с той девушкой-заводилой. Тот же надменный изгиб губ, жесткий взгляд, плотность телосложения и хрупкие черты лица, только волосы подстрижены очень коротко, но также плотно облегают голову. К ее не очень хорошо сшитому деловому костюму сине-фиолетового цвета точно как у стражей к форме воинственно прилажен хлыст.

Куратор обводит всех сердитым взором, и на мгновение в аудитории воцаряется тишина. Но следом по комнате рассыпаются смешки и фырканье.

— Меня зовут Фрида Эир Маргресе. Я ваш куратор, так что заткнитесь и сядьте! — рявкает женщина так, что я с трудом сдерживаю порыв прикрыть уши. Но остальные ребята неторопливо рассаживаются, демонстрируя лишь пренебрежительный интерес. Некоторые проявляют нарочитую медлительность, решив прямо сейчас порыться в сумках или проверить гаджеты, но ничего особенного, к чему не привыкли бы наши школьные учителя, не происходит. А вот Фрида почти моментально приходит в ярость. Сверкая глазами, она отточенным движением срывает с крепления хлыст и вихрем проходится по аудитории, а хлыстом по спинам и рукам своих подопечных. В ответ кто-то вскрикивает, кто-то смеется.

— Э, что за шутки? Вы вообще имеете на это право? — лениво с места подает голос наша “лидерша с рогом”.

— Про права какие-то вспомнила? — уничижительно вопрошает куратор, возвращаясь за свой стол. — Да вы все тупой никчемный мусор! — выплевывает она каждое слово. — Вся ваша группа долбаный эксперимент. — Вы отбросы не нужные ни одной гильдии, и в прежние времена вы отправились бы прямиком на нулевой сразу с распределения прямо через мусоропровод. Но Союз гильдий решил дать вам незаслуженный шанс выбраться из дерьма, которым вам, навозникам, не хватит мозгов воспользоваться. Тем не менее, этот год, прежде чем рухнуть туда, где вам и место, вы проведете под моим присмотром. Поняли ваш статус в гильдии? — Фрида последовательно обводит нас пылающим взглядом, стараясь заглянуть в глаза каждому. — До ваших прав, как и до вашего благополучия никому дела нет. Так что считайте, что я ваш единоличный господин и надсмотрщик и буду делать с вами все, что посчитаю нужным! Моя единственная задача — вытерпеть вас до очередной ротации, когда смогу самолично выпнуть вас вниз.

Кажется, своей речью Фриде лучше удалось привлечь внимание аудитории, чем смачными ударами, которые она только что раздала.

— И все же, я обязана вас уведомить, — скучным тоном добавляет куратор, — что если вы будете прилежны на занятиях и будете достаточно прилично себя вести, то сможете задержаться в общежитии двадцать первого уровня и, может быть, даже в будущем переползти на пару уровней выше. Но лично я сильно сомневаюсь. У моего kota больше мысли во взгляде, чем у большинства из вас.

Успокоившись, Фрида рассказывает нам о том, что у нас будут за занятия. Вообще обслуживающая гильдия предоставляет множество направлений обучения, можно получить одну или даже несколько профессий и различные навыки. Конечно, прием на некоторые специальности ограничен и на них проводятся дополнительные конкурсы. На другие же берут всех желающих. Количество курсов, на которые можно записаться одновременно, зависит от суммы баллов выпускных школьных экзаменов. Меня, очевидно, запихали в худшую группу, не смотря на мои результаты в школе, и предположу, это из-за того что я не была на распределении и меня зачислили в гильдию позже всех. Что ж, в итоге у меня нет выбора и пройти я смогу только один курс, выбранный для нас куратором — то есть курсы

уборщиков, и Кейн остается без каши.

Сам виноват.

Зато у нас будет общеобразовательный курс, продолжающий школьный, но без разделения на предметы. Как бы понемногу обо всем. Фрида заставляет нас подходить к ее столу строго по одному за учебником, и эта сложнейшая операция занимает больше получаса, с криками, руганью и раздачей ударов хлыстом. Мне лично ни один не достался, но все равно больно. Голова раскалывается и от шума, и от этой бесполезной траты времени. Неужели так будет каждый раз? Точнее два раза в неделю — один день профессиональное обучение, другой общее. Еще три дня практика.

Далее целый час уходит на выяснение своих назначений и пустые препирательства, сопровождающиеся, как я уже сказала, криками, матюгами и битьем. Фрида последовательно отправляет всех на самые грязные работы на нижних уровнях Муравейника, жестко пресекая недовольство, пересыпая свои речи угрозами и оскорблениями.

Мое имя, как и ожидалось, в самом конце списка. Что бы за назначение мне не дали, спорить не собираюсь, тем более что это, очевидно, бесполезно и жестко карается. Лишь бы уйти отсюда поскорее. Уже мысленно вижу себя за дверью, но тут Фрида внезапно с неуместной торжественностью зачитывает, что меня гильдия назначает на семидесятый уровень! После пяти секунд убийственной тишины, я юркаю под парту, спиной чувствуя приближающееся ко мне цунами ненависти! В следующее мгновение оно действительно обрушивается на меня бранью, плевками и множеством скомканных бумажек. За следующую минуту, что куратор пытается утихомирить собрание, несчастные учебники, недавно розданные группе, становятся значительно хуже.

После первого залпа негодования, наш куратор решает пояснить, отчего произошло такое несправедливое неравенство. Но то, что за практику мне зачтется работа на собственного шинарда (даже это звучит не слишком хорошо), она не говорит. Что я изначально с нулевого и у меня хорошие отметки за школьные экзамены, она тоже не говорит. Она решает сказать, что я умная, а они все тупые, что я заслуживаю, а они не заслуживают, и прочие аргументы в пользу моего немедленного убийства.

Достаю из кармана планшетик, который дал мне за завтраком Редженс, чтобы отправить прощальные письма Лексу и Редженсу (последнему с небольшим завуалированным упреком), но Фрида выгоняет всех из аудитории, и через несколько минут в помещении становится намного тише.

— Не знаю, за что тебя сослали ко мне, — говорит куратор, выковыряв меня из-под парты, — но ты явно человек еще не такой пропащий как остальные. Так что в качестве исключения можешь выбрать еще один курс, какой нравится, а я поспособствую, чтобы тебе позволили туда ходить.

Неожиданное и очень щедрое предложение, заставляющее меня моментально проникнуться глубокой благодарностью, несмотря даже на весьма вероятные неприятности со стороны моих новых однокурсников из-за ее слов. Конечно, то, что я действительно хочу изучать, в гильдии не преподают, но я в принципе люблю учиться новому. Выбираю кулинарию, как просил Кейн.

Уже на выходе из аудитории, приоткрыв дверь, я сначала прислушиваюсь, чтобы не нарваться на неприятности прямо сейчас. Ничего сомнительного не услышав, выхожу в коридор. К сожалению, аудитория находится почти в конце тупика, путь отсюда один, так что ничего еще не кончено.

Небольшими шажками продвигаюсь вперед, хотя лучше бы перейти на бег, чтобы застать засаду врасплох, если она там есть, конечно. Хотя, много чести для меня, да?

Собрав волю в кулак, захожу за угол, и тут меня немедленно со всех сторон плотно обступает толпа. Не могу не восхититься организаторскими способностями своего нового врага — той самой девушки со странной прической. Ее имя я успела выучить за те несколько часов, что мы все вместе провели в душной аудитории — Мра Эфи Энкарна. А вот лицо успела подзабыть, потому что, сидя впереди, ни разу не оборачивалась. Но вот оно возникает прямо передо мной. Не говоря ни слова, Мра бьет меня кулаком в лицо.

Я слышу одобрительные крики вокруг себя. Боли почти не ощущаю, только кровь из ссадины на скуле и жгучее чувство обиды. Особо не размахиваясь, да здесь и негде, так плотно обступили меня люди, возвращаю противнице ее удар. И вот в этот момент толпа предательски и очень быстро расступается, не только позволяя задире хлопнуться на пол, но и раскрыв эту сцену всем вокруг.

В реальных драках я никогда не участвовала, разве что с Редженсом во время несчастных тренировок, когда он боксировал со мною в одну сотую силы, критикуя каждое мое движение. И сейчас я как-то по привычке жду комментариев, но Мра молчит, продолжая лежать на спине. Кажется, это нокдаун.

Искренне ужаснувшись, я падаю на колени и пытаюсь пощупать пульс, приподняв руку с кольцом, на котором видна капелька моей крови. Есть пульс! Так, хотя бы я ее не убила. И только сейчас понимаю, что в коридоре снова царит тишина. Мои однокурсники робко жмутся к стенам, всем своим видом давая понять, что они тут лишь случайные свидетели. Рядом стоит только наш куратор, и по ее виду отчетливо понятно, что кулинарная школа мне больше не светит.

Фрида не кричит даже, только велит двум парням отвести Мру (имя-то какое странное), которая через пару секунд уже приходит в себя, к медикам. Мне она ничего не говорит, но на прощание одаривает таким взглядом, по которому и так все понятно. В диком смущении чуть ли не бегом покидаю учебку, но, уже идя по платформе, начинаю злиться. Вот не могла эта задирка просто наорать на меня, обозвать как-нибудь, понасмеяться — я бы стушевалась и как всегда ничем не ответила. А на удар ответить ударом — это же вполне естественная реакция, чего еще она могла ожидать? А может этого она и хотела? Подставила меня таким образом перед куратором?

Как бы то ни было, задание Кейна можно считать проваленным. Или нет. Времени у меня теперь навалом, за теоретическими сведениями можно зайти в библиотеку, а потом поэкспериментировать у плиты, и таким образом самой научиться варить Кейну эту его утреннюю кашу, без которой он становится еще более чувствителен и опасен.

Практически с оптимизмом бегу в библиотеку, чтобы прошвырнуться среди рядов книг почти что в гордом одиночестве. Прекрасное обожаемое мной место! Пятидесятый уровень выбрала наугад, но очень удачно, потому что посетителей здесь почти нет. Фонды старые, но достойные. Кроме рецептов приготовления нескольких видов круп, заодно изучаю на всякий случай происхождение и культивирование злаковых культур.

Выходя из библиотеки с конспектом, торчащим из потрепанного учебника, выданного Фридой, ощущаю себя вполне счастливой. Улыбка растягивается если не до ушей, но до ссадины на скуле точно — я это очень даже ощущаю, но перестать улыбаться не могу. С таким дурацким видом я и встречаю Кейт.

Моя бывшая подруга в форме стражей — почти такой же как была у курсантов, но с другими нашивками и амуниции побольше — стоит под экраном, транслирующим объявления и рекламу. Задумчивое или даже озабоченное выражение на ее лице вдруг сменяется приветливым, и она машет мне, подзывая к себе.

— Рада тебя видеть! — восклицает она, как только я приближаюсь к ней, вставая рядом к стене, чтобы не мешаться на проходе. — Ты как здесь? Вас с Лексом командующий тоже помиловал?

— Кого тоже?

— Райли, — отвечает Кейт без малейшей неприязни в голосе. — Кирилл позаботился, чтобы она все-таки перешла в его группу, так что она теперь с нами на тридцать девятом уровне, только в апартаменты ее прописали угловые, они поменьше.

— Это здорово, — радуюсь я. — А мы с тобой...

— Да, давай забудем прошлое, — предлагает Кейт. — Сейчас я уже по-другому смотрю на произошедшее, и, мне кажется, оно не стоило нашей ссоры.

— А что ты хочешь... — неуверенно начинаю я, но решаю не заканчивать фразу. А то это прозвучало бы, будто я не хочу мириться, а я хочу, даже зная, что Кейт собирается меня использовать.

Сначала подруга коротко рассказывает, где их поселили — у каждого по две личные комнаты, а душевая, спортзал и кухня одни на блок. Потом переходит к разговору по существу.

— Ты же помнишь, что я хотела после практики сразу перейти в защитники? — спрашивает Кейт, по-дружески положив руку мне на плечо. — В фирме твоего товарища по театральной постановке, уже согласились рассмотреть мою кандидатуру, но для этого собираются выдать мне тестовое задание. Его надо забрать лично. — Она поднимает брови, подчеркивая последнее слово. — Но я не могу туда пойти, потому что Редженс — этот вредный говнюк — послал меня, единственную из всех группы, в помощь Кейну. А его группа занимается патрулированием, в процессе которого мы должны напоминать туповатым жителям Муравейника о том, что и так все должны знать.

— Это о чем? — я тот самый туповатый житель.

— О том, что грядет НМЧ! — Кейт с раздражением указывает пальцем вверх, на экран над своей головой. На нем крупными буквами написано: “16.06.511 — Ночь Мясного Человечка, оставайтесь дома, заблокируйте окна и двери, выпейте снотворное”. — Нас обязали раздавать таблетки всем желающим, — Кейт хлопает себя по оттопыренному карману над коленом. Разве это не идиотизм? На этих уровнях снотворное себе могут позволить купить абсолютно все! Лучше бы на нулевой уровень их спустили, но на нулевых всем плевать, конечно. Уверена, гильдии как раз надеются, что оттуда исчезнет побольше народу.

Ночь Мясного Человечка последний раз была более тридцати лет назад, этого события лишь вскользь касалась школьная программа. Когда она наступит, каким-то образом научилась предсказывать научная гильдия, при этом, что именно она собой представляет, ни у кого представления нет. Просто в течение нескольких часов исчезают люди и животные, большую часть из которых позже находят в одном месте, обычно в центральном парке, мертвых, изуродованных и склеенных вместе в некое подобие фигуры, которую и называют Мясным Человечком. Предполагается, что причиной происходящего может быть некоторое существо, периодически выходящее из спячки и поднимающееся из глубин, выманивающее

каким-то образом людей из защищенных внутренних помещений, видимо, ради питания ими. По крайней мере, массовый прием снотворного в прошлый раз помог уменьшить количество жертв.

— В общем, поскольку я в патруле, — возвращается к своим делам Кейт, — за моими передвижениями следят, так что мне нужен кто-нибудь, кто сходил бы за заданием за меня. Ну что, сделаешь? Сама знаешь, какие Редженс с Кейном скоты вредные. Сами бы с удовольствием от меня избавились, но уйти по-хорошему мне не дадут.

Это точно. Ладно, в конце концов, в свое время Кейт для меня тоже много сделала. Не знаю, как бы я пережила приютские годы без нее и без Лекса.

— Конечно, без проблем, — бодро говорю я.

Обрадованная Кейт быстро объясняет мне, куда идти, а именно на семьдесят седьмой уровень зеленого сектора, где расположен главный офис фирмы защитников от произвола стражей, в которую хочет попасть подруга. Просчитав маршрут, прощаюсь с ней и бодро направляюсь к остановке поезда, чтобы доехать на нем до противоположного нашему сектора Муравейника.

Страшненько. Ну, до офиса-то я доберусь, а вот на месте наверняка придется спрашивать, обращаться к разным людям. Даже не представляю, как справлюсь со всем этим. Хотя знаю, краснея и заикаясь, вызывая у всех, с кем придется контактировать либо раздражение, либо жалость. Меня просто тошнит от самой себя, но ничего поделать с этим я не могу.

— Вета! — выкрикивает кто-то мое имя.

Оборачиваюсь, ища глазами того, кто позвал меня. О, это же Джем — наш бывший одноклассник, а ныне уже медик второго года обучения. Ему мы еще с Лексом услугу задолжали.

Выглядит парень замечательно, уверенно, спокойно, даже выпавшимся. Короткая аккуратная стрижка, но с модным в этом году серебристым окрашиванием. Бело-голубая форма чистая и выглаженная. В руках планшет и бумажный стакан.

— Приветствую, есть минутка? Хочу похвастаться, — честно предупреждает он. — Я всем своим уже рассказал, да мне все мало!

— Давай! — радостно восклицаю я. Эмпатия — приятная способность, когда речь идет о положительных эмоциях небезразличных тебе людей. С удовольствием слушаю, как Джем рассказывает о своих успехах в учебе и практике, как его выбрали лучшим студентом курса, и гильдия уже выделила ему отдельные апартаменты, хотя медики-новички обычно живут в общежитиях, хотя и более приличных, чем у стражей, но все же по несколько лет. Парень описывает манипуляции, которые ему уже доверили производить, и хотя я ничего не понимаю, по контексту ясно, что это круто.

— Кстати, тебе это наверняка будет интересно, — Джем берет меня под локоть и подводит к вендинговому аппарату с напитками. — Пробовала уже?

Я смотрю на позиции, на которые указывает он. Это какой-то новый напиток под названием транквилятор первой, второй и третьей степени. Да я несколько месяцев взаперти просидела, так что, конечно, пропустила его появление.

— Шикарная штука. Раньше все было стимуляторами забито, а это наоборот, типа, транквилизатор. Экзамены сдавать с ним даже лучше, высыпаясь, руки не дрожат — красота! И безопасный для здоровья, проверено! Конечно, важно не переборщить. Третью степень лучше вообще не брать. А первую-вторую — по стаканчику в день, и все будет

зашибись!

О! Это прямо-таки очень вовремя!

Спешу на поезд уже с накрытым крышкой стаканом чуть теплой немного вязкой жидкости светло-желтого цвета. Наливала себе, уже когда Джем отошел от меня, так что пренебрегла его советом и взяла третьей степени, что б уж наверняка. Прибываю ко входу в офис, медленными глотками ополовинив стакан и тщательно прислушиваясь к своим ощущениям. А ощущений НИКАКИХ. В полном спокойствии захожу через шлюз и коридор в большой светлый зал, быстро сориентировавшись, узнаю, где мне забрать причитающееся Кейт задание, забираю его, предъявив свою идентификационную карту, данные которой уже пришли секретарю. Со стопочкой бумаг, уложенных в бумажный конверт, всего через несколько минут уже выхожу из офиса.

Потрясающе! Ну, потрясающе же! Никакого страха, тошноты и разбегающихся как тараканы мыслей. Эх, раньше бы так, ну да ладно, теперь только так и будет.

Продолжая медленно попивать спасительный волшебный напиток, иду, даже гуляю, по направлению к остановке поезда и вдруг вижу еще одно знакомое лицо. Пожалуй, конкретно это лицо было бы неприятно увидеть, но сейчас я чувствую только легкий укол любопытства. Мин впивается в меня взглядом и, тут же поменяв направление, заступает мне дорогу.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я Мина, одновременно он спрашивает то же самое меня. — Ты разве не должен сейчас патрулировать красный сектор?

— Тебе какое дело?! — рявкает на меня новоявленный страж. — Что ТЫ тут забыла?! А это что? — он пытается вырвать у меня конверт.

Резко отдергиваю руку, в которой у меня не только конверт, но и учебник, игриво шмякаю его этой книгой по голове и обхожу его по флангу. Мин злится и продолжает стараться отобрать у меня конверт, при этом не прикасаясь ко мне. В итоге мы кружимся словно в танце, но на небольшом расстоянии друг от друга. Я смеюсь, подпрыгивая и разворачиваясь то туда, то сюда, Мин с рычанием дергается, порываясь ухватиться за меня, но каждый раз одергивает себя. Странно, ведь он может скрутить меня в два счета, но почему-то не позволяет себе этого. Прохожие смотрят на нас и, может быть, даже осуждают, но мне все равно. Мне весело, смеюсь и не могу остановиться. С хохотом заскакиваю на подъемник, достаточно сильно толкнув Мина в сторону. Посылаю ему воздушный поцелуй, пока он с ненавистью во взгляде, смотрит, как я исчезаю за краем платформы.

Да, на самом деле, мне наверх не надо, но, не важно, я не спешу. Конверт я в итоге чуть не выронила прямо в пропасть, но вместо того, чтобы ужаснуться, снова захожусь хохотом как полоумная. Пожалуй, допивать транквилятор не стоит.

В апартаменты Редженса возвращаюсь уже довольно поздно. На случай, если Мин пожаловался, что видел меня где-то с конвертом, так с этим конвертом и прихожу. Бумаги, которые в нем лежали, я отдала Кейт, а вместо них положила распечатки с рецептами всяких блюд, которые не поленилась сходить сделать в библиотеку на семьдесят седьмом. С транквилятором мне теперь все нипочем, так и расхаживаю себе спокойно по Муравейнику туда-сюда без малейшей тревоги. Правда к концу дня в голове поселяется странная пустота. Вместе с нею вхожу в гостиную Редженса, где обнаруживаю оба наших когарта в полном составе.

Кейн с Редженсом как раз занимаются установкой большого телевизора на кронштейне,

Ристика расставляет вещи из коробок, а Лекс собирает огромное массажное кресло.

— А, явилась! — шипит Кейн в мою сторону, отвлекшись на секунду от работы.

— Чуть запылилась, — отвечаю, оглядываясь вокруг. В руке все еще держу стакан со второй порцией транквилятора.

— Чего?!

Проигнорировав его, кладу конверт и учебник на желтый диван, который все еще царствует посреди просторной комнаты, собираясь пойти помочь Ристике.

— А уже закончила, — та трясет последней пустой коробкой.

— А тебе помочь? — интересуюсь у Лекса.

— Ага, сядь сюда и откинься, — друг поднимается с колена и указывает отверткой на кресло.

Послушно сажусь, ставлю стакан в подстаканник и откидываюсь на мягкую спинку.

— Откидывайся сильнее! — командует Лекс, и я старательно пинаю спинку всем туловищем, пока из-под ног вдруг не выстреливает какая-то фигня, подкидывая их вверх. Если б не транквилятор я бы, наверное, завизжала.

— Что это? — интересуюсь я, внезапно лежа.

— Недоработка, — Лекс легко возвращает кресло вместе со мной в исходное положение. — А я смотрю, у тебя занятия прошли интереснее, чем мои, — он с усмешкой указывает, куда-то в район моей левой щеки. На ощупь вспоминаю, о чем он.

— Да, вот вышла неприятность, — нащупываю кровавую корочку, покрывающую след от удара кольцом.

Покончив с телевизором, Редженс подходит ко мне, осмотреть эту неприятность.

— Мне стоит вмешаться? — спокойно осведомляется он.

— Нет! — с излишней резкостью отвечаю я.

— Так тебя там научили готовить жратву? — теперь и Кейн подбирается ближе.

— Нет! Но я пыталась убить свою однокурсницу, так что теперь и не научат, — произношу я, глядя ему прямо в глаза. Никогда так раньше не делала, это интересный опыт. Вижу, как в них вспыхивают искорки эмоций, грозящие в любой момент разжечь всепоглощающее пламя ярости. Однако, пока Редженс рядом, ничего не произойдет.

— В смысле, на занятия нужно со своим мясом приходить? — интересуется Лекс.

А я вот отмечаю про себя — мужики прям обступили меня со всех сторон. Пытаюсь чисто из вредности снова выстрелить подставкой для ног, но не выходит.

— И при этом мне не стоит вмешиваться? — уточняет Редженс требовательным тоном.

— Нет! — повторяю я, приподнимаясь из кресла и с вызовом глядя ему в лицо. — Вообще вся ситуация так сложилась из-за того, что вы нам не позволили участвовать в отборе. Надеюсь, у того, что я попала именно в эту группу, есть какой-то тайный смысл?

— Да, — поддерживает вопрос Лекс, потому что офицеры решают таинственно промолчать. — Вету вы тоже собираетесь каким-то образом использовать в своих целях?

Вместо ответа, Редженс опускает взгляд на стакан с транквилятором, берет его в руки и снимает крышку.

— Что это за хрень так испортила нашу Мышку? — недовольно спрашивает Кейн.

— Эта хрень, — брезгливо приняхавшись, Редженс нахлобучивает крышку обратно на стакан, — запрещена для употребления в гильдии стражей, так что делай выводы, — и впихивает мне его в руки, — из чего его делают. Вылей.

Следующие дни проходят словно во сне, хотя я и не притрагиваюсь больше к транквилятору. Видимо, с ним действительно нужно быть осторожнее. За это время я навестила свою подругу Мэй в больнице и сходила на первые обучающие занятия в гильдии, но подробностей не помню. Только то, что после одного из этих мероприятий пришлось выковыривать жвачку из волос. Но кроме этого я проштудировала кулинарную литературу, закупила ингредиенты и подготовилась к первым кухонным экспериментам.

Первым блюдом, которым я решаю поразить Кейна, уж не знаю в хорошем или плохом смысле, будет манная каша. Эта крупа приглянулась мне, во-первых, потому, что из нее можно изготовить или хотя бы использовать во множестве других блюд к завтраку. Во-вторых, манка изготавливается из зерен пшеницы, которые завозят к нам на поездах из дальних краев, так что то, что сейчас лежит передо мной на столе в большом бумажном пакете, путешествовало больше, чем я. Мне нравится представлять, что эти перемолотые зерна когда-то привольно колыхались в колосьях на ветру на бескрайних полях очень далеко отсюда. Хотя, если вспомнить, я-то прибыла сюда из другого мира, но пшеница тоже вовсе не местная флора.

В итоге каша оказывается готова слишком быстро, да и получается какой-то комковатой. Первым на кухню заваливается Кейн, и видно, что не в самом лучшем расположении духа.

— Готово уже? — рявкает он.

— Готово, — неуверенно говорю я. Ставлю перед ним кашу в красивой вчера купленной миске с машинкой, нарисованной на днище.

Кейн хватается за ложку и тут же пробует мое варево.

— Тьма! Да это же жрать невозможно! — рычит Кейн и запускает миску с кашей в мою сторону. Я инстинктивно пригибаюсь, хотя метит он явно выше моей головы. Миска разбивается о стену, каша оказывается повсюду, в том числе у меня в волосах.

У меня внезапно тоже происходит вспышка ярости, и я тоже запускаю в него второй миской, комплектной к первой. Он едва уворачивается, вжав голову в плечи.

— Ты совсем охренела?! — ревет Кейн на меня.

— Это был комплект! — объясняю я, удивленная собственной спонтанной реакцией.

Злой Кейн бросается на меня так быстро, что я едва успеваю сделать хотя бы попытку убежать. Он кидает меня на пол. Пытаюсь подняться, но оказывается, что он наступил мне ногой на волосы. Вот и стоило их отращивать ради такого момента?

— Еще раз так сделаешь, пожалеешь, — шипит Кейн на меня и, наконец, сходит с моих волос.

Вскоре после этого приходят остальные, так что я не успеваю прибраться на кухне.

— Ух, ни черта себе! — восклицает Лекс, видя осколки миски на полу. — Это сегодняшняя каша такая суровая, что даже тарелка не выдерживает?

— Да, именно, — отвечаю я, бросаясь делать бутерброды, не рискуя предлагать свое варево еще кому-нибудь. — Так что смотрите под ноги, она может подползти незаметно. — Я вижу, как комочек каши вяло сползает вниз по стенке шкафчика.

Мы быстро завтракаем бутербродами с чаем, и все расходится по своим делам. Лекс уходит вместе со всеми, но через несколько минут возвращается, когда я уже заканчиваю

собирать осколки.

— Представляешь, у нас в одной из ванных комнат теперь крокодил живет, правда маленький, но зубастый. А у вас в почтовом ящике открытка валяется, — Лекс, как и я ранее, решивший сунуть нос в подозрительный ящик, кидает на стол прямоугольник с изображением машины. — Кто-то по кому-то скучает и просит выйти на связь. Тебе это о чем-нибудь говорит?

— Я уже видела в нем открытку, но другую, — подхожу и нюхаю бумажку, она пахнет так же, как и прошлая. — Полагаю это Кейн вам с крокодилом удружил?

— Гад завел гада, — улыбается Лекс, и вдруг спрашивает: — Ты в порядке?

— Да-а, не парься, — я машинально приглаживаю волосы.

— Теперь я буду приходить к завтраку раньше, — говорит друг.

А я больше не буду кидаться в Кейна посудой.

— Тебе не надо спешить на занятия? — напоминаю я, пытаюсь уйти от неловкого разговора.

— Нет, по расписанию снова занятия по этике, — морщится Лекс. — В прошлый раз нам три часа колупали мозг чайной ложечкой, сегодня, думаю, возьмется за перфоратор. А у меня мозг один, и мне его жалко. Это нам предыдущая группа подсуропила. Причем нам не говорят, что же такое интересное они сделали.

— Прогуляешь?

— Делом займусь, — поправляет Лекс. — Сегодня Енека — это тот чувак, к которому меня пристроили подмастерьем — на работу не придет, типа, выходной себе устроил. Так что можно с комфортом вскрыть его кабинет и посмотреть, что он там прячет.

Задумчиво покусываю губы, прежде чем признаться:

— Я тоже хочу.

— А я на это надеялся, — лицо Лекса из оживленного сразу же становится виноватым, — только, понимаешь, тут есть один неприятный нюанс.

— Какой? — заинтригованно спрашиваю я.

— Дело в том, что неплохо было бы покопаться в его записях и выяснить, куда он своих подмастерьев посылал, в те дни, в которые они пропали. И это я бы — гад такой — хотел бы на тебя спихнуть.

— Я бы сама за это взялась, — произношу с сомнением, — но, думаю, стражи, первым делом это проверили.

— Они возможно потратили-таки некоторое количество нервных клеток на то безобразие, которое Енека развел в своем офисе, прежде чем окончательно забить, а в этом году торжественно повесить это тухлое дело на новую группу нашего Редженса, ну а последний уж точно не стал заморачиваться кипой бумажек.

— Так что Редженс делегировал это тебе...

— Очевидно, что не мне, а тебе, — поправляет Лекс, — просто он не озвучил это. Кроме тебя ни у кого терпения на такое не хватит.

— Не уверена комплементарна ли такая характеристика, — морщусь я, быстренько заплетая косу.

— Еще как! — хмыкает Лекс. — Вполне может статься, что так ты и раскроешь дело о маньяке — истребителе подмастерий, а я просто вынуждено на подхвате постою, позевывая.

— Надеюсь, все будет не так, — меня аж передергивает, — но да, наверное, начать придется с разбора записей. Пошли что ли?

Пока едем в офис Енеки (имя у него одно, значит, он, так же как и мы, родом из другого мира), просматриваю дела о двух пропавших подмастерьях, скинутых мне на планшет Редженсом. Первый из них — Адерин Вогел Ноак — исчез год назад, через три дня после начала года. На фото — худощавый молодой человек с небольшими усиками, глаза голубые, волосы крашенные в блонд. Рост 182 см. Входил в клуб любителей техномоделирования, то есть делал небольшие модели различных машин. Вторым подмастерьем — Дуртай Торок Стерк — исчез буквально только что, за день до нового года. На фото — плотного телосложения парень, глаза карие, шатен, внешне ничего общего с первым. Рост 164 см. Увлекался настольными играми. Оба проработали вместе с Енеком примерно по году. Оба проживали на тридцать четвертом уровне в общежитиях. Естественно оба принадлежали к научной гильдии. Друзья, связи, расписания занятий и практики и так далее. Маршрут передвижения в дни исчезновения не установлен — информацию об этом нам и предстоит сегодня восстановить.

Итак, офис Енеки расположен на сорок пятом уровне. Внутрь мы попадаем беспрепятственно прямо по идентификационной карте Лекса, сразу в просторное помещение приемной. Правда вряд ли в последние годы сюда заходил кто-либо кроме служащих, поскольку заказы на ремонт или другие услуги давным-давно посылаются по сети, и нет никакой необходимости приходить лично. Соответственно вид у приемной совсем не приемный. Стулья для посетителей завалены коробками, стены обшарпаны до неприличия, а на потолке загорается только один ряд ламп — вполне достаточно света, чтобы пройти сквозь помещение к комнатам в глубине.

— Нам сюда, — Лекс направляется к лестнице и, поднявшись по ней, проходит к двери, самой дальней из трех. Она единственная металлическая, не так давно крашенная и выглядит надежно, в отличие от первых двух, хлипких и облупленных. Сразу ясно, что если в конторе и есть что-то стоящее, это нужно искать именно за этой дверью.

Лекс недолго возится с замком, благо с помощью своих дикорастущих связей он уже ухитрился обзавестись набором инструментов для чуть ли не профессионального взлома. Замок щелкает, дверь приоткрывается.

— Ну вот, — Лекс по-хозяйски распахивает ее и заходит в комнату, хлопает рукой по выключателю на стене, — записи валом навалены в коробках в...

Как только зажигается свет, замечаю движение в глубине комнаты, а также понимаю масштабы катастрофы с рабочими записями водопроводчика Енека. Кучи разноцветных стикеров, вырванных блокнотных листов, обрывков от бумажных упаковок — реально кучи, лопатой грести можно — навалены повсюду, вперемешку с папками, коробками, разодранными журналами и канцелярской мелочевкой. Большой шкаф с одной полуоторванной дверцей лежит на боку, словно схватившись ею за сердце, еще целый ряд шкафов выстроен вдоль задней стены. В центре комнаты за единственным письменным столом кто-то прячется.

Заинтересованно переглянувшись, мы с Лексом обходим стол с двух сторон, хотя ступать приходится прямо по бумагам, которые мне еще, может быть, придется разбирать.

— Ей, приятель, ты как там? — участливо спрашивает мой друг.

Кто-то ворочается под столом, слышится тихое урчание или, может, рычание. Делаю еще пару шагов и нагибаюсь, чтобы заглянуть вниз. Любопытно, какую зверушку мог закрыть Енека в своем кабинете. Сомневаюсь, что это очередной нелегальный монстр

глубин — просто не может нам так “повезти” снова. Скорее домашнее животное, которое Енека зачем-то притащил к себе на работу, а оно тут от стресса шороху навело.

Но этот кто-то глубоко забился под большущий стол, частично прикрывшись погрызенной картонной коробкой, и там, в полутьме, его почти не видно. Ясно только, что животное крупное.

Я уже совсем близко от него, в полуприседе, а Лекс с другой стороны, чуть дальше, и активно указывает мне на что-то у себя под ногами. И на это что-то стоило сразу обратить внимание.

Продолговатая куча бумаг и рванья походит на засыпанное человеческое тело. Торчит только один мужской ботинок и пола серого замызганного халата. В дополнение на некоторых бумажках замечаю пятнышки крови. Я так из полуприседа и делаю шаг назад.

Лекс кивает и достает из кармана какой-то цилиндр, который внезапно превращается в телескопическую дубинку. Подготовился, молодец. Я же могу только косой размахивать, так что по молчаливому требованию друга, еще дальше отхожу назад.

— Эй, чудо, явись нам, — предлагает Лекс и стучит концом дубинки по столу.

Из-под стола быстро появляется чья-то волосатая рука с грязными длинными когтями, испачканными возможно даже в крови, она хлопает по столешнице там, где той касалась дубинка, и тут же исчезает обратно. Звериное рычание, которое уже не с чем нельзя перепутать, при этом становится гораздо громче. Кстати говоря, нельзя было не заметить, что конечность существа пятипалая с противопоставленным остальным большим пальцем. Только излишняя волосатость, начинающаяся выше запястья, словно мохнатый рукав, отличает руку от человеческой.

— Так, гражданин-оборотень, — с усмешкой говорит Лекс, — вылезайте и объясните, что вы делаете в служебном помещении.

Звук его голоса, существу явно не нравится. Оно с ревом кидается из-под стола остатками коробки, следом вылетает женская туфля на невысоком, но массивном каблуке, думаю, больно ударив моего друга по ноге. Лекс морщится, но не сдвигается с места, держа наготове дубинку. Что очень правильно, потому что в следующее мгновение существо резко выскакивает из своего укрытия и, так и не распрямившись полностью, пригибаясь, бросается на него. Увернувшись от удара дубинкой, это создание молниеносно меняет курс на обратный и заскакивает на стол, откуда с размаху кидается второй туфлей, метко попадая по выключателю, и в помещении тут же наступает крошечная тьма.

Я только сейчас замечаю, что дверь-то доводчик захлопнул за нами. По стеночке наощупь поспешно пытаюсь добраться до нее, а там уже и до выключателя, то и дело на что-то наталкиваясь ногой. Лекс что-то насвистывает, явно отвлекая внимание на себя. А что делает существо, могу только догадываться, потому что оно тут же перестало издавать горловые звуки, что тревожно намекает на интеллект создания.

Оно смахивало на крупную обезьяну с редкой светлой шерстью, но рассмотреть его из-за очень быстрых и резких, дерганных движений не было возможности. Еще от него пахло чем-то сладким, довольно сильный запах, по которому я, возможно, смогу определить, если оно приблизится ко мне в темноте.

Слепо нашарив, наконец, холодную поверхность двери, довольно быстро нахожу и выключатель.

— Включаю! — на всякий случай предупреждаю я Лекса. Как только вспыхивает свет, тут же оборачиваюсь.

Неожиданно, но теперь мы с Лексом в комнате одни, и в остальном вроде бы ничего не поменялось, только друг переместился ближе к дальней стене. Он молча указывает мне на ряд узких дверок. Я быстро подхожу к нему, по пути заглянув все же под стол и в лежащий большой шкаф. Но там никого, а если б существо выбралось через металлическую входную дверь, мы бы услышали, так что да, остается только этот ряд шкафчиков. Существо как раз могло бы поместиться в один из них, если внутри больше ничего нет.

Я отворяю одну дверцу за другой, дергая ручки с боку, а Лекс готовится встретить существо, стоя непосредственно перед отворяемыми шкафчиками. Но каждый раз на пол вываливаются лишь очередные бумажки или какая-то ерунда, кое-как запихнутая внутрь. Металлические детальки и обрезки труб с грохотом выпадают на пол и заодно так бьют по нервам, что к концу ряда, я уже мечтаю кого-нибудь ударить. Последняя дверца и... тишина.

Лекс подходит вплотную к последнему шкафчику и засовывает внутрь голову.

— Что там? — я нетерпеливо пытаюсь тоже заглянуть туда, но он полностью заслоняет от меня узкий проем.

— Здесь выход в техническую шахту, похоже, — отвечает Лекс, с разочарованием отстраняясь от шкафчика. — Нет смысла соваться туда без хорошего фонаря, а я такой не взял. В гражданской одежде чертовски мало карманов, это просто бесит!

— Все равно это существо уже удрало от нас, придется позвать Редженса, чтобы его ребята прочесали тоннели, — предлагаю я.

— Угу, — Лекс отходит назад к куче, из которой торчит ботинок. — И если это пушистое недоразумение и есть причина исчезновения подмастерий, будет очень..., - друг красноречиво вздыхает, — хотя бы тебе не придется разбираться с этим хламом. — Присев возле кучи он хватается за ботинок и легко поднимает его. То есть ноги внутри нет.

Мы вдвоем тут же начинаем ворошить кучу, но кроме старого комбинезона и наоборот очень приличных, хотя и помятых брюк ничего не находим.

— Так, я уж было понадеялся, то есть забеспокоился, что увижу здесь самого Енека, — усмехается Лекс, — ботинок так точно его. Он мне им на руку наступил, когда я по его указке под раковиной корячился, так что я эти пятна в виде удивленной рожи хорошо запомнил. — Лекс указывает на мыс ботинка, и сразу откидывает тот подальше от себя. — Кстати, я вспомнил, где можно достать фонарик.

Ладно. Очередной жертвы пока нет, но вокруг много свежих пятен крови, и мы имеем достаточно агрессивное существо с испачканными в крови когтями, так что, кажется, пора звать стражу.

— Я Редженсу напишу, — я сажусь на стол и отправляю сообщение через планшет, выданный моим шинардом. Ответное “подойдем через пять минут” приходит незамедлительно. Я тоже вздыхаю, покачивая нервно ногой. Остается только следить за дверцей, закрывающей лаз в технические лабиринты Муравейника, теперь стражи сделают все остальное. Грустно это.

— Два фонаря нашел! — уведомляет быстро вернувшийся Лекс. — Ну что, пойдём? — спрашивает он, уверенно направляясь к шкафчику.

— А в этом есть смысл? — переспрашиваю печально.

— Наверное, нет, — пожимает плечами Лекс, — чудо лохматое мы явно не догоним, ну хоть прогуляемся. Пошли! Нас же сейчас явно отстранят от дела, а мы что, даже по затхлым мрачным тоннелям не прошвырнемся?!

— Действительно, — я спрыгиваю со стола и забираю протянутый мне другом фонарик.

Чем мы рискуем? Разве что Редженса немного разозлим, на его каменном лице, может быть, даже какая-нибудь мышца сердито дрогнет. Отчего-то я очень хочу это увидеть.

Лекс первым перешагивает через днище шкафчика и вылезает в тоннель. Я забираюсь туда следом, видя, как луч фонаря шарит по водопроводным трубам.

— Трупов пока не видно, — проговаривает Лекс, — куда пойдём, туда или сюда?

— Сюда, — я указываю вправо своим фонарем. Никакой затхлости я не чувствую, только слабый, но отчетливый сладкий медовый запах, что шел от существа. Проходя дальше, я то и дело ощущаю его, точно понимая, где свернуть.

— Оно что болеет чем-то или духами надушилось? — Лекс тоже улавливает этот аромат, разве что, может, чуть хуже, так что я все время вырываюсь вперед.

Уже через несколько развилок добираемся до канала с открытой водой, и здесь нам приходится побродить по сторонам, чтобы снова напасть на след. Точнее говоря, мы обнаруживаем боковое помещение, где запах снова становится довольно сильным. На полу валяется грязный спальный мешок и куча тряпья. Подцепив дубинкой, Лекс приподнимает из нее розовую женскую блузку с рюшами. На животе она разодрана в клочья и вся в темных заскорузлых пятнах.

— Ну, Редженсу похоже повезло и он раскроет больше двух дел зараз, — предполагает Лекс, рассматривая добычу. — Хотя, конечно, мы не знаем, как одевались те пропавшие парни на работу. Может это принадлежать одному из них, как думаешь?

— Ну, покрой свободный, плечи широкие, рукава длинные, — прикидываю я и подпрыгиваю от неожиданности, перемещая фонарь в угол комнаты. — Там!

Что-то мелькнуло в свете быстро направленных туда наших фонарей. Разведя лучи в разные стороны, обшариваем пространство вокруг, но вновь движение я замечаю слишком поздно. Нечто бледно-серое, округлое с разбегу врежется мне в живот и, протаскиваясь назад, роняет на холодный влажный пол.

— А-ах, — попытавшись тут же подняться, попадаю ладонью в лужу какой-то противной слизи.

— Порядок? — Лекс подскакивает ко мне.

— Да-а! — на самом деле все вокруг противно склизкое и влажное, ткань моей одежды во всех местах, где чего-либо касалась, теперь мокрая и мерзко холодная, и боль от удара и падения по сравнению с этим вообще ничто.

Снова движение, и Лекс успевает подставить хотя бы бок, ему удается устоять на ногах, и он, как следует, пихает атакующее существо от себя, замахивается дубинкой, но то проворно ускользает в темноту. Мы пытаемся снова поймать его в лучи фонарей, но оно стремительно обходит нас и ударяет снова, теперь уже снеся нас обоих. Этот удар намного сильнее, существо протаранило нас всей своей массой и прошлось по нам как будто копытами. Такими трехпалыми лапами с твердыми глубоко впивающимися в кожу и мышцы пальцами.

— Ни хрена себе массажик! — хрипит возле меня Лекс, а я пытаюсь поймать откатившийся в сторону фонарик и свое дыхание. — В угол! — командует друг.

Мы забиваемся в один из углов помещения: Лекс впереди со своей дубинкой, я свечу обоими фонарями у него из-за спины. Вот так, теперь тварь не подобрется к нам незамеченной. Она и не пытается, мотается там где-то между светом и тьмой. Не подходит, но и не убирается восвояси. Чего хочет-то?

Без движения быстро становится холодно. Дыхание успокаивается, и становится

слышно, как существо тихо цокает тройными копытцами по каменному полу. То пройдет, то замрет.

У Лекса в кармане начинает вибрировать телефон. Одной рукой он достает его, второй держа наготове дубинку.

— Чего? Ну да. Это с чего это? Ладно, шаз. — Отняв телефон от уха, друг начинает что-то там набирать на экране. — Ты планшет свой что ли в конторе оставила? — интересуется он между делом.

— Ну да, — вспоминаю я с удивлением, — после того как Редженсу сообщение отослала, на стол планшет положила. Ой.

— А я у себя программку поставил, чтоб местоположение определить невозможно было, — поясняет Лекс, — вот Редженс нас и потерял. Теперь грозитя уши надрать.

— Идет! — вскрикиваю я.

Бледное круглоголовое копытное, будучи на задних ногах, высотой с Лекса несется на нас, на бегу наклоня лобастую башку для удара. Передние ноги подняты и прижаты к телу. Рудиментарные глаза, прикрытые веками с длинными торчащими словно иглы ресницами, смотрятся жутко. Огромный выпуклый лоб, покрытый многочисленными бороздами, кажется твердокаменным и непрошибаемым. Лекс успевает только отвести руку с телефоном назад, дотронувшись до моего плеча, и мы оба шагаем в бок.

Меня прошибает нервная дрожь, как только я слышу глухой звук удара лба об угол комнаты. Зачем-то дергаю руками к своей голове, в результате ударив себя с двух сторон обоими фонариками. И только в следующую секунду свечу, наконец, куда надо.

Тело нападающего обмякло в неловкой позе, словно прилипнув лбом к углу. Длинные мускулистые конечности скрючило, одна из передних оказалась перекинута через плечо. Видно что-то вроде раздвоенного копыта и усиленной пятки со шпорой. Очевидно, это не то же самое существо, что схлестнулось с нами в конторе.

Когда в помещение заваливаются стражи, мы все еще стоим возле тела бледного. Он так и сидит в углу, не шелохнувшись, качественно вырубив самого себя. Я попыталась уже проверить пульс, не нашла, но за то что его и вправду нигде нет, ручаться не могу. Услышав шаги, опрометчиво оборачиваюсь, и луч чужого фонаря бьет прямо в глаза. Предоставив своим подчиненным проверить остальное помещение, Редженс подходит к нам.

Скептически поджав губы, мой шинард пихает ногой бледного, и тот заваливается на спину и распластывается на полу все еще без сознания или мертвый.

— Это падальщик, — говорит Редженс. — На людей он нападать бы не стал.

— На нас напал, — возражает Лекс.

— Дураков не любит, — Редженс сует мне в руки забытый мною на столе планшет. Заслуженный упрек. Я быстро сую планшет в карман.

— Но в конторе мы обнаружили совсем другое существо, и это должно быть его логово, — Лекс указывает на спальник и разбросанную одежду, в которой уже шуршат молодые стражи. Ту блузку, которая заинтересовала и нас, один из них запихивает в пакет.

Редженс бросает туда лишь взгляд.

— И как оно выглядело?

— Злобный волосатый и воняет отстойным одеколоном, — дает короткое описание Лекс.

— Это ты про мастера Енеку? — уточняет Редженс, чуть изогнув левую бровь. К моему удивлению Лекс на секунду задумывается над вопросом.

— Ну, что-то общее между ними определено есть, — отвечает он. — Но Енека сегодня должен быть... где-то в другом месте.

— Мы проверим, в каком месте кто должен быть, — обещает Редженс, поворачиваясь к своим подчиненным, которым не терпится продемонстрировать ему свою добычу.

— Вот тьма! А ведь они и вправду похожи, — говорит мне Лекс, отойдя со мной чуть подальше. — А что если у мастера Енеки есть еще более злобный брат-близнец? Ведущий голый и асоциальный образ жизни. А Енека всю жизнь прячет его в технических помещениях среди труб, чтобы заодно заботиться и о нем, и о них. Чтобы этого брата в психушку не забрали. А подмастерья Енеки это рано или поздно обнаруживают, и братья вынуждено избавляются от свидетелей? Версия?

— Ну, версия, да, — неуверенно соглашаюсь я.

— Мой намек что, никто не понял? — спрашивает Редженс, снова вернувшись к нам. Трое молодых стражей уже видимо получили от него указания и покидают помещение.

— Может и понял бы, но прослушал, — улыбается Лекс.

— Ты где должен быть сейчас? — спокойно задает вопрос офицер, но чувствуется, что мой друг уже крайне близок, чтобы огрести по полной. Я пытаюсь взять его за руку и утянуть к выходу.

— Здесь! — нагло ухмыляется Лекс и, забрав руку, обнимает меня за плечи. — Мы тут с Ветой делаем все возможное, чтобы раскрыть ваш висяк, чтобы ты выслужился перед начальством, а Кейн получил удовольствие, осознавая, что нас в любой момент могут сожрать. Ценишь?

— Нет, — ухмыляется Редженс и, ухватив Лекса за ухо, как, собственно, и обещал, говорит в него: — Ты должен быть на занятиях, а любые действия по расследованию предварительно согласовывать с нами. Понял? Со второго раза или еще повторить?

— Но это же бесчеловечно! — Лекс пытается вытащить свое из хватки офицера. — В смысле занятия по этике! Это издевательство. Сам бы туда ходил разок.

— Нам этика не нужна, — отпустив ухо, Редженс хватает Лекса за шиворот и толкает к выходу. И про меня не забывает. Его ладонь приятно теплая. — Она только мешает службу нести. Вместо этики у нас устав.

— Длинный и занудный, — ворчит Лекс, позволяя тащить себя дальше. — И его я уже читал, так что этика для меня тоже лишняя.

— Так сядь на лекции подальше и рисунки свои дебилские малой, — выдает неожиданный совет Редженс, — главное, чтоб без прогулов — за них из гильдии могут выпереть.

У канала становится еще холодней, зато в тоннелях возле труб почти тепло. Мы возвращаемся в контору тем же путем, и вдоль него приторно сладкого запаха уже почти не ощущается.

— А когда нам с Ветой работу работать? — продолжает перечить Лекс. — Сейчас занятия, потом Енека в контору заявиться может! Не при нем же в его бумажках копать.

— Вот пусть Мышь бумажки и перебирает, ты тут при чем?

— А кто ее в это время защищать будет? Если эта лохудра вернется?

— А дверцу стулом подпереть не судьба?

— А мне точно все еще нужно разбираться с записями? — встречаю я. Честно говоря, мне уже не очень хочется копать во всех этих бумажных завалах. Когда это была единственная ниточка к исчезновению подмастерий, немножко азарта во мне еще

теплилось, а сейчас Мышке так же лень этим заниматься, как и всем остальным.

— Да, точно, — пальцы Редженса сжимаются, лежа у меня на талии, словно он боится, что услышав приговор, я попытаюсь сбежать. — Для отчета по любому понадобится.

— У стражей считается, что разрабатывать нужно все версии происшествия, даже те, что скучные, — поясняет Лекс.

Приходится остаться разбирать бумажки.

Вечером покупаю в торговом центре две пластиковые миски — легкие и прочные, цвета забрызганной грязью шпаклевки. Есть из таких будет не самое большое удовольствие, но мы с Кейном заслужили это своей несдержанностью. Продавец так тщательно мне их упаковывает, словно сомневается в моей способности добраться до кухни, не прихлопнув свои покупки дверью. В итоге из магазина выхожу с довольно крупным пакетом и все мысли мои опрометчиво заняты им.

Почти подошла уже к эскалатору на нижний ярус ТЦ, как что-то чувствительно цапает меня за кофту, прихватив заодно и моей собственной плоти. Дверь, часть стены и какие-то полки быстро пролетают перед глазами, и по чьей-то милости я боком влетаю в подсобное помещение, едва не падая на пол. Первая мысль — нерасположенные ко мне однокурсники взяли-таки меня врасплох. Впрочем, им сложно было бы просочиться на этот уровень, учитывая невысокий статус. Сложно, но отнюдь не невозможно. Как следует напугав саму себя, откидываю пакет с мисками в сторону и истерически хватаюсь за руку, втянувшую меня сюда, выворачиваю за спину нападающему и толкаю последнего лицом в пошатнувшиеся полки.

— Вета, какого кейна ты творишь?! — слышу недовольное шипение, пока в страхе оглядываюсь вокруг в поиске других соперников. Но в комнате кроме меня только Кейт, чью руку я поспешно отпускаю и пячусь назад к двери подсобки.

Подруга медленно разворачивается ко мне, аккуратно проверяя состояние своих неожиданно пострадавших суставов. На ее подбородке красной полосой отпечатался край полки.

— Ты меня напугала, — лепечу я.

— Напугала! — скривившись, Кейт передразнивает меня. — Не ожидала я такого от подруги, а то бы сама скрутила тебя в два счета!

— Конечно, — быстро соглашаюсь я.

— Я всего лишь хотела поговорить с тобой без свидетелей, — она брезгливо поводит плечом.

— По поводу своего тестового задания от защитников? — догадываюсь я. — Хочешь, чтобы я отнесла твои ответы в офис?

— Да нет, рано пока, — Кейт вздыхает. — Я тут узнала, что на присмотренное мной место много желающих, так что просто ответить на вопросы будет мало — это мне ничего не гарантирует.

— И что ты думаешь сделать?

— Ну, смотри, — Кейт берет с полки пухлую папку и, раскрыв ее, пролистывает примерно две трети листов. — Первые два дела ни о чем, — деловито начинает она. — Ах да! Собственно, заданием было просмотреть три старых уголовных дела и найти ошибки стражей, которые их вели, за которые можно было бы уцепиться при защите обвиняемых. Вот, первые два дела ерунда. Там только процессуальная мелочь, благодаря которой можно

разве что смягчить назначенное наказание. А вот в третьем деле, могу ручаться, один из обвиняемых вообще был не при делах, а получил обвинение за компанию.

— И ты хочешь доказать, что он невиновен?

— Нет, дело старое, всем пофиг, — отмахивается Кейт. — Нужно найти настоящего виновного. Третьего грабителя, чья настоящая личность так и не была установлена. И украденное тоже неплохо было бы найти. Вот держи, — подруга освобождает касающиеся этого дела листы и сует их мне. — Прочти и поговори с ним, с этим невинно осужденным, — она тычет пальцем на имя на странице, еле успеваю прочитать какое. Наверняка, он что-нибудь знает.

— Ты что, хочешь, чтобы я вместо тебя расследовала это дело?

— Ну, уж прямо расследовала! — Кейт раздраженно закатывает глаза. — Только побегала вместо меня и проверила то, что я тебе скажу. Сама-то я не могу! Те стражи, что облажались с делом, из нашего сектора. Редженс с Кейном наверняка пили с ними кефир или как они там развлекаются...

— Тебе не кажется, что это уже слишком... — я пытаюсь проявить характер, которого у меня нет. Уже знаю, что соглашусь.

— Да, конечно, наша дружба такого не стоит, — противным тоном говорит Кейт. — Но я могу предложить тебе кое-что в награду за помощь.

— Например?

— Как я уже говорила, близится Ночь Мясного Человечка. И все кто в эту ночь не выпьет снотворного, окажутся в смертельной опасности, как, например, твои друзья, живущие в подземельях.

Тут я вспоминаю о падших, выгнанных из социальной системы Муравейника, в частности о Роко, который так и продолжает заботиться о моей собаке. Неужели их союз гильдий вообще не принимает в расчет? Впрочем, действительно, с чего бы.

— Нужно купить для них таблетки, их там всего сотни полторы, — прикидываю я свои финансы.

— Не выйдет. Их сейчас продают строго по документам, не больше трех штук в одни руки. И то не везде найдешь. Ты же представляешь, сколько народу в Муравейнике? — жестко выговаривает мне Кейт. — Но нам, стражам, патрулирующим уровни, выдают по партии таблеток каждый день, чтобы мы раздавали их зазевавшимся лопухам, которые умудрились не озаботиться необходимым заранее. Так вот, какая-то часть к вечеру всегда остается. Я возвращаю по паре таблеток, а остальное откладываю. И других из группы Кейна уговорила отдавать остатки мне. Так что к ночи X наберем тебе для твоих подземельщиков.

— Хорошо, — улыбаюсь я с облегчением, понимая, что прежде всех должна была бы обо всем этом подумать, но почему-то эта треклятая Ночь полностью выпала из моей головы.

— Ты же понимаешь, как для них это важно, — добавляет Кейт. — У них же, насколько я знаю, шлюзов нет, проемы мусором завалены. Если хоть один выберется из убежища ночью по зову того непонятного зла, что в человечков из мяса играет, то остальные также станут чьим-нибудь кормом. Но, не волнуйся, если ты выполнишь мою просьбу, падшие получат все, что нужно.

— Неужели, если я откажусь, ты не отдашь им эти таблетки? — не верю я.

Кейт протяжно вздыхает.

— Отдам, конечно! — недовольно восклицает она. — Но в благодарность хотя бы ты

можешь мне помочь?!

— Конечно, сделаю все, что смогу.

— Чудненько! — рявкает Кейт. — А теперь я пойду, наконец, пока Кейн не начал мне названивать.

Проводив ее взглядом, не без интереса заглядываю в отданные мне ею бумаги. Изучить их я смогу даже с удовольствием, а вот припереться к незнакомому человеку и затеять с ним разговор вряд ли. Ну, транквилятор мне в помощь!

Казмер Балент Вивек проживает теперь на сорок восьмом уровне, куда после истории с ограблением был переведен производственной гильдией с пятьдесят шестого. Не слишком большая потеря в статусе для человека, совершившего преступление, думаю, объясняется тем, что в самой гильдии не были безоговорочно убеждены доводами в пользу виновности своего члена. В остальном, уверена, ему пришлось не сладко.

Планшет Редженса оставляю дома, чтобы он случайно не узнал, куда я сейчас направляюсь. Размышляя, что же я скажу Казмеру, покупаю новую порцию транквилятора, на этот раз всего лишь второй степени. Хотя, боюсь, подбирать слова и аргументы придется уже прямо по ситуации, а в этом я не сильна совершенно, и вряд ли мое волшебное пойло сможет с этим помочь. Перебирая в уме факты из дела, отпиваю из большой пластиковой кружки. К сожалению, о самом обвиненном, его личности, характере и тем более о его эмоциональном состоянии на данный момент я знаю мало или ничего, а именно от этого надо бы и отталкиваться. Но с каждым глотком на меня снисходит спокойствие, причем какое-то неадекватное спокойствие, сказала бы я, если б мой мозг не одурманился еще лживой пеленой необоснованной уверенности. Обычно я представляю себе множество вариантов развития предстоящей нервирующей ситуации, которые носятся вокруг меня как на очумелой карусели, но сейчас я затыкаю уши наушниками из которых на меня льется бодренькая ритмичная мелодия, и преспокойно спускаюсь на лифте на нужный уровень. Люди, едущие вместе со мной, вдруг все вместе выходят на пятидесятом, так что последние уровни проезжаю, пританцовывая по пустой кабине. Мда, по непонятной причине, стоит отобрать у меня сдерживающую тревогу, и я становлюсь не только спокойной, но и развязной.

Вход в апартаменты Казмера расположен на втором ярусе, но лестница к нему с раскуроченными ступенями, очевидно, не используется по назначению. Сразу прохожу в общий зал, благо вход туда стоит нараспашку. Поднимаюсь на галерею и звоню в дверь. Вместо того, чтобы мандражировать, рассеяно оглядываюсь по сторонам.

Общий зал в это время дня абсолютно пуст — чистый, светлый и без изысков. Самые обыкновенные слегка потертые и слегка пятнистые бежевые диваны образуют несколько зон, в которых можно было бы собраться небольшой компанией. Вдоль стен выставлены детские велосипеды, самокаты и дешевые пластиковые машинки. Уборщики забыли на ступенях синее полное грязной воды ведро. Окно рядом с дверью, перед которой я стою (сколько уже?), задернуто плотными занавесками, выглядящими как-то странно. Они словно не свободно висят, а прибиты прямо к раме с внутренней стороны.

Чтобы взглянуть в окно, я сделала пару шагов в сторону, теперь поспешно возвращаюсь назад, услышав тихий звук, сопровождающий разблокировку двери. В следующее мгновение она и вправду с шумом отъезжает в сторону, и я вижу перед собой человека, внешность которого рассмотреть почти не успеваю.

— Здр... — обращаюсь я к нему, не по своей инициативе тут же влетая в полутьму помещения, и ударяюсь в противоположную входу стену.

Перетерпев боль от ушиба значительной части организма, оборачиваюсь. Свет в комнате стоит на самом минимуме, так что можно различать очертания предметов, но не более. Силуэт мужчины передо мной, выше и крупнее меня, но ненамного, он уже заново

заблокировал дверь и также повернулся ко мне.

— Здрав... — делаю я еще одну провальную попытку.

— Сколько вас там? — тихо, но требовательно осведомляется человек, тыкая в мою сторону винтовкой. Смотрю вниз, на дуло, чуть не ткнувшееся мне в живот. Вроде бы оружие настоящее, но, возможно кустарного производства. Казмер до всего этого в оружейном цехе работал. Теперь-то, конечно, уже нет.

— Нас я одна, — отвечаю, глядя уже ему в лицо. Сурового взгляда за стеклами очков я не вижу, но все равно ощущаю на себе.

— Да, а остальные где?! — возбужденно шепчет Казмер. — И зачем вы отключили свет? Чего вы этим добиваетесь?! Это на меня не подействует! Я вам ничего не сказал и ничего не скажу! Потому что мне нечего вам сказать!

Винтовка больно тыкается в мое ребро. С трудом удерживаюсь от того, чтобы схватиться за ствол и отвести в сторону.

— А ну вынимай все! — требует Казмер.

— Что вынимать?

— Все! — гавкает мужчина. — Что у тебя там? Прослушка, пистолет? Все на пол! Или мое лицо будет последним, что ты увидишь в жизни!

— Так я его не вижу! — твякаю я, переживая, что на пол мне бросать нечего. Правда, несильно переживая.

— Это потому что вы отключили долбанный свет! — теперь уже в полный голос орет Казмер, сжимая винтовку так, будто хочет выдавить из нее предсмертных всхлип. Затем он выдает залп бессильной ругани в адрес своих анонимных преследователей. Я бы предположила, что речь о стражах, которые измывались над ним после ареста, пытаюсь выбить признание, но уже год прошел с тех пор, как его отпустили, а дело закрыли.

— Хорошо, — решаю не спорить я. Снимаю с себя наушники и бросаю их на пол. Мужчина начинает яростно их топтать, убрав, наконец, от меня дуло.

— И пистолет! — напоминает Казмер. Он свирепо орет, дергаясь передо мной как в припадке, и становится немного волнительно.

Оружия у меня, естественно, никакого нет, но с сумасшедшими, а бедняга явно сейчас не в себе, не спорят. Вынимаю из кармана воображаемый пистолет и делаю движение, как будто кидаю что-то на пол. Казмер вполне натурально отпихивает это ногой в сторону. Мы словно на первой репетиции пьесы, только следующую сцену я не успела прочитать.

— Туда иди! — командует мужчина. Жестко ухватившись за мое плечо, резко разворачивает меня к темному прямоугольнику выхода в коридор, и, толкая в спину через каждый метр, заставляет идти вперед. — Сюда!

В большой комнате, посередине, стоит внушительный стеклянный стеллаж с работающей подсветкой, благодаря которой вокруг значительно светлее. Я хорошо вижу испуганное и одновременно уставшее лицо женщины в широком мягком кресле, которая при нашем появлении сильнее прижимает к себе маленького ребенка, который почти исчезает в ее объятиях. Полагаю, это Анса — единственный акбрат Казмера — и ее сын Юлек.

— Сиди! — рявкает мужчина, бросая меня в соседнее кресло. — Следи за ней! — приказывает он женщине. — Она — одна из них! Рыпнется — прострели ей ногу, поняла?!

Анса нервно кивает. У ее ног стоит прислоненной к колену еще одна винтовка, за которую она хватается одной рукой, демонстрируя свою готовность. Казмер, резкими широкими шагами, вылетает из комнаты, видимо, спеша проверить, что делается возле

второго входа в апартаменты, того, что со стороны тоннеля.

— Кто вы?! — тут же спрашивает Анса, одной рукой все еще сжимая винтовочный ствол, второй придерживая сына, привставшего на кресле. У стены позади нее я замечаю еще несколько единиц огнестрельного оружия: винтовки, пистолеты, разложенные на столе, вместе с прозрачными ведрами патронов. Ведрами! Из ниши слева раздается мерный гул, возможно, генератора. По полу протянуты провода.

— Я пришла по поводу той истории с ограблением, — старательно собираю свое рассеявшееся было по комнате внимание на свою собеседницу. Мне нужно выглядеть открыто и дружелюбно, если я хочу выудить хоть какую-то информацию хоть у кого-нибудь в этом месте. — Моя подруга хотела бы поступить на работу в контору защитников, и ей дали это дело в качестве испытания. Она хочет доказать невиновность вашего шинарда.

— Серьезно? — в голосе Ансы звучат смешанные эмоции, то есть, полагаю, у меня еще есть шанс разговорить ее, который я, правда, рискую запороть следующим же словом.

— В деле очевидные недоработки, так что она уверена в успехе.

— Немного поздновато, не находите? — жестко выговаривает Анса, только в конце проскакивает паническая нотка.

— Да что там происходит?! — мимо нас пробегает Казмер, снова к тому входу, через который впустил меня.

— А что происходит? — интересуюсь и я, заодно оборачиваюсь, чтобы посмотреть, куда тянутся провода — к открытому лазу в техническую шахту. — Вас продолжают прессовать? Вам угрожают?

— Нет! — тихо произносит Анса. — Вы что, сами не понимаете?!

— Что Казмер... — не знаю, какое слово подобрать, мягкое и необидное.

— Да, он свихнулся, — шипит Анса, сильно прижимая к себе ребенка, неловко и ненастойчиво пытающегося выбраться из ее объятий. — Он хорошо держался весь этот год, — выражение ее лица становится вдруг слезливым, — я надеялась, что он забудет обо всем. Уже забыл. Но вчера к нему на работу приперся один из этих чертовых стражей, потребовал отчитаться в каких-то тратах. Оказалось, что они все это время продолжали следить за ним, его перепиской и счетами. Все еще ищут те дурацкие деньги...

— Зачем им отключать свет?

— Это не они. Страж получил свое и больше не появлялся, но удар уже был нанесен. Всего за один день Казмер из нормального человека превратился в полоумного параноика. Он привез генератор, и отключил апартаменты от общей сети, чтобы на нас не смогли воздействовать извне. Сломал лестницу, чтобы до нас было сложнее добраться. Притащил патроны, которые, оказалось, давно прятал где-то в тайнике. Винтовки коллекционные, изначально не рабочие... были. Оказалось, что он, не подавая вида, все это время готовился дать отпор.

— Ясно, но возможно...

— Не вздумайте попытаться с ним заговорить! — яростно шипит на меня Анса. — Мы уже пять часов сидим без света словно в осаде! Одна неудачная фраза, и он взорвется!

— Ладно, может, тогда вы мне расскажете про тех двоих, что совершили ограбление. Может, вы слышали...

— Да-да-да, — Анса снова раздраженно прерывает меня. — Может и слышала, только какое теперь это имеет значение?! Тебе, что, не ясно, что это добром не кончится?! Каз окончательно сломался, теперь он опасен и для себя, и для нас.

Конечно, я понимаю, в каком напряжении ей приходилось быть все это время, всю ее усталость, обиду на несправедливость, страх за ребенка, но сама я ничего сейчас не чувствую. Эмпатию начисто отшибло вместе с другими чувствами. К добру это или к худу.

— Предлагаете просто посидеть и молча подождать трагического финала? — отпускаю я бесчувственное замечание и, подумав, прикусываю себе язык.

Анса смотрит на меня круглыми испуганными глазами.

— Я боюсь, что этим трагическим финалом придется стать мне, — проговаривает она, снова стискивая ладонью винтовку.

Казмер в соседнем помещении чем-то стучит и кого-то ругает. То есть не возмущается кем-то вслух, а кричит на кого-то. Я привстаю с кресла, порываясь заглянуть в открытый проем.

— Не двигайся! — пресекает это Анса. — Ради нас всех...

— Там есть кто-то еще? — в таком случае уточняю я, опускаясь обратно.

— Для него есть. Я слышу, как он с ними ругается. Давор и Гвилим — эти два гада, словавшие ему жизнь! Эти сволочи подтвердили, что он участвовал в деле! Пожертвовали своим другом, чтобы кого-то прикрыть. Наверняка, чтобы потом разделить оставшуюся часть добычи, так и не найденную стражами.

— В деле сказано, что украдены были всего лишь денежные карточки, — припоминаю я. Раньше в Муравейнике использовались такие пластиковые прямоугольники, вроде современных подарочных карт, а до этого были бумажные. Натуральные деньги, обменивающиеся непосредственно на товары и услуги. Я их даже в руках не успела подержать, как они исчезли из оборота. — Зачем вообще было их красть?

— Их еще можно обменять официально или продать неофициально, но дело было совсем не в них. — Анса облизывает пересохшие губы, прежде чем шепотом продолжить. — Прошло почти полгода, как Каза отпустили, когда мы случайно повстречали этих двух подонков. Нам пришлось бежать за ними по платформе, они даже не захотели остановиться, чтобы взглянуть в глаза человеку, с которым они так подло обошлись! Когда Каз все-таки загнал их в угол, то потребовал объяснений...

— И что они ему сказали? — спрашиваю я так же тихо, потянувшись к ней через подлокотник. Анса злобно поджимает губы.

— Они велели ему заткнуться! — выплевывает она.

Сдерживаю смешок.

— Может, что-то еще?

— Они сказали, — Анса снова облизывает пересохшие губы, ей бы водички попить, — что ничего еще не кончено, и Казу нужно сидеть тихо в его же интересах. Не думаю, что они просто пугали его, чтоб он отстал от них. Я испугалась, попыталась увести его, но он меня оттолкнул и вцепился в Давора, начал душить его. Тогда Гвилим признался, что того третьего они и сами не знают, он приезжий и что его стоит бояться, понимаешь?

На самом деле, я не уверена, что должна понять. То ли это намек, что за этим третьим кто-то серьезный стоит, то ли, что он сам еще та паскуда, избавляющаяся от бывших напарников и свидетелей. Но уточнять не рискую, потому что затылком чувствую — не время.

Медленно обернувшись, вижу, что так же медленно из дверного проема выступает Казмер с выставленной вперед винтовкой. Поза напряженная, лицо, как маска, бледное и неподвижное. Взгляд устремлен точно перед собой.

— Мне надоели твои лживые оправдания! — с угрозой проговаривает Казмер, делая пару шагов внутрь комнаты. — И твоя рожа мне тоже осточертела!

Не смотря на полные звенящей ненавистью слова, раздавшийся выстрел кажется абсолютно внезапным. Пуля, посланная в невидимого предателя, рикошетит от металлического шкафа и огрызает кусок от полки под телевизором. Ребенок в объятиях Ансы тут же заходится диким криком. Казмер с решительным удовольствием делает еще пару выстрелов, опустив ствол ниже.

— А ты?! — рывкает он, резко повернув винтовку в моем направлении. Инстинктивно пригнувшись, понимаю, что обращается он не ко мне и целится, соответственно, тоже, но все же отползаю в сторонку, не собираясь прикрывать своим телом чужое воображаемое. — А с тобой мы еще поговорим! — обещает Казмер, и, рывком отведя ствол, делает выстрел в стену. — Нет-нет-нет, — игриво произносит он, когда следующая пуля рассекает воздух над головой Ансы, вжавшейся с малышом в кресло. Дрожа от ужаса, женщина сползает на пол.

Все происходит под аккомпанемент захлебывающегося криком ребенка, но Казмер словно оглох. Он продолжает гоняться по комнате за своим нематериальным бывшим товарищем, не забывая переступать через невидимый труп второго и обходя нас, распластавшихся на полу. Анса в отчаянии простирает назад руку в поисках своей упавшей винтовки, но из ее положения до той не дотянуться.

Расстреляв телевизор, Казмер проводит дулом из стороны в сторону, словно бы потерял своего оппонента.

— Он туда пошел, — подсказываю из-за спинки кресла.

Не уверена, что мужчина меня и вправду услышал, но, поколебавшись секунду, он все же выходит широким шагом из комнаты. На секунду оставив сына, Анса мгновенно подсакивает и хватается винтовку. Издав что-то среднее между вскриком и всхлипом, она садится на полу, прикрыв спиной, вцепившегося в ее одежду зареванного малыша, и наводит оружие на дверной проем, в котором только что исчез ее шинард.

— А почему бы нам просто не убраться отсюда через второй выход? — предлагаю я, на четвереньках подползая к ней.

— Он нас не выпустит, — едва внятно шепчет Анса. — Двери заблокированы.

— Понятно, — киваю я и проползаю мимо нее.

Из соседнего помещения слышатся еще выстрелы. Такими темпами Казмеру скоро понадобится перезарядить винтовку или взять другую. Но, судя по шуму, пока что он занят своим другом, так что я рискую подняться на ноги и быстро разрядить сложенное на столе оружие. А вот куда теперь деть кучу патронов? Можно раскидать их под мебель и ее обломки, но некогда. Казмер возвращается в гостиную, это понятно по залпам яростной ругани, слышащимся громче. Подхватив ведра, быстро запикиваю их в стеклянный стеллаж на нижнюю полку. Конечно, их там прекрасно видно, но на самом видном месте обычно и не ищут.

— Анса, эти твари пролезли внутрь! — кричит Казмер еще из коридора, но в следующую секунду стеклянная дверца стеллажа справа от меня разлетается на множество осколков. Инстинктивно скрючившись, разворачиваюсь, и, хлоп, дверца слева также распадается прямо передо мной на кусочки, с грохотом осыпаящиеся на пол. Шум оглушает, я застываю в должно быть довольно забавной позе, прижав ладони к ушам. — Анса! Прячьтесь немедленно! — орет Казмер.

Повернув руками голову, встречаюсь с ним взглядом. Теперь уже точно он смотрит

именно на меня. Хрустя стеклом, он подскакивает ко мне и, ухватив за волосы, толкает в сторону, к столу, где сложено оружие. Там он не слишком бережно бросает винтовку и берет пистолеты, один за пояс, другой в руку.

Казмер снова заставляет меня идти вперед, к выходу в сторону тоннеля. Я спокойно позволяю выпихнуть себя из комнаты, полагая, что Анса догадается разрядить ту винтовку, которую он оставил, и в которой еще осталось, наверное, пару патронов. Таким образом, у бедняги больше не будет возможности кого-то случайно застрелить, поддавшись на провокации галлюцинаций, и ситуация, должно быть, как-нибудь да разрешится без жертв. Я не переживаю, даже когда он, сграбастав меня сзади, и прижав дуло пистолета к моей голове, выталкивает нас обоих в узкий коридор, который я ожидаю увидеть пустым. К удивлению, мои ожидания не оправдываются.

В дальней от нас части коридора у левой стены стоит страж в полном доспехе, только забрало шлема открыто, так что нам было бы видно его лицо, если бы не скудное освещение, что организовал нам Казмер. Позади него еще один, и третий как раз появляется из двери и устраивается в ряд с остальными. Получается такая шеренга из стражей вдоль стеночки.

— Казмер, а мы тут поговорить пришли, — со спокойной, даже дружеской интонацией уведомляет передний страж. Если б он в нас не целился при этом, могло бы показаться, что и вправду имеет это в виду.

— Выметайтесь из моего дома, — нервно выкрикивает Казмер, прижимая меня к себе, — или я пристрелю ее! — Он источает резкий запах, такой же неприятный как, скажем, вонь давно не мытого тела, но, думаю, таким образом воспринимается его страх или ненависть, или и то, и другое. Мне настолько хочется отстраниться, что я дергаюсь в его руках, и он в ответ сжимает меня еще сильнее, так что становится трудно дышать.

— Ты чего такой не гостеприимный-то? — спрашивает страж. — Соседи твои на шум пожаловались, вот мы и пришли узнать, не случилось ли чего. Все же можно решить, если сохранять спокойствие и идти друг другу на встречу, правда? Есть еще кто-нибудь в апартаментах?

У стража неожиданно добрый гипнотизирующий голос, и те секунды, что Казмер позади меня сохраняет молчание, я тешу себя надеждой, что все можно еще разругнуть.

— Хватит мне в уши дерьмо лить, ... — Казмер раздражается бранью. — У вас пять секунд, чтобы убраться по добру по здорову или, клянусь, живым отсюда уже никто не выйдет!

— Ну, зачем ты так? — разочаровано, но все еще дружелюбно спрашивает страж.

— Пистолет не заряжен, — говорю я. — Он неопасен.

— Чтоб я вас больше не видел! — выкрикивает Казмер. — Так или иначе я от вас избавлюсь!

Мужчина пятится назад в проем, прикрываясь мною, хотя полностью ему за меня не скрыться. Дуло пистолета при этом уже не совсем у моей головы, и я еще наклоняю ее, вынужденно семеня назад, тут-то и раздается этот выстрел.

Выстрел кажется намного громче остальных, практически оглушительным, может, из-за того, что я была почти уверена, что больше выстрелов сегодня не услышу. Казмер увлекает меня на пол, и я снова слышу истерические крики напуганного ребенка.

Стражи двигаются как привидения, легко проскальзывают теньями мимо нас в дверной проем. Один остается рядом, опустившись на корточки.

— Я же сказала, что пистолет не заряжен, — говорю я, выбравшись из-под безвольно

лежащей на мне руки Казмера.

— Я не имею права рисковать, — отвечает страж. Все тот же голос, но интонация совсем другая, твердая, даже жесткая.

Из глубины апартаментов слышится шум, но я не успеваю испугаться.

— Я не вооружена, у меня ребенок! — громко и четко выкрикивает Анса.

Возвращаюсь домой, беру с полки учебник по уголовному праву и сажусь с ним на диван. Рассеяно листаю страницы, пытаюсь найти в книге, сама не знаю что. Вскоре приходит Редженс и садится рядом со мной. Только теперь замечаю, что из моих глаз катятся слезы — одна из них упала на страницу.

— Он должен был поступить так, — говорит Редженс, которому, конечно же, обо все доложили. Он аккуратно вытаскивает книгу из моих рук.

— Я же сказала ему, что оружие не заряжено, — возражаю я.

— Он не имел права тебе поверить, — Реженс захлопывает книгу и откладывает ее в сторону. — Что ты там делала? — мягко спрашивает он.

Я вытираю слезы.

— Пыталась поучаствовать в благотворительном проекте, — вынуждена солгать я.

Возвращаясь с ненавистных занятий, продлившихся целый изматывающий один час, выбираю подниматься по лестницам, чтобы поменьше видеть людей, и, тем не менее, именно здесь и сталкиваюсь с Лексом, бегущим вниз, перепрыгивая по три-четыре ступеньки зараз. Разогнавшись, он, не в силах сразу остановиться, пролетает мимо.

— Сейчас вернусь! — обещает он снизу, пытаясь затормозить на площадке, но скользит куда-то в сторону и в полушагате исчезает из виду.

Заинтересовавшись, начинаю спускаться в его направлении и тут слышу откуда-то оттуда яростный рев, переходящий в грязный словесный поток. Похоже, Лекс в кого-то да врезался. Сбежав на уровень, вижу злопыхающего нервного мужчину, вроде бы вполне невредимого и даже стоящего на ногах, однако, матерится он будь здоров.

— Простите, вы тут свое нелегальное холодное оружие выронили, — мой друг как раз подбирает с пола нож внушительных размеров, новенький, блестящий, с костяной ручкой. — Красавец какой! — комментирует он с уважением, аккуратно возвращая вещь владельцу ручкой вперед. — Хранение и ношение такого без чехла потянет на пару дней пыток второй степени, очень круто!

— Пошел нах, — резко обрывает свои излияния пострадавший, запихивает нож под куртку и, придерживая его рукой, быстро-быстро сваливает, нервно косясь по сторонам.

— Пугливый какой, — удивляется Лекс. — А я тебя, кстати, искал. Так случилось, что у нас занятия по механике закончились раньше, поскольку наш препод решил продемонстрировать нам реальное производство вдрызг нетрезвым и прояснил важность техники безопасности на собственном примере. Теперь количество костей в его теле немногим больше, чем предусмотрено стандартной комплектацией, а мы свободны до конца дня. По счастливому совпадению мастер Енека все еще в отгуле, возможно, тоже где-нибудь меняет одну большую кость на две маленькие.

— То есть мы можем снова пойти в его бумажках копать? — “радуюсь” я.

— Если ты не против, — с пониманием виновато улыбается друг.

— Я с утра об этом мечтала, — улыбаюсь в ответ и даже почти искренне. От воспоминаний о часе, проведенным с однокурсниками, сразу тошнит и хочется забиться в норку, где тихо, спокойно и нет раздражающих факторов вроде криков, летающих бутылок или плевков из самодельных рогаток.

С Редженсом я уже провела предварительный разбор завалов, рассортировав бумажки по коробкам, руководствуясь предположением, что в конкретный промежуток времени Енека пользовался конкретными писчими принадлежностями, то есть что записи, сделанные, к примеру, зеленой гелевой ручкой, относятся к одному периоду. Также я учитывала, на чем именно они были сделаны: на частях одной и той же картонки из-под пирожков, листочках, выдранных из одного и того же журнала, стикеров одного цвета и т. д. Пыталась также использовать степень выцветания чернил, всевозможные пятна, коробление бумаги. В итоге у меня получилось множество коробок, которые сейчас мы с Лексом сносим в приемную, где много свободного пространства на полу. Лекс наладил работу светильников, так что теперь здесь достаточно светло и удобно. Редженс же скинул мне на почту списки звонков и письменных заявок на ремонт, в которых есть только номера устройств, с которых они были получены, и даты получения. Таким образом, мне остается

всего лишь каким-нибудь образом согласовать записи с этими списками, найти те, что относятся к периодам, в которые исчезли подмастерья, и чудом по признакам, не знаю пока еще каким, понять из этих записей, по каким адресам подмастерья посылались Енекой в одиночку. Хотя вот на одном из листочков написано “захвати кр. ящик”, а на другом “тетка кусается”. Видимо, эти инструкции как раз для подмастерий. Но даты получения заявки, как я понимаю, вовсе не обязательно соответствуют датам визита мастера на соответствующий адрес, к тому же таких визитов могло быть несколько, что несколько затрудняет дело. Короче, мне с этим разбираться и разбираться. Лекс, отчетливо скрипя зубами, даже пытается помочь, надолго зависнув над первой же записью, которую никак не может прочитать, так что я ему говорю:

— Если твоя голова взорвется, это безобразие превратится совсем уж в неудобоваримое месиво. Лучшее, что ты можешь сделать, не связываться с этим! Но, мне наверняка придется консультироваться с тобой по поводу технических вопросов или логики твоего мастера, так что далеко не уходи.

Лекс собирается что-то ответить, но вместо этого наклоняется в сторону, чтобы лучше видеть вход в приемную. Не успеваю удивиться, как мимо нас быстрым шагом от входа к лестнице проходит женщина в свободном брючном костюме. Длинный хвост из завитых крупными кольцами медных волос мотается в такт походке. Она уже цокает каблуками по ступеням лестницы, когда вскочивший с пола Лекс окликает ее.

— О! — женщина разворачивается, только сейчас обнаружив наше присутствие, и приникает к перилам лестницы, положив на них ладонь с длинными заостренными накладными ногтями. — Должно быть, один из вас — новый подмастерье? — говорит она низким чувственным голосом. Ее лицо сильно накрашено в сочные тона красного, что только подчеркивает тяжелые черты лица. Я все еще сижу на полу, среди кучи коробок, но и отсюда чувствую сильный цветочный аромат, вошедший вместе с ней.

— Да, я, — отвечает Лекс, встав рядом с лестницей, под местом, где остановилась женщина.

— Меня зовут Маргарета, — представляется та и широко улыбается. — Я сестра мастера Енеки.

— Вы с ним очень похожи, — отмечает мой друг.

— Да, эти родовые черты лица ни с чем не спутаешь, — женщина делает экспрессивный жест рукой и закатывает глаза. — Так, я заменю здесь братца на некоторое время, — неожиданно заявляет она. — Надеюсь, ты уже можешь сам ходить по вызовам? — спрашивает с надеждой и сама себе отвечает: — Хотя, от начала года всего несколько дней прошло, значит, нет.

— Э, ну, засор прочистить смогу. А с Енекой-то что? Запил или тоже исчез с концами?

Не знаю, какое положение занимает эта Маргарета, и, соответственно, имеет ли право Лекс задавать ей вопросы, но он-таки их задает. Женщина последовательно недовольно морщится, куксится и затем вроде как усмехается. Ее лицо вообще очень подвижно и выдает одну эмоцию за другой, я не успеваю понять какую.

— Он не здоров, скажем так, — в итоге выдает она, постукивая ногтями по облупившимся перилам. — Но это отделение должно с завтрашнего дня работать, не смотря ни на что. Так что я буду сидеть здесь на связи, а ты поработаешь ножками. С работой ничем помочь не смогу, я в этих трубах бесконечных ничего не понимаю, но предоставлю справочники на все случаи жизни. Другим подмастерьям они очень помогали. Хотя Енека —

очень хороший учитель, и, хотелось бы, чтоб он тебя сразу натаскивать начал, но тут уж вот так произошло... Ничего, через пару недель он вернется.

Маргарета, махнув левой рукой, порывается побежать дальше по ступенькам, держась правой за перила, но Лекс останавливает ее, дотянувшись снизу и положив свою ладонь чуть выше ее.

— То есть для Енеки нормально пропадать время от времени?

— Он очень хороший специалист, его все очень ценят, — проговаривает Маргарета с чувством, наклонившись к Лексу, изблизи разглядывая его лицо. — Так что не переживай. Сначала будет туго, но знания, которые ты от него в итоге получишь, компенсируют все. Все его подмастерья сверх быстро поднимаются в гильдии, — обещает она с искушающей полуулыбкой.

— Ну да, так быстро, что их теперь никто найти не может, — скептически относится к этому Лекс.

— Так это только два последних, — морщит нос Маргарета. — А вот все предыдущие — просто в шоколаде. Один, насколько я знаю, уже на продвинутых уровнях унитазы устанавливает, навороченные такие, с искусственным интеллектом...

— А что, по-вашему, случилось с теми двумя, кого не успели обмокнуть в шоколад? — прерывает ее мой друг. — Они исчезли прямо отсюда?

— Да нет, точно нет, — хмурится Маргарета. — И вообще это дело стражей. Тебе-то что переживать? — она с подозрением обводит взглядом то, что мы устроили на полу.

— Ну, как бы, я удручен невнятной перспективой, — поясняет Лекс. — Два моих предшественника подряд испарились, лишившись возможности поработать с интеллектуальными унитазами. А неприятности, как известно, ходят тройками. Я, типа следующий, так что мне-то как раз есть из-за чего переживать!

— Пока нет, — обнадеживающе улыбается Маргарета, — они оба исчезли в самом конце года.

— Круто, мне осталось жить еще целый год, — Лекс старательно делает вид, что напуган.

— Ой, да не вешай ты нос. Наверняка это просто несчастливое совпадение и тебе ничего не угрожает, — убеждает его женщина с материнской нежностью. — Какой же ты славный пупсик! — неожиданно она простирает к нему руку и треплет по щеке. — Такой сладенький, так бы и съела! — С этими словами Маргарета взбегаёт по лестнице и исчезает в ближайшей комнатке.

Лекс обескуражено поворачивается ко мне. Я едва сдерживаюсь, чтоб не прыснуть со смеху. Он у нас парень весьма симпатичный, а решив сыграть в уязвимость, сейчас и вправду выглядит таким милым щеночком, которого хочется немедленно потискать и налить молочка. Хорошо, офицеры наши этой сцены не видели!

Глава 8

Сегодня мы все вместе идем навещать Мэй в больнице. Все — это Лекс, я и Ристика, примкнувшая к нам от нечего делать. Кэйт условилась встретиться с нами уже на месте, но ко времени, на которое мы записались, она не успевает. Правда нас тоже не спешат запускать, наоборот просят подождать в боковой комнате с потрепанными дерматиновыми диванами, так что у нее еще шанс остается.

В ожидании Ристика беспрестанно вертится и то и дело поправляет свое новое платье, то подол одернет, то плечи поправит. Оно — ее очередное творение — совсем закрытое, с высоким воротником и юбкой ниже колен, зато почти прозрачное и облегающее, усыпано переливающимися желтыми и голубыми звездочками. Рукава очень интересно сделаны, ткань присборена и под нее что-то вставлено, придающее оригинальную форму, вроде крылышек что ли.

— У тебя на плечах что, уши выросли? — у Лекса совсем другие ассоциации.

— Нет, конечно! — восклицает Ристика. Ее подкрашенные желтым брови взлетают вверх. — Уши?! Реально?! — ужасается она. — Зеркало, мне срочно нужно зеркало! — она начинает метаться по комнате.

Я пытаюсь, жестикулируя, подсказать другу про крылья, но внимание Ристики быстро отвлекается на другое. Она показывает пальцем на задвинутый в угол шкафчик.

— Смотрите, в школе модельеров, в студии, точно такой же стоит.

— Да они по всему Муравейнику раскиданы, внимательная ты наша, — фыркает Лекс. — Их же начинающие столяры сотнями наклепали.

— И он пустой стоит, так же как в студии! — отмечает Ристика, с хирургической точностью поддев неудобную малюсенькую ручку на дверце шкафчика своими ловкими пальчиками с длинными накрашенными ногтями.

— Так и не придумали, что в них класть. Этих шкафов даже больше, чем доступного к хранению барахла.

— А что если мне перед каким-нибудь занятием в школе залезть в такой шкафчик, — осененная идеей, проговаривает Ристика, — и послушать оттуда лекцию или что там будет. А еще можно вылезти оттуда посреди занятия, типа, ой, я случайно задремала, где я? Чтоб меня заметили, наконец, а то вынуждают уборщиц всех заранее выметаться, я так даже ни одного преподавателя в лицо до сих пор не знаю, — с обидой в голосе заканчивает она и надувает губки.

— Лучше скажи, что в этот шкаф открылся портал из будущего, — тут же предлагает Лекс, — из которого ты прибыла, чтобы предупредить свою прапрабабку, что если той не удастся срочно ввести в моду голые платья с ушами, то через сотню лет Муравейник поглотит хаос и повальная импотенция. Попроси передать весть девушке, которая там работает и на тебя похожа.

— Ага, если я такое заявлю, мне сразу же откроют портал туда, — Ристика тыкает в сторону выхода в коридор, — в психушку, в которую нас сейчас не пустят никак. Так, пока время есть, я примерюсь ладно? — она залезает в шкафчик и пытается прикрыть дверцы изнутри. — А вы отойдите и разговаривайте о чем-нибудь. Проверим, как мне слышно будет.

Пока Ристика, сидя на корточках в нижней секции шкафа, мучительно закрывается там внутри, мы послушно отходим к центру комнаты.

— Итак, наиболее актуальной тенденцией в современной моде является отказ от визуальной избыточности материальной составляющей плюс органичное вплетение в образ дополнительных частей тела, — начинает читать “лекцию” Лекс. — Эта идея наилучшим образом отвечает стремлению общества к совмещению практичности и индивидуальной выразительности.

— Что ты несешь?! — с возмущением спрашивает Кейт, появляясь в дверях. — Репетируешь речь, чтобы претендовать на теплое местечко в дурдоме рядом с Мэй? Так соскучился?

— Нет уж, боюсь, передовые идеи мира моды могут излишне шокировать неподготовленную публику, чье мышление лишено пластичности из-за необходимости каждодневно носить униформу, выдает Лекс с театральной эмоциональностью.

— Фиг с этим, — Кейт, хмурясь, останавливает его дурашливые разглагольствования. — Мне сказали, что нас еще какое-то время промурьжат здесь, так что, раз появилась такая возможность, поговорим о важном. Ты ж наверняка в курсе нашей договоренности с Мышью? — спрашивает она Лекса, почему-то использовав мое прозвище, а не имя, хотя раньше так никогда не делала. — Так вот, теперь мне нужно достать список приезжих, появившихся в Муравейнике год назад. Официально я не могу его запросить, а вот неофициально кое-с-кем договориться удалось. Вам нужно будет всего лишь забрать распечатку для меня.

— И зачем она тебе? — интересуется Лекс.

— Слушай, я сама должна разобраться с расследованием, советы мне не нужны, — злится Кейт. — Так что вам мои умозаключения знать не нужно, меньше соблазна вмешаться, ясно? А то знаю я вас!

— Ну, лады, — без энтузиазма соглашается друг.

— Чудненько, — немного расслабляется Кейт. — Бумаги будут лежать в розовой папке на столе в билетной кассе красного сектора.

— Хорошо, пообщаемся с Мэй и я сбегаю быстренько.

— Нет, не сбегаешь, — жестко обрубает Кейт. Дождавшись наших недоуменных взглядов, она поясняет: — Тот, с кем я договорилась, совсем не настроен нарушать правила ради меня, так что нужная папка просто будет лежать там, в кассе. Это максимум на что он согласился пойти. Вам придется забрать ее уже после закрытия вокзала.

— Предлагаешь нам вскрыть кассу? — уточняет Лекс.

— Да там такой замок, что его можно пальцем открыть, — Кейт презрительно хмыкает. — Но все же идите на дело вдвоем, пусть второй на шухере постоит.

— Ну да, кому как не стражу лучше знать, как лучше совершить преступление, — язвит Лекс.

— Правила нарушают все, иначе в Муравейнике ничего не добиться, — фырчит на него подруга. — И вообще, эти кассы никому нафиг не сдались, и постоянно за ними никто не следит. Если сделаете все аккуратно и факт взлома наутро не обнаружат, записи с камер просматривать никто тоже не будет. Плевать задача, а мне эта инфа, считайте, все дело распутает.

— Хорошо, — кивает Лекс, — но на счет камер я все же побеспокоюсь. Масочки нам кармоочищающие приготовлю, а ты подумай на счет одежды поверсайзнее и поголимее, чтоб можно было ее скинуть потом, — предлагает он мне.

Я тоже киваю, хотя не представляю, где такую мне достать. В магазинах одежды я гость

не частый.

— О, я вам такую из школы модельеров утяну! — Ристика пытается выглянуть из шкафа, но от энтузиазма вываливается оттуда поблескивающим комочком под ноги Кейт.

— Мать твою, ты что, все слышала?! — ревет та на нее, приподняв ногу, будто собираясь пинком этот комочек развернуть.

— Нет, не слышала! — заявляет Ристика, ухватившись за руку Кейт, чтобы подняться. Высокие каблуки ей в этом мешают, подламываясь в намерении согнуть ноги в непредусмотренном направлении, и страж тоже не помогает. — Просто предположила, что вам пригодятся забракованные модели.

Лекс подхватывает ее под подмышки и, приподняв над полом, дает ей возможность разобраться с ногами и утвердить каблуки на его поверхности.

— Ну, все, теперь она все расскажет Кейну! — шипит Кейт, в раздражении всплеснув руками.

— Да не расскажет она ничего! — возражает Лекс.

— Ага, как же! Вот перевяжет он ее веревками как ветчину и подвесит коптиться, она ему все и вывалит как на духу!

— Да сколько в ней той ветчины, — друг, раз об этом зашел разговор, взглядом оценивает соответствующие части Ристики, но у той слишком хрупкое телосложение, чтобы там было что коптить.

— Она имеет в виду новое хобби Кейна — древнее искусство связывания! — поясняет Ристика, игриво подтолкнув Лекса бедром. — Правда он только начал и у него пока что плохо получается, так что во время наших игр только он и говорит — ругается на веревки и инструкции. Мне даже слова вставить не удастся! Так что ваши планы со мной в безопасности, честно!

— Интересное хобби, а мне даже не сказали! — возмущается друг.

— Так ты в последнее время все занят учебой этой, — томным голосом произносит Ристика. — А мы вполне могли бы заняться этим втроем. Или даже вдвоем — Кейну скоро его террариумы привезут, у него будет с кем играть.

Кейт раздражено рычит и с этим рычанием плюхается на диван.

— Мне этих разговоров на работе хватает! — рявкает она. — Кейн показывает мне новые узлы, каждый раз как я к нему с рапортом подхожу! Когда я окончательно рехнусь, то повешу этого говнюка над бездной самым извращенческим способом!

— Можете войти! — говорит открывшая к нам в комнату дверь женщина в форме медицинской гильдии. Судя по ее тону, последнюю фразу она услышала и заинтересовалась.

Глава 9

На нулевой уровень мы спускаемся уже после десяти вечера, приодевшись под руководством Ристики в нечто одновременно вычурное и безликое. То есть с одной стороны одежда, которую она нам достала, имеет сложный покрой, с другой позволит нам с легкостью раствориться среди жителей нижних уровней, так как тут все ходят в забракованном на фабриках или нераспроданном в магазинах неликвиде, элементы которого плохо сочетаются друг с другом и плохо сидят на фигуре, поскольку, что удалось урвать, то и носится. Так что на Лексе ассиметричная толстовка смотрится для наших условий вполне нормально, в моей же я просто утопаю и это тоже нормально. Никто по камерам даже мой пол не определит.

По заплеванным коридорам нулевого добираемся до вокзала. Не смотря на позднее время здешний люд до сих пор тусуется снаружи общежитий, и так будет вплоть до самого отбоя в одиннадцать часов, когда будут блокироваться входы во внутренние помещения. Отчасти это из-за того, что в выделенных на каждого взрослого малюсеньких комнатухах находится неприятно. С другой стороны сейчас-то, когда рабочий день закончен, большинство грязных делишек и проворачивается. Те, кто в них не участвует, служат массовкой, готовой задержать или запутать стражей, а также подхватить любой кипеж, ради разнообразия своих серых вонючих будней. Все это нам сейчас вроде бы на руку, хотя нам и самим бы досталось, пройдишь мы сейчас не по “родному” красному сектору. Территориальные войны тоже никто не отменял. Но годы, проведенные в красном приюте, негласно дают нам право здесь находиться.

После бесконечных тесных коридоров выйти в основное помещение вокзала даже приятно. Оно действительно огромно. Длинные пути уходят вдаль к многослойным воротам из Муравейника. Те, конечно, закрыты. Поезда уже задраены, и персонала рядом не видно. Вокруг нас стоит гулкая тишина. Но далеко не все уголки просматриваются отсюда, от входа, так что вполне вероятно мы все же здесь не одни. Обыскивать все нет времени, да и смысла тоже.

Одев плотно прилегающие к лицу маски, проходим под камерой и далее по перрону к билетной кассе, представляющую собой зарешеченное окно в стене и боковую дверь с тем хлипким замком, о котором говорила Кейт. Выглядит, действительно, неказисто. В одиннадцать часов все это должно закрыться прочным металлическим щитом, вот и направляющие видны, по которым он опустится вниз, но пока что доступ получить легко.

Лекс молча вытаскивает из кармана свои инструменты и аккуратно, чтобы и царапинки не осталось, вскрывает замок. Я оглядываюсь по сторонам, пока он осторожно отворяет дверь. Стараемся не шуметь. Даже если по вокзалу бродят всего лишь какие-нибудь пьяные бездельники или торчки, нам и их внимание будет лишним.

Друг заходит в помещение кассы, я на секунду заглядываю туда через окно. Вижу, как Лекс подходит к столу. Ладно, отвожу взгляд и вдруг натыкаюсь им на лист бумаги, протиснутый между решеткой и стеклом. Это написанное от руки объявление, гласящее, что касса не работает, и посылающее всех страждущих в другую кассу в помещении зала ожидания на первом уровне.

Через пару секунд Лекс выскакивает наружу и разводит руками. Я тычу в объявление, но, поскольку, он сейчас на нервах, то вряд ли сможет его прочитать. Шепотом читаю его

для него.

Наши маски очень качественные — практически накладные лица, но эмоции толком не передают. Однако я и по глазам Лекса вижу, что он вовсе не расстроен тем, что вломился не туда, а время поджимает. В них блестит азарт. Он очень быстро запирает дверь обратно и жестом предлагает следовать за собой наверх.

Вбежав по лестнице, влетаем в большой зал с рядами прикрученных к полу кресел. В дальнем его конце видим похожую кассу, только вот дверь бронированная, а замок электронный, а не механический как внизу. Чтобы войти, нужна верная идентификационная карта.

— Такое я пока не умею открывать, — признается Лекс.

Через окно просматривается небольшая комнатка билетной кассы. Мы видим стол, со стоящим на нем аппаратом, вроде принтера. Рядом стопки билетных бланков и тонкая розовая папка с бумагами.

— Вот тьма! — восклицаем мы оба, глядя на недоступный нам предмет.

— А ты сюда случаем не пролезешь? — вдруг спрашивает Лекс.

Собственно внизу окна есть маленькая форточка, створка которого легко отодвигается вверх, поскольку по случайности или нет внутренняя щеколда отодвинута, что мне друг как раз и демонстрирует сейчас.

Так как времени остается катастрофически мало, даже не знаю сколько, я наспех примеряюсь головой, потом скидываю явно лишнюю в этом деле толстовку, оставшись только в майке, и пропихиваюсь в форточку резкими движениями, чтобы не передумать. Застряв плечами, выдерживаю яркий приступ клаустрофобии и с усилием и ужасом выдергиваю вперед руку, наверное, вывихнув ее к чертям.

— Толкай! — сиплю я.

Лекс, обхватив мои ноги, просовывает меня дальше в комнатку. Я, частично лежа на узком столике под окном, но большей частью навису, тянусь к тому столу, на котором папка.

— Еще!

Лекс проталкивает меня еще на пару сантиметров, и я цепляю, наконец, край папки, преодолевая острую боль в мышце.

— И билетов возьми, — зачем-то просит друг. Не поняв зачем, но надо так надо, хватаю еще и пачку билетных бланков, когда Лекс уже выдергивает меня обратно. Все происходит очень быстро. На сей раз я практически проскальзываю через форточку и едва не хлопаюсь на пол, так внезапно друг отпускает меня. Обернувшись, понимаю почему.

В нашем направлении, молча пересекая зал, несется страж с хлыстом в руке. Лекс делает встречное движение, так что врезается плечом в его живот, на мгновение приподняв над полом, и отбрасывает на ряды кресел. Тот приземляется с таким грохотом, что у меня внутри все переворачивается. Жив ли?

Но Лекс уже подталкивает меня бежать к выходу. Я подхватываю свою толстовку, он выхватывает у меня билеты. Выскочив на лестницу, он выкидывает их через перила вниз. Сами мы спешим наверх.

Пробежав несколько пролетов, рискую обернуться. Живучий страж, не купившись на якобы оброненные билеты, стремительно нагоняет, но я уже не могу увеличить скорость. Ну а Лекс может и ускорился бы, но точно меня не бросит. В панике выскакиваю на платформу. Передо мной как раз стоит кабина лифта, но толку!

— Открой его! — выпаливает Лекс за моей спиной.

В два скачка преодолеваю оставшееся расстояние до панели вызова и нажимаю на кнопку. Двери разъезжаются.

Страж неуверенно останавливается, не поняв сразу, что задумал Лекс, так что мой друг нападает первым. Я только сейчас имею краткую возможность наконец разглядеть, кто именно за нами погнался, и к своему удивлению узнаю в этом страже Мина! Похоже у него карма такая! Может это его жизненное предназначение — повсюду донимать нас, что в школе, что в учебке, а теперь он вынужден рушить наши преступные планы!

Ну, против Лекса у Мина никаких шансов. Я придерживаю дверь, пытающуюся закрыться, когда мой друг в очередной раз вышибив из Мина дыхание, хватается за шкуру и бросает в кабину лифта. Тыкаю наугад в одну из верхних кнопок и отхожу. Двери лифта закрываются раньше, чем наш недруг успевает собрать себя с пола и что-либо предпринять. Но Лекс в довершение тыкает отобранным у того хлыстом в зазор между дверьми лифта и стеной. Попадает так, что двери внезапно блокируются в полуоткрытом положении. Между ними остается щель. Лифт начинает возмущаться женским голосом из динамика и, соответственно, никуда не едет.

— Выпустите меня отсюда, мрази, немедленно! — Орет Мин, перекрикивая этот голос, и в бешенстве колотит по кабине, по дверям, но бес толку. Пытается просунуть руку в щель, но она достаточно далеко не пролезает. — Да я вас заставлю сожрать собственные зубы!

Под аккомпанемент этих странных угроз мы несемся прочь. Мина сейчас выпустят его коллеги, а нам надо еще скинуть где-то маски и переодеться. И до дома добраться, желательно раньше возвращающихся с дежурства Кейна и Редженса. Хотя Кейн наверняка задержится, чтобы поорать на Мина.

Вернувшись домой, сначала заходим в апартаменты Кейна, чтобы, если спросят, откуда это мы так поздно вернулись, можно было бы сказать, что мы давно уже здесь. Проходим по так и заставленной коробками гостиной, между ними я и заталкиваю розовую папку. Кейн сам до разбора этих завалов никогда не снизойдет, так что документ здесь, практически у него под носом, в абсолютной безопасности. Далее по мостику перебираемся в апартаменты Редженса. Спускаясь по лесенке в его гостиную, неожиданно обнаруживаем там обоих офицеров и гостя, сидящего в массажном кресле. От удивления так и застываем на ступеньках.

Странностей хоть отбавляй. Во-первых, хотя мы обоими когортами постоянно собираемся именно у Редженса, посторонних он не приглашает к себе НИКОГДА. И мне не разрешает никого впускать, это вопрос принципиальный. А тут вдруг в комнате обнаруживается странный тип, которого я раньше даже не видела. Это молодой белобрысый мужчина, среднего роста и достаточно крепкий, с простой стрижкой, одетый сдержанно, без всяких там тату, пирсингов и прочего тюнинга. Можно сказать, красавчик, во многом на Редженса похож, но явно не родственник. Нет в нем ни намека на обычную для моего шинарда непроницаемую сдержанность и холодность. Наоборот, когда он оборачивается в нашу сторону, его взгляд, скользнувший по нам, как будто излучает мягкое тепло. Однако вторая странность заключается в том, что и сам Редженс выглядит сейчас необыкновенно расслабившимся, даже ноги на столик положил, развалившись на ядовито-желтом диване.

На столике этом да и вокруг него свалены упаковки из-под еды на вынос, комки использованных салфеток, стаканы и чашки, раскидана колода карт. Телевизор на стене включен, но фильм остановлен на конечных титрах. В общем, очевидно, мужчины окопались здесь уже давно. В воздухе даже стоит удушливый смрад сигарет — внутри вряд ли курили,

должно быть несколько раз выходили на перекур, притащив запах с собой. Иными словами, сегодня наши офицеры допоздна не дежурили.

— А что это вы тут делаете? — интересуется Лекс, разглядывая все это с лестницы. Его незамутненной наглости можно только позавидовать, хотя вообще-то акбрат шинарду вопросы задавать не должен.

— Серьезно спрашиваешь?! — с наездом буркает Кейн, не вставая из кресла, где удобно разлежся перекинув одну ногу через подлокотник.

— Твой акбрат? — уточняет у него гость мягким, чуть удивленным тоном.

— Ага, только забылся малость, — Кейн раздраженно скалится и заодно выковыривает что-то из зубов ногтем.

— Ща, — Лекс кладет руку мне на талию и уводит обратно наверх, в галерею.

— Куда вы, б..., поперлись?! — доносится в спину недовольный рев Кейна. Лекс не обращает внимания.

— Так, поправь, если я ошибаюсь, — предлагает друг, остановившись для разговора в дальнем конце галереи. — Кейн сегодня не дежурил, то есть Мин тоже вряд ли был сейчас на задании.

— Если только он не одолжил его какому-нибудь другому офицеру, который дежурит, — добавляю я.

— Ну да, первый уровень ведь не входит в территорию группы Кейна, — соглашается Лекс. — Но все же...

— Да, все-таки скорее он был там по каким-то своим делам, а значит, его никто не ищет. Конечно, он может попросить освободить его кого-нибудь из своих друзей...

— Но у него нет друзей, — заканчивает за меня Лекс.

— И дежурной страже он может вовремя не позвонить, постыдившись, — предполагаю я, начиная нервничать.

— Че-то мне как-то не хорошо, — друг кладет ладонь в район сердца и пытается там что-то размять. — Совесть что ли?

— Надо его освободить все же, хотя он тогда точно знать будет, что это мы там... украли.

— Ничего, пошантажирую его чем-нибудь.

Я делаю шаг на балкончик, приваренный к галерее, и, высунувшись подальше, заглядываю на часы наверху.

— Пять минут всего до одиннадцати! — паникую я. — Ладно, все равно надо бежать туда, — пытаюсь взять себя в руки.

— Нет, я один сбегая, — качает головой Лекс, — а ты держи оборону. Постарайся убедить наших, что я где-то здесь, но меня не видно.

— А, ну да, — у меня тут же в голове проносится миллион мыслей, но ни одной полезной.

Отпустив Лекса, возвращаюсь в гостиную. Кейн, едва заметив движение, замахивается коробкой из-под фильма, но поняв, что я одна, передумывает и бросает ее на стол.

— Ну, чего вы там? — спрашивает он лениво.

— Да ничего, — я пытаюсь изобразить безразличие. Изобретать что-то конкретное будет вдвойне подозрительно.

— А, Щенок куда поперся?

— Да никуда. В душ, наверное, — перенервничав, все же добавляю одну деталь.

Ощущение, что сердце колотится у меня в горле. Сосредоточившись на этом забавном образе, надеюсь сдержать волнение, но наверняка оно проскочит как-нибудь в выражении лица или скованности движений. Пересекая гостиную, я нерешительно бросаю взгляд на гостя — пусть решат, что это я его стесняюсь. Он смотрит в пол, кривя губы.

— Я могу сварить вам какао, — предлагаю я.

— Свари, — соглашается Редженс. — И постели нашему гостю в одной из свободных комнат.

Я удивленно смотрю на него, и он, поймав этот взгляд, решает пояснить:

— Это Алан. Он сын акбрата моей матери.

Ясно, они провели, по меньшей мере, часть детства в одном когарте. По-видимому, этого достаточно, чтобы доверять ему. Хорошо же. Я киваю и поспешно ухожу на кухню.

Вчера я поэкспериментировала с варкой горьковатого напитка из порошка какао, а Ристика, выпив в общей сложности литра полтора, одобрила мои потуги, порекомендовав подавать его с маленькими зефирками, которые обещала сама купить. Сейчас ее почему-то нигде не видно, но пакет со смешными белыми закорючками валяется на кухонном столе. Пока достаю все необходимое, свет выключается, знаменуя наступление одиннадцати часов. На ощупь включаю лампу, прикрученную над тумбой возле плиты.

Порадовавшись, что уже могу быстро справиться с такой задачей, варю и разливаю готовое какао в последние чистые кружки, кидаю в них зефирки, и тащу сразу все три в гостиную. К счастью, мужчины никуда не разбрелись, а спокойно ждут, лениво беседуя в полголоса. Кто-то из них потрудился поднять задницу и включить торшер.

Первую кружку протягиваю гостю. Он почему-то медлит, потом все-таки берет ее, не глядя на меня, ставит в подстаканник и кладет использованную для этой задачи руку на колено. Напряжение читается и на его лице, и во всей позе, которую он принял, как только я пошла в его сторону. Размышляя, что это может значить, отдаю другие две кружки Кейну и Редженсу. Они с гораздо большей готовностью принимают их, но тем разительнее выглядит неприятие меня нашим гостем. Теперь уже действительно смущенная сбегая из гостиной.

Меня очень волнует вопрос, чем это я так успела не угодить этому человеку всего за несколько минут? А, может, Кейн хохмы ради успел выложить обо мне пару нелицеприятных подробностей? Или мы когда-то раньше успели пересечься, только я не помню? В груди нарастает тревожное жжение, я чувствую, как пылает лицо, благо этого никто не видит. Ощущения становятся хуже еще и от того, что это первый известный мне человек вне нашего маленького кружка, которому Редженс, оказывается, доверяет. Однако, все это сейчас второстепенно — напоминаю я себе.

Лекс там один на рискованной вылазке — вот о чем надо думать! Прежде всего, я бегу в свою комнату, выуживаю из-под матраса планшет и, включив его, засовываю в карман. Как только друг окажется дома, в безопасности, он наверняка подаст мне знак. Только теперь иду выполнять распоряжение Редженса приготовить его товарищу по детству спальное место. Старательно не спешу с этим, ведь, когда мужчины пойдут спать, Кейн по дороге вполне может проверить наличие Лекса дома.

Застилая постель в одной из комнат, которых Редженс при нынешнем составе своего когарта так и не придумал для чего приспособить, прикидываю, сколько времени может понадобиться Лексу, чтобы вернуться назад. Нужно учесть, что лифты и подъемники уже остановлены, и границы между типами уровней закрыты, значит, придется бежать к аварийным лифтам, а они далеко не на каждом шагу. Да и спасаемый Мин может

заартачиться и полезть в драку, потратив дополнительно время. И еще я не знаю, взял ли Лекс в спешке фонарик, ведь более-менее видно что-то только на платформах. У меня руки трясутся, когда я загибаю последний уголок простыни под матрас, а больше и делать нечего. В комнате чисто, спальный модуль начал работать, как только я щелкнула переключателем, внутри него уже тепло и уютно от оранжевого светильника в изголовье. Приходи и ложись, а времени прошло еще слишком мало.

Подхватившись, я бегу в свою комнату, перехватываю Счастливого поперек пуза и быстро выхожу в коридор. Мимо входа в гостиную проскакиваю на свой страх и риск, подтолкнув раздвижную дверь ногой. Она вроде бы прикрывает мой маневр, хотя движение ее самой вполне могли заметить.

— Ну че, баиньки? — слышу бас Кейна.

А, быстрее-быстрее! Семену ногами, которым мешает сползающий к полу Счастливчик, перехватить получше не успеваю, левой-правой, левой-правой. Набитые носками конечности моего творения быстро-быстро качаются в такт.

Выскакиваю из двери апартаментов на “улицу”, заставляю дверь напротив впустить меня в апартаменты Кейна. Кстати декоративный фонарик на стене красиво горит, мало чего освещая, но мне достаточно. Впихнувшись в холл, роняю Счастливого и падаю на него.

На звук в холл выходит Ристика с лампой в руках.

— Он все еще там? — спрашивает она.

Кто он? Где там? Я торопливо поднимаюсь и поднимаю Счастливого.

— А, да, он там останется ночевать, — до меня доходит, что речь о госте Редженса Алане.

— Он какой-то не такой, да? — таинственно произносит Ристика.

— Наверное, — мне пока не до этого, тащу Счастливого в спальню Лекса. — Лекс дома, — предупреждаю, немного задыхаясь на ходу.

— Не знаю, не видела его, — говорит Ристика, освещая мне путь через плечо, а сама идет позади.

— Нет, это если Кейн спросит. Лекс пришел полчаса назад, принял душ и пошел спать, — информирую я, снова роняю Счастливого на пороге комнаты, и снова падаю сверху, споткнувшись о его ногу. — Да, что за нафиг?! — Набрызгай, пожалуйста, воды в душевой.

— Ладно, — Ристика дожидается, пока я доковыляю до спального модуля и включу в нем свет, и убегает по моему поручению.

— Я дома, сучки! — орет Кейн откуда-то.

Я на секунду решаю, что он знает, чем мы тут занимаемся и все пропало. Потом вспоминаю, с кем имею дело, и продолжаю делать то, что делала. Заталкиваю Счастливого в спальный модуль, к стеночке. Вот так, со стороны кажется, что внутри кто-то лежит. Если Кейн глянет только от двери, то ничего не поймет. Выключаю в модуле свет и уже в полной темноте выхожу из комнаты и по стеночке тихонько следую к выходу.

— А Щенок почему не встречает? — снова слышу голос Кейна в этот раз намного ближе и, обернувшись, за поворотом коридора вижу свет.

— Лекс уже устал и пошел спать, а я готова пошалить, — едва могу расслышать тихий ответ Ристики.

— Ладно, сейчас пожелаю Щеночку сладких снов и приду, — произносит угрозу Кейн и

пляшущее пятно света на стене резко увеличивается.

Юркаю за стенную нишу и зачем-то приседаю там на корточки, наверное, так мой организм инстинктивно пытается стать меньше и незаметнее. Высунуть голову в коридор не рискую, просто слушаю шаги.

— Эй, Щеночек, — с издевательской интонацией рявкает Кейн, — спишь что ли? — Пауза.

Я сжимаюсь в комочек, обхватив руками колени.

— Ну и спи, — разрешает Кейн великодушно. Я с облегчением начинаю снова дышать, но тут луч фонаря скользит по полу в мою сторону. Обреченно пялюсь на это пятно, пока в голове бьется мысль, что нужно срочно придумать объяснение, почему я сижу в нише. Только она и бьется там в одиночестве, ни одного варианта самих объяснений не возникает.

— Бл..., я дверь-то закрыл вообще? — раздается голос Кейна. — Ага.

Пятно замирает и начинает удаляться.

Наощупь вылезая из ниши, бреду к выходу, по своей карте выхожу наружу. Еще раз люблюсь на фонарь и улицу, которая в его теплом свете кажется нереальной. Всего секунду. С опаской захожу в апартаменты Редженса. Учитывая, что я не доложила ему, что выполнила задание, и не сказала, куда собираюсь определить гостя, он может быть недоволен.

К счастью, нахожу обоих — моего шинарда и его друга — в ванной, они чистят зубы и продолжают тихо-мирно разговаривать, словно старые друзья. Им не до меня.

— Я все приготовила в комнате рядом с твоей, — набравшись духа, говорю я от порога. Редженс сплевывает в раковину и вытирается полотенцем.

— Хорошо, иди спать, — он делает движение ко мне, а я, чуть замешкавшись, к нему. Он целует меня в щеку, и я ухожу, снова ощущая какое-то недовольство со стороны гостя. Я не смотрю на выражение его лица, просто чувствую. Странно, вообще-то мы с Редженсом никогда не целовались, но вообще так принято между шинардом и акбратом. Редженс, видимо, перед гостем зачем-то решил продемонстрировать приверженность традиции.

Войдя в свою комнату, сажусь на матрас и, не включая свет, сижу с планшетом в руках. Через какое-то время получаю, наконец, сообщение от Лекса. Оно крайне лаконично — всего лишь знак плюса, самодостаточный информативный плюсики.

Утром просыпаюсь раньше, чем включается верхний свет. Лежу, вслушиваюсь в тишину и перебираю в уме те действия, что мне сейчас предстоят. К пяти утра я уже более чем в полной боевой готовности. К половине шестого я уже стою возле плиты на кухне и, как говорят в другом мире, бью копытом. Хотя я, наконец, посмотрела рабочее расписание Редженса, к которому у меня, как оказалось, есть доступ, и узнала, что сегодня у него вечернее дежурство, а, значит, он может выйти на работу позже, тем не менее завтрак я подаю в обычное время. Иных инструкций у меня нет.

Сегодня я готовлю зерна плодов дерева хи, которое вокруг Муравейника растет во множестве, так что это блюдо можно считать местным. После недолгой варки маленькие коричневые шарики становятся мягкими, почти воздушными, но с хрустящей сердцевинкой. Вкус сладковатый, невыраженный, так что их можно смешивать практически с чем угодно. Я добавляю микс из размороженных лесных ягод, тоже местных. Готово! Вынув стопку керамических мисок из ящика над мойкой, наблюдаю, как на кухню заходят наши мужчины — после спортзала и душа, кажется, что от них идет пар. Они, включая Алана, рассаживаются за столом. Последней в комнату проскальзывает Ристика. Она одета в зеленый чешуйчатый комбинезон, в оформление которого входят крашенные перья. Но самое интересное девушка сделала с волосами. Они тремя островежскими хребтами стоят дыбом на ее голове. Кейн садится мимо стула, услужливо отодвинутого Лексом.

Ристика быстренько присаживается за стол между Лексом и гостем, смущенно потупив глазки. Кейн, поднимаясь с пола и подсовывая под себя стул, не мигая пялится на нее и собирается что-то сказать, так что я подсовываю миску с кашей ему первому. Причем подаю ему не ту пластиковую миску, что купила специально после того, как он кинул в меня предыдущую, а такую же керамическую, как и всем, боясь, что гость может начать задавать вопросы. Не хочу смутить Кейна — я, должно быть, совсем чокнулась! Кейн слышит стук миски о столешницу и переводит внимание на нее. Ну да, до этого я его несколько дней потчевала именно из пластика, так что он заметил изменения.

Кейн молчит, но, как только гость поворачивается к Редженсу, хватает меня за руку и что-то беззвучно фырчит мне. Не понимаю, что ему не нравится. Так же беззвучно выражаю недоумение. Кейн вертит миску, показывая, что он недоволен именно ей. Редженс видит наше затруднение и что-то там говорит своему гостю, отвлекая его внимание, так что я снова смотрю во вредные глаза Кейна. Он что, хочет, чтобы я ему кашу в его пластик перелила? В ту уродливую миску, которую купила специально, чтобы показать свое отношение к его уродскому поступку? А теперь он принципиально из нее есть хочет? “Не защищай меня”, — беззвучно артикулирует Кейн одними губами. Я одними руками показываю, что хочу вылить кашу ему за шиворот, но поскольку боковым зрением замечаю, что гость снова поворачивается в нашу сторону, делаю вид, что глажу Кейна по плечу.

Поев и выпив чаю, к моему удивлению, офицеры тут же собираются уходить на работу, при этом их гость еще только неспешно доедает кашу, никуда не спеша. Ристика тоже встает из-за стола.

— Мне тоже надо идти, нас сегодня просили прийти пораньше, чтобы успеть убрать срач, оставленный после контрольной, — говорит она смущенно, задвигая свой стул.

— А я бы еще чайку добавил, — Лекс уже выхлебал свой, то есть явно собирался

уходить, но теперь видит, что я рискую остаться с гостем наедине, и тянет время.

— Нет, у тебя занятия, — непререкаемо-ласковым тоном напоминает Кейн.

— По литературе, — Лекс непринужденно покачивается на стуле, — никто не ожидает меня там увидеть.

— Интересно, почему? — дружелюбно спрашивает гость.

— Видимо, потому, что этот недоносок... — Кейн затрудняется вспомнить слово, и Редженс заканчивает за него:

— Дислексик. Или лентяй. Доподлинно неизвестно.

— Известно, — фыркает Лекс. — Моя скорость чтения — одиннадцать слов в минуту — это официально подтвержденный факт.

— Вот тем более, — Кейн пинает его по ногам, — беги, начинай читать заранее.

Лекс просто поднимает ноги выше и, держа их навису, протягивает мне свою чашку. Я уже знаю, что сейчас будет, и все знают. Кейн размахивается, чтобы ударить по ножке стула и сшибить Лекса вместе с ним на пол, но Алан отвлекает его от этого:

— Ого, и при этом ты в научной гильдии?! — уважительно восклицает он.

— У него неожиданно высокие оценки, — говорит Редженс.

— У Веты еще выше, а вы ее в худшую группу обслуживающей гильдии отправили, — с обидой в голосе напоминает Лекс.

— Ну, она женщина, — загадочно произносит гость.

Через пару секунд общего молчания, которыми я, задумавшись, не успеваю воспользоваться, чтобы передать Лексу чашку с налитым в нее чаем, Редженс хватается за шиворот и тащит к выходу из кухни — первый метр вместе со стулом, душераздирающе скрежещущим ножками по полу. Выкинув Лекса из кухни, мой шинард делает мне знак подойти.

Я подхожу, он стоит в дверях и смотрит на меня сверху вниз, ожидая чего-то. Догадавшись, поднимаюсь на цыпочки и тянусь, чтобы чмокнуть его в щеку на прощание. Это такая традиция, я знаю, но до сих пор он на ее соблюдении опять-таки не настаивал. Редженс несколько не наклоняется, чтобы упростить мне задачу, но поднимает правую руку, чуть приобнимая. И кладет мне что-то в карман.

Затем Редженс уходит вслед за остальными. Я иду к столу, где наш гость все еще вяло ковыряется в своей миске, собираю посуду и, оттащив ее в мойку, украдкой проверяю, что именно теперь лежит у меня в кармане.

Пока что гость доедает кашу, так что начинаю мыть всю остальную посуду. Когда ставлю в сушку последнюю чашку и выключаю воду, на кухне воцаряется тишина. Все это как-то неловко, так что надеюсь, что гость, доев, просто молча вышел из кухни. Поворачиваюсь, но тот все еще сидит, откинувшись на стуле, и сразу же отворачивается от меня. Не знаю, то ли наблюдал все это время, то ли это был случайный взгляд. А я вот думаю — может, невежливо было убирать со стола, пока он еще ел? Наверное, невежливо.

— Могу предложить еще чая, — говорю я, надеюсь загладить вину.

— Не надо, — сухо отвечает Алан и отодвигает свои чашку и миску с ложкой в мою сторону, то есть хочет, чтобы я их убрала. Хорошо. Подхожу, чтобы забрать их. — А ты знаешь свое место, да? — Он так нехорошо это произносит, буравя взглядом стол перед собой, что у меня внутри все сжимается. Забираю кружку быстро, но не резко, следя, чтобы он не вцепился зубами мне в руку. — Большинство современных женщин совсем не такие как ты, — продолжает гость. — Большинство из вас стремится поработить мужчин,

приспособить под свои желания, низвести до уровня половой тряпки. Редженс рассказывал тебе о своей матери?

— Нет! — пишу я, потихонечку удаляясь от гостя, по чуть-чуть передвигаясь вокруг стола, благо он круглый.

— Ну, конечно, он о ней не говорит! — интонация такая, словно Алан ставит мне это в упрек. — Вот Рейна — истинная самка человека! Все и всех гребет под себя, отъевшаяся паучиха, мерзкая гиена, — так и не определившись с видовой принадлежностью матери Редженса, гость стучит ладонью по столу. Его лицо выражает крайнюю степень презрения. При этом своим злобным взглядом он вцепился в меня. Не знаю, как я сама выгляжу в этот момент, но уверена, что мой вид достаточно испуган и не разочаровывает гостя. — Когда мы жили у нее, ее апартаменты были на сорок четвертом, потом на шестьдесят восьмом, затем на семьдесят третьем. Сейчас на девяностом. Но шинардом она назначила себя с самого выпуска из школы, отец Редженса был ее первым акбратом. Умный и волевой мужчина, человек с неограниченными перспективами, но даже он поначалу позволил подмять себя под каблук. Это о многом говорит, не правда ли? Вы, чертовы бабы, даже не умея ни особого ума, ни таланта, умеете же как-то крутить нами, заставляя плясать вокруг себя на цырлах. И ладно бы довольствовались нашими ресурсами, выпивали из нас все соки, но оставаясь в тени, так нет, вы еще и на высокие должности просачиваетесь, чтобы решения за всех принимать! — Пока он произносит свой ненавистнический монолог, его красивое лицо выглядит по-настоящему демонически, словно огнем озаряется изнутри, но свет едва проходит сквозь густой едкий чад.

Мне хотелось бы узнать больше о родителях Редженса, и желательно факты, но вопросы задавать сейчас было бы глупо. С кружкой гостя в руках я продолжаю стоять и просто жду, не рискуя ни словом, ни вздохом сбить его с мысли.

— Рейна — худшая особь из всех! Как какая-то королева она окружала себя желаемыми мужчинами. Сначала привлекала в свои сети, а затем постоянным унижением, сдобренным малой толикой похвалы, лепила себе из акбратов покорных слуг, готовых на все ради одного ее снисходительного взгляда. А уж как она отрывалась на их детях! У нее была тысяча правил, регламентирующих буквально все! И стоило нарушить их хотя бы частично, за этим следовало суровое наказание. Показать тебе, что она делала с нами? — Алан привстает со стула.

— Нет, спасибо, — твердо говорю я. Не знаю, как это звучит на самом деле.

— Даже, когда по ее вине погиб Митис, она ничего не поменяла в устоях своего дома, — продолжает гость. — Знаешь, если бы не Редженс, я бы и сам не пережил эти чертовы годы с ней. Он опекал меня все это время, хотя он на два года моложе. Она и родным сыновьям не давала послаблений, только к девочкам относилась нормально. В общем, теперь ты понимаешь, что Редженс заслуживает найти кого-то, кто был бы прямой противоположностью его матери?

Я робко киваю.

— Ему удалось найти такую женщину? — с угрозой в голосе спрашивает Алан. — Или ты просто хитрая маленькая дрянь, надеющаяся привязать его к себе, прежде чем показать свое насквозь прогнившее мерзкое нутро?

Мое нутро нервно сводит, что, наверное, хороший признак в контексте вопроса прогнило оно или нет, однако у меня не возникает никаких идей по поводу того, что можно ответить гостю. И стоит ли вообще разевать рот?

— Ты уже видела Пию? — без какого-либо перехода меняет тему Алан.

— Нет, — отвечаю односложно, на большее меня не хватает.

— Она преследует Редженса. Ее нельзя подпускать к нему, поняла? Она сумасшедшая.

Приклеилась ко мне, узнав, что мы выросли в одном когарте. Поначалу я ничего не понял, когда встретил ее в клубе. Редж в тот день тоже был там, но я не придавал этому значения. Она будет пытаться сблизиться с ним любыми способами, подобраться к нему через близких. Будет нести всякую чушь — не верь ни единому слову! И ни в коем случае не пускай ее сюда! Ясно тебе?!

— Редженс запрещает впускать сюда кого бы там ни было, — жестко говорю я. Теперь-то уж точно жестко. Тут Редженс хозяин, и он в своем праве здесь приказывать. А вот Алан пусть свои ценные указания засунет себе... В общем, я немножко злюсь, поэтому сбегаю к мойке и сразу же ставлю кружку под струю воды. Холодная вода остужает и мой внезапный пыл. Оборачиваюсь, гость уже уходит, вижу его спину в дверях. Надеюсь, он сейчас покинет и апартаменты, и я его больше уже никогда не встречу.

Алан, наконец, уходит. Я достаю из кармана небольшое устройство, которое туда положил Редженс. Я так думаю, что это микрофон. Мой шинард, похоже, тоже хотел послушать, что скажет мне его друг.

К Лексу в контору иду уже после своих занятий. Войдя в приемную, сразу бросаюсь проверять коробки с отсортированными бумажками, которые с прошлого раза оставила в углу и под стульями. Уж больно много сил я на них положила, поэтому теперь и волнуюсь об их благополучии.

— Не волнуйся, все на месте, — говорит Лекс, сидящий на ступеньках лестницы в рабочем комбинезоне цвета хаки с бордовыми вставками. На груди слева у него пластиковая шильда, на которой черным фломастером написано “Дуртай”. — Маргарета с утра пронеслась мимо меня, даже головы не повернув, и с тех пор сидит безвылазно в своем кабинете. Когда появилась первая заявка, она позвала меня таким тоном, словно не была уверена здесь ли я вообще. По-моему, она это... — он вертит рукой, — не с нами.

Я приподнимаю одну из коробок и ставлю обратно. Не хочу. Не хочу ими заниматься до слез просто.

— Стражи в компании искателей прочесали технические тоннели, — говорит Лекс без малейшей опаски, настолько уверен, что Маргарета нас не подслушает, — и нашли еще несколько мелких тварей подземелий и незакрытый экран, через который они туда ночью забрались. Теперь устанавливают, кому за это нужно открутить голову. Покоцанная блузка с кровью пока стоит в очереди на экспертизу. Все вроде.

— А про Енеку что-нибудь Редженс сказал? — напоминаю я, с беспокойством глядя на хлипкую дверь кабинета наверху. Мы говорим довольно тихо, но вдруг оттуда все-таки все слышно.

— А Енека, оказывается, такой же, как и мы, — отвечает Лекс, меняя положение и вытягивая длинные ноги вперед. Локти кладет на ступени позади, и теперь чуть ли не лежит на лестнице, на вид, устроившись вполне вольготно. — Его тоже искатели маленьким в подземельях где-то прихватили, и пять лет он провел в приюте, пока его не усыновила какая-то женщина из научной гильдии. Так что есть ли у него родные братья-сестры не известно точно, чисто гипотетически могут быть. Ну, учитывая, что у Енеки с Маргаретой определенно есть схожие элементы внешности, она нам не соврала на счет родства. То есть и еще один братик-людоежорик существовать может. Или сестричка. Или дед-людоед. Не обязательно же Енеке иметь именно сумасшедшего сиблинга, это может быть и друг или любовник.

Конечно, мы оба вспоминаем о Мэй. Искатели нашли нас в темноте на глубоких подземных уровнях Муравейника в один день: Лекса, Кейт, Мэй и меня. Тогда мы были совсем детьми, и я очень плохо помню первое время в этом мире. Знаю, что четверых нас отправили в приют, но Мэй пробыла там с нами совсем недолго. Ее быстро перевели в специальное отделение психиатрической больницы, где нам было позволено ее навещать. Что мы и делаем до сих пор, сохранив сильную связь между нами. Однако почему? Я даже не знаю, почему мы оказались так привязаны друг к другу в самом начале, словно родные, хотя даже не могли общаться толком, пока не выучили местный язык, ставший для нас общим. Только с Лексом мы всегда были на одной волне. Кейт и Мэй попали сюда, уверена, из какого-то другого мира.

Возвращаясь к Енеке, у него тоже могут быть свои друзья по появлению в этом мире. И один из них тоже может быть психически не здоров, так как само перемещение между

мирами оказывает на людей сильное травмирующее влияние. Могло ли оно, скажем, проявиться намного позже, через много лет? И мог ли в таком случае Енека постараться спрятать своего друга от посторонних глаз, чтобы его не изолировали или не убили? И, если так, то где он прячет его сейчас, раз в технических тоннелях больше не безопасно? В своих собственных апартаментах? И поэтому не приходит на работу?

— Редженс сказал, что проверит всех, кого выудили искатели из подземелий примерно в то же время, что и Енеку, — говорит Лекс, — но на это уйдет время, поскольку у его группы недоделанных детективов полно других дел.

— И поэтому он Кейт сдал в аренду Кейну? — хмыкаю я.

— Черт, забыл вернуть этот факт в нашу вежливую беседу, — сокрушается Лекс.

— А, может, они Мина послали в приют прояснить этот вопрос, поэтому мы его и встретили на нижних уровнях так не вовремя? — предполагаю я.

— Да ну, никто не питает иллюзий по поводу Мина, даже Кейн. Думаю, Мин — это персональное наказание Кейна за все его косяки на службе.

— Кстати, я вспомнила, что так же неожиданно встретила Мина, когда выходила из конторы защитников с заданием для Кейт. А это место тоже не входит в территорию ответственности группы Кейна.

— Так, — Лекс со вздохом, снова переходит в сидячее положение, — у меня сейчас возникло ощущение, что в заплесневелой голове Мина самозародился какой-то собственный зловещий план.

— Ну, не обязательно свой.

— Но определенно зловещий, — Лекс крайне задумчиво чешет коленку, отодвинув плотную прорезиненную ткань, пришитую к середине штанины. — То-то он мне ничего не сказал, когда я его освободил из лифта. Только посмотрел так... со значением. Видимо, это было молчаливое заключение соглашения о неразглашении. Хорошо, что я тогда тоже промолчал, хоть и не врубился.

Мы слышим, как наверху со скрипом открывается дверь. Я юркаю в угол, чтоб меня было не видно, но Маргарета, похоже и не собирается выходить.

— Лекс, ты здесь? Зайди, пожалуйста! — кричит она прямо из своего кабинета.

— Иду, — кричит Лекс в ответ. Он поднимается со ступенек и взбегает по ним наверх к распахнутой двери, ненадолго исчезает за ней. Подкравшись к лестнице, я едва могу слышать голоса, что хорошо, значит, могу быть уверена, что Маргарета нас тоже не слышала.

Возвращаясь, Лекс затворяет за собой дверь в кабинет и сбегает вниз ко мне.

— Надо пойти и кое-что сломать по этому адресу, — он демонстрирует мне вырванный из блокнота листок. На нем ровным крупным почерком написан адрес и к кому обратиться, а еще сказано “подтекает сливной бачок, груша”.

С удивлением смотрю на листок. Я представляю себе, у чего может быть сливной бачок, но где там могут расти груши?

— На самом деле мне нужно починить бачок унитаза, но... вот, — Лекс протягивает мне книжку в рваной бумажной обложке. Я брезгливо беру ее кончиками пальцев, потому что у меня есть сомнения по поводу происхождения многочисленных пятен на ней. — Пошли вместе, все равно я тебя здесь одну не могу оставить.

— Возьми инструменты, что ли, какие-нибудь, — предлагаю я и усилием воли заставляю себя раскрыть книгу, середина которой тут же высыпается на пол.

Собрав все, что нам теоретически может понадобиться, мы выходим, на подъемнике попадаем на пятьдесят четвертый уровень, потом проезжаем одну остановку на автобусе и идем на адрес, по которому расположено кафе. Зайдя внутрь, попадаем в большой зал со столиками на обоих ярусах. Поскольку сейчас как раз началось обеденное время, зал заполняется на глазах и вокруг стоит особый шум прямо как в столовой учебки, только здесь еще фоном негромко играет музыка. Мимо нас пробегает девушка в длинном фартуке с большим подносом, уставленном тарелками, от которых идет пар.

— Что-то у меня аппетит пробудился, — Лекс провожает ее взглядом.

— Ничего сунешь руки в бачок и полегчает, — предполагаю я, и друг тут же хмурит брови.

— Эй, — к нам подходит другая женщина с подносом, только там гора полупустой посуды с объедками. — Ты что новый помощник сантехника? — спрашивает она Лекса, также нахмурившись, и бросает удивленный непонимающий взгляд на меня, стоящую рядом с ним с книгой про туалетных обитателей. — А где предыдущий? Он же должен был еще на год остаться, нет?

— Ага, должен был, — соглашается Лекс. — Только его в унитаз смыло. Так что мы теперь по двое ходим, — он указывает на меня. — Для подстраховки.

— Да? — женщина хлопает ресницами. Вряд ли она шутку не поняла, скорее все еще думает про пропавшего подмастерья. — Давайте, провожу. — Поставив поднос на столик с колесиками, она показывает, где общий туалет и тыкает в открытую кабинку, откуда раздается журчание воды. — Ну, удачи! — Желает она нам, прежде чем торопливо удалиться.

Еще в автобусе мы выяснили, где у бачка груша и прояснили некоторые другие особенности устройства сантехнического оборудования, так что Лекс сразу уверенно идет в кабинку, деловито ставит рядом ящик с инструментами и, сняв крышку с бачка, начинает выяснять, что там внутри не так. Мне в кабинке места нет, так что с книжкой я стою посреди туалета и зачитываю ему то, что может оказаться полезным, то есть практически все подряд. Монотонно зачитываю, потому что не понимаю ни черта. Акустика в туалете оказывается прекрасной, и мой голос постепенно приобретает торжественное звучание. Текст изобилует непонятными словами и мне скоро начинает казаться, что таким образом я случайно могу вызвать к жизни что-то демоническое. Из кабинки стараниями Лекса действительно раздается потусторонний скрежет и усилившееся тревожное журчание. В разгар всего этого в туалет и заходит худосочный парень в жилетке и обтягивающих его тоненькие ножки штанах. Не ожидав, по всей видимости, увидеть женщину с книгой в мужской уборной, он приседает и на полусогнутых пятится назад. Заткнувшись, я смотрю в его округлившиеся глаза, пытаюсь понять, как это все выглядит с его точки зрения. Скрежет, мое чтение, ледяное дуновение от бегущей воды. Парень нащупывает спиной закрывшуюся дверь и, дрожа кадыком на тонкой шейке, шарит рукой в поисках дверной ручки. Должно быть, он вправду решил, что я занимаюсь тут чем-то мистически непотребным. В довершении большая старая книга в моих руках предательски рассыпается вновь и листы с дьявольскими схемами планируют к ногам нашего несчастного свидетеля. По ушам бьет особо душераздирающий лязг возвратившейся на место крышки унитаза и, наконец, воцаряется тишина.

— Извините, — всхлипывает парнишка и выпадает сквозь приоткрывшуюся дверь в коридор.

— Все! — восклицает Лекс с гордостью. — Вода больше не бежит. И возможно больше никогда и не будет.

После возвращения в контору я где-то с час перебираю бумажки, а потом сверху снова раздаётся зов Маргареты. Все повторяется, как и в прошлый раз. Лекс спускается вниз, помахивая новым листочком.

— Еще один текущий бачок, — говорит он.

— Может, тогда я здесь останусь? — мне очень не хочется снова отвлекаться от работы. Вокруг меня разложены кучи стопочек, часть из которых я мысленно связала с файлами в планшете, по поводу других у меня появились некоторые предположения. Мысли только-только причесались и сгруппировались. Терять концентрацию сейчас мне физически больно.

— А если это сама Маргарета связана со всеми исчезновениями? — Лекс неуверенно мнет бумажку в руках. — И я тебя тут с ней оставляю?

— Она даже не знает, что я здесь, — настаиваю я. — К тому же она там чем-то очень занята.

— Да, сидит и печатает что-то активно, как помешанная.

— Ну вот.

— Вот! — хмыкает Лекс. — Ты сама тут не очень увлекайся, и если какой-либо посторонний звук услышишь — сразу беги! А я тут, — он роется в одном из ящиков стола и что-то достает оттуда, — гайку ей под дверь положу. Если она по своему обыкновению резко откроет ее, то отфутболит гайку, и ты сразу все поймешь.

Я, конечно же, соглашаюсь на это, но, увлеченная ситуацией в моей собственной голове, всего через несколько секунд забываю обо всем вокруг. Оставшись одна, уже совсем скоро бросаю листки с выписанными датами на последние кучки бумажек и удивленно обзираю дело рук своих. Неужели все?! Теперь я точно могу сказать, что... что я могу сказать? Скрестив ноги, сажусь обратно на пол посреди разложенных концентрическими кругами коробок и кучек. Поднимаю с пола планшет и еще раз сверяюсь со списками. Итак, дню, в который исчез первый подмастерье чуть более года назад, соответствует либо вот та кучка, либо часть вот этой, но еще более вероятно, что записей за эту дату здесь нет. Второй подмастерье пропал всего несколько дней назад, и, могу поручиться, что этому роковому дню соответствует вот эта ровная стопочка обрывков тетрадных листов. Очень подозрительная стопка. Я беру ее в руки почти уверенная, что в ней-то и кроется ответ. Сосредоточенно смотрю на верхнюю запись, и понимаю, что что-то здесь не то. Но что?

Так, напряжение растет. Растет вплоть до того момента, как я перевожу взгляд на кучку справа, в которой, предположительно, прячется последний день первого пропавшего подмастерья. Рядом с ней стоит чья-то нога, затянутая в черные колготы. Обуви на ней нет, что, по-видимому, и помогло ноге подобраться ко мне незамеченной. Продолжая изучать ее, отмечаю, что она довольно крупная, с выраженными мышцами на икрах, наверное, хорошо бегают.

— Привет, — говорит хозяйка ноги, и я нехотя поднимаю взгляд к ее лицу. Маргарета так же ярко накрашена, как и в первый раз, как я ее увидела. Наклеенные ресницы как опахала. Фигура затянута в изумрудного цвета костюм с длинными рукавами, но короткими штанинами и большими деревянными пуговицами на животе. — На кого работаешь? — спрашивает она с хищной улыбкой, открывающей ряды крупных зубов в обрамлении накрашенных лиловым блеском губ. Почему-то эти блестящие губы пугают больше всего. —

На стражу?

Я неловко отвожу руку с бумажками поближе к карману. Что бы там Маргарета сейчас не попыталась предпринять — убить меня или просто выгнать — я отчаянно хочу сохранить плод моего труда при себе.

— Нет, — пишу я испуганно. — Я просто хочу помочь своему другу!

— Этому мальчику? Лексу? — Маргарета удивленно морщит лоб, так что становится видно, как много на ней косметики. — Вы настолько волнуетесь из-за этих исчезновений, что готовы перерыть всю эту кучу макулатуры? Даже стражи на это плюнули, как только увидели.

— Но они-то не рискуют исчезнуть, — напоминаю я тихонечко.

— Уверена, это все объясняется как-то очень просто и никто больше никуда не исчезнет, — качает головой Маргарета. — Но, ладно, пойдем поговорим! — она радушно машет рукой с гротескно длинными ногтями и, повернувшись ко мне спиной, осторожно пробирается между моими стопочками обратно к лестнице.

Подскочив с пола, быстро запикиваю бумажки к себе в карман, так мне будет спокойнее. Не без колебаний, но поднимаюсь вслед за Маргаретой на второй ярус. В конце концов Лекс должен вернуться очень скоро.

Маргарета, не дожидаясь меня, уже забежала в свой кабинет, залитый малиновым светом — включена только лампа на столе, а на нее наброшен малиновый платок — как-то пожароопасно смотрится. Проходя внутрь, ищу взглядом гайку, но та лежит прямо рядом с дверью, очевидно, в этот раз ту открыли осторожно. Настороженно оглядываю комнату, но ничего подозрительного не вижу.

Комната вытянута как пенал, письменный стол стоит посередине, разделяя ее на две части. По обеим длинным стенам стоят открытые шкафчики с бумагами, книгами, разложенными кое-как, но все же порядка намного больше, чем в том помещении, что за железной дверью. Спрятаться здесь буквально негде, так что нападения можно точно не опасаться.

Маргарета достает из мини-холодильника бутылку игристого вина и два бокала с полки, ставит это все на стол, отодвинув подальше беспроводную клавиатуру. Еще на столе стоит большой монитор, повернутый к удобному креслу на колесиках, на который и приземляется Маргарета, плюс стационарный телефон, а также лежат несколько блокнотов и ручек.

— Садись, — приглашает Маргарета и кивает на кресло напротив.

Сев, я оказываюсь спиной к выходу. Немного отодвигаю кресло от стола и чуть поворачиваю, чтобы обеспечить себе свободу маневра.

— Не бойся, я ж тебя не съем, — улыбается Маргарета. Откуда-то из-под стола она достает вазочку с конфетами и начинает заниматься бутылкой. — Хочу предложить тебе бартер, — говорит она, возясь с пробкой. Та с хлопком выскакивает из горлышка, и вино тут же разливается по бокалам. — Обменяю информацию на информацию. Ты можешь задать мне любые вопросы о подмастерьях, как у нас тут все устроено — что хочешь! Все, что считаешь нужным, спрашивай, помогу, чем смогу. А в обмен я поинтересуюсь твоей личной жизнью, идет?

Ее предложение тут же выбивает меня из колеи. У меня же нет личной жизни! Да и зачем ей она?! С другой стороны, она может мне что-то важное о деле рассказать, то, что мы еще не знаем, ведь официально в конторе работает не Маргарета, а Енека, а, значит, со стражами она вряд ли общалась.

— Дело в том... — Маргарета поднимает свой бокал, — давай выпьем для начала. Тебя как зовут-то?

— Вета, — коротко отвечаю, поднимая свой бокал дрожащей рукой. Раз у меня нет личной жизни, нужно ее быстренько выдумать, что ли. В голове вспугнутыми зайцами носятся воспоминания. С кем-то же я даже целовалась чуть-чуть, правда это все так... Понять бы еще что Маргарета хотела бы услышать.

— Дело в том, — снова начинает Маргарета. Сделав несколько глотков вина, она разворачивает конфету. — Я пишу любовные романы. Не состою в гильдии, но книги мои все равно печатают. Уже вышло больше двадцати. Вот держи, — засунув конфету в рот, она берет с полки одну из книг, — это пятая. Называется “Сладкие сны”. По-моему, наиболее удачная.

С любопытством беру в руки толстый томик в яркой малиновой обложке. На ней изображена полураздетая пара, тянущаяся друг к другу с томным сладострастным видом. В целом книга похожа на большой леденец, даже пахнет чем-то сладким, что напоминает мне о чудовище, встреченном нами в комнате рядом. Запах от него был другой, но тоже приторный.

— А вот последнее мое произведение завернули, — Маргарета расстроено отпивает еще вина, а потом одним махом приканчивает весь бокал. — Ты пей, хорошее же вино.

Действительно, хорошо идет.

- “Карамельные грезы”. — Маргарета снова разливает вино. — Я, было, расстроилась, даже очень. Но потом взяла себя в руки и объективно перечитала первый десяток страниц. И поняла, что уже начала повторяться. И вот я сижу и пытаюсь придумать нечто принципиально новое, — она машет ногтями в сторону монитора, — но, знаешь, принципиально не получается. Вот поэтому мне и нужно, чтобы ты мне что-нибудь о себе рассказала. Необязательно, чтобы это была полностью правда, главное, чтобы такого еще не встречалось в моих двадцати напечатанных опусах.

Я уже чувствую, что она немного под хмельком. По идее, это хорошо. Главное, самой притормозить, а то у меня уже тоже второй бокал пошел.

— Расскажи мне о своем первом поцелуе, — просит Маргарета.

О! Первым меня поцеловал Мин, после чего его на меня стошнило. Да, это определенно стоит увековечить в литературе! Однако Маргарете почему-то мой рассказ доставляет удовольствие, она даже достаивает его третьим бокалом. Потом я рассказываю о том, как нас забрали с нулевого уровня, только меняю имена, и наши шинарды из офицеров стражи превращаются в офицеров искателей. Шифруюсь, так сказать, а то вдруг Кейну с Редженсом или скорее кому-то из их знакомых будущее произведение Маргареты на глаза попадет.

— Искатели у меня уже много раз были, пусть будут стражи, — пьяненько бормочет Маргарета, записывая что-то в блокноте.

Ну, облом. Так... я что-то хотела спросить.

— По-моему, я не нашла записей за тот день, когда исчез первый подмастерье, — начинаю я. — И второй подмастерье, записи выглядят как-то не так, — я стараюсь не икать, хотя пузырьки в моем пищеводе резко хотят гулять. — Словно их переписали нарочно.

— Да, когда Адерин пропал, у Енеки был перерыв, так что заявки на ремонт записывала я, — объясняет Маргарета, снова подливая в бокалы. Тянусь за конфеткой и слушаю ее. — Так что, в общем, когда я... когда стражи пришли... до этого, когда стало понятно, что они придут выяснять, куда делся Адерин, я заставила Енеку переписать все своим почерком.

Потому что наше начальство знает, что я подменяю брата, знает его ситуацию и прикрывает нас, но вообще так не положено делать. Так что, если стражи узнают, что Енека тогда не было на месте, худо будет не только нам с ним. А Енека очень не организованный в этом плане, ну, ты видела же. Вот инструменты, расходники — там полный порядок. Понятный только брату, но все равно порядок. А в записях своих он сам не разбирается. Многолетние хаотичные напластования. Так мои записи Енека тоже умудрился куда-то засунуть и сам не переписал. А вот Дуртай когда исчез, я уже у Енеки просто над душой стояла, чтобы он все сделал как надо. Даже тетрадку ему сама покромсала, чтобы эти записи не выделялись среди других и были такими же неряшливыми, а тебе все равно что-то показалось, да?

— То есть при обоих исчезновениях подмастерий у Енеки был так называемый перерыв? — уточняю я. Маргарета сосредоточенно кивает. — Но ведь Дуртай исчез совсем недавно. И сейчас у Енеки опять перерыв?

— Перенервничал, наверное, — предполагает Маргарета. — Те пей, пей, отличное же вино.

Я делаю еще пару глотков, хотя малиновая лампа перед моими глазами двигается каким-то очень странным образом. Боюсь, ... я наклюкалась.

И тут звонит телефон на столе. Маргарета оживляется и хватается за другой блокнот, не тот, куда она записывает свои светлые мысли.

— Служба слежения за сантехническим оборудованием. Агент Вантуз у аппарата! — достаточно бодро отвечает она в трубку. — Почему пьяная? — удивленно переспрашивает она через секунду. — Нет, что вы! Дело в том, что у нас как раз сейчас проводится выборочная профилактика систем связи, поэтому некоторые функции могут работать некорректно. Так что у вас? Ах, ну надо же, прямо эпидемия какая-то! — восклицает Маргарета и делает записи в блокноте. — Я ставлю вашу заявочку в очередь, а пока держите его в тепле и не позволяйте общаться с другими унитазами! Пока-пока!

Положив трубку, женщина удивленно смотрит на меня. Не знаю, почему удивленно, может быть удивилась собственным словам, то есть тому, как только что разговаривала с клиентом.

— А расскажи мне, когда у тебя был первый секс? — спрашивает она внезапно.

Я смело игнорирую ее вопрос, поскольку я действительно уже выпила слишком много и, похоже, нервная и угодливая мышь во мне благополучно утонула или сбежала как крыса с тонущего корабля, если б тот тонул в игристом. Вместо этого, рассказываю Маргарете, как Кейн отреагировал, когда я самовольно отрезала себе волосы. Это удовлетворяет писательницу в полной мере. Хотя если она сможет интересно подать этот неинтересный в общем-то эпизод, я восхитюсь ее талантом в полной мере. Авансом салютую ей бокалом.

— Несколько дней назад мы здесь, за железной дверью, видели какое-то существо, — начинаю я, раз наступила моя очередь задавать вопросы.

— Как вы туда попали? Она же стоит запертой, пока Енека отсутствует? — недоумевает Маргарета, одновременно заботясь о том, чтобы последние капли вина добрались до наших бокалов.

Вот бездна! Забыла, что мы туда вломились...

— А почему вы ее запираете? Там же все эти записи, инструменты лежат, трубы всякие, — иду в наступление, заедая свою внезапную наглость конфетой.

— А там выход в техническую шахту, — Маргарета сладко почесывается и тянет руку тоже за конфетой. — Енека там шкафчики поставил, чтобы удобно было лазить в шахту. Не

экраны эти отворачивать дурацкие, а чтобы дверь нормальная была. Только эти шахты, они чуть ли не через весь Муравейник идут. — Обстоятельно отвечает она на мой вопрос. — Кое-где, правда, замурованы проходы, но все равно отсюда довольно далеко пройти можно. Соответственно, входов в эту шахту великое множество, в том числе со внешних частей платформ, и частенько кто-нибудь забывает их закрыть, и они остаются открытыми или плохо закрытыми на ночь. Поэтому время от времени там заводится живность. А живность эта жрет шубы с труб. Ну и к нам сюда пролезть может, так что я бы не удивилась.

Поворачиваясь вместе с креслом туда-сюда, представляю себе завернутые в меха трубы. Почему я такого никогда не видела? Наверное, потому что это бред.

— Что за шубы? — спрашиваю я с невероятным трудом. Наверное, мне хватит пить.

— Ну, такая теплоизоляция, чтобы вода в трубах не остывала, — улыбается Маргарета. — Есть первичные, а есть вторичные системы этих труб — я в этом совершенно не разбираюсь. Но вот Енека должен следить за вторичной системой на своем участке, и если проборы начнут показывать что-то странное, то нужно ему идти и искать, где сожрали шубу. Хотя она может оказаться и по каким-то другим причинам повреждена,

— Так, поняла, — я стучу пальцами по своему пустому бокалу. — А подмастерий ты посылала на такие работы, когда Енека отсутствовал?

— По-моему, да. Только предвосхищая твой вопрос, — Маргарета тыкает в меня своим когтистым пальцем, — они оттуда возвращались живые и невредимые. На самом деле предполагается, что искатели периодически проверяют шахты, так что находиться там техникам должно быть безопасно. Конечно, все бывает, но я тебе точно говорю, пропали оба мальчика то ли в конце рабочего дня, возвращаясь с последнего задания, то ли вообще уже идя домой или куда молодежь сейчас ходит развлекаться. О!

Пытаясь сообразить, кто такой О, я разворачиваюсь на кресле и вижу заглядывающего в комнату Лекса.

— Интересно как, — друг проходит к нам и останавливается возле стола. — Я на пять минут вышел, а вы уже закадычные подружки? И две бутылки усосали? — по-доброму интересуется он.

— Как это две? Одну же вроде, — я пытаюсь сконцентрироваться на так и стоящей возле монитора пустой бутылке. Она двоится в моих глазах как и все прочие предметы. Или нет? Подняв левую и правую руки, я тяну их к бутылке, обхватываю ее ладонями с двух сторон. Развожу руки в стороны и опа — либо ткань реальности порвалась, либо мы реально нажрались.

Лекс аккуратно забирает у меня обе бутылки. Надо же, я совершенно не помню, когда вторая из них появилась на сцене. По ходу действия все время была одна бутылка. Чудо какое-то.

— Я пишу книгу! — глубокомысленно произносит Маргарета. Это все объясняет. Женщина хватает блокнот и вырывает из него верхнюю страницу со своими записями, протягивает ее Лексу.

— Я обязательно прочитаю эту книгу, — обещает друг, с почтением принимая бумажку. — Но в нерабочее время, хорошо? А пока, раз топливо для ваших посиделок закончилось, я заберу Вету вниз, — он начинает катить меня к выходу. Я поспешно вцепляюсь в подлокотники кресла, опасаясь выпасть из него на разъезжающийся под ногами пол.

— Нет, это... да, — изрекает Маргарета. Она смотрит на свой блокнот, потом на

другой, и понимает, что перепутала их. — Я тебе дала не тот листочек. У нас еще одна заявка на починку унитаза.

— Если ты хочешь написать еще одну книгу про унитазы, то я всеми руками за, — Лекс перестает меня катить и возвращается к столу для обмена листочками. — Та книга, что ты мне дала, устарела и частично улетела в кабинку туалета, где засел сердитый тип с геморроем. Я не рискнул лезть к нему со своими проблемами, так что нам определенно требуется новое руководство по унитазам.

— Нет, моя книга будет про любовь, — с кокетливой улыбкой провозглашает Маргарета.

— Ну, про любовь, так про любовь, — соглашается Лекс, выкатывая меня из ее кабинета. По дороге отбивает так и лежащую возле двери гайку ногой.

— Зато я все выяснила, — бормочу я и машу Маргарете — этой милой женщине — рукой. Она машет мне в ответ, а потом вздыхает и кладет голову на стол. Я вижу, как ее длинные босые ноги в черных колготах под столом принимают неофициальное расслабленное положение, перестав быть опорой для ее тела. Докатив меня до лестницы, Лекс подхватывает меня на руки, и в этот же момент кресло под Маргаретой отъезжает в сторону, роняя ее на пол.

— Я в порядке! — кричит она оттуда.

Лексу приходится вернуть меня в кресло, и пока я выполняю очень сложную задачу по удерживанию себя от скатывания вниз по лестнице (мне очень хочется, но Лекс жестко запретил), мой друг где-то укладывает Маргарету. Потом он снова подхватывает меня и уносит домой. Пока он идет туда, так плавно и равномерно, мои глаза закрываются, и я сладко засыпаю.

— Что с ней? — слышу я жесткий мужественный голос Редженса, прорывающийся сквозь сладкую дремоту. Он представляется мне с голым торсом и с длинными развивающимися волосами, как на обложке наиболее удавшейся книги Маргареты, которую та мне дала. Где она кстати? Книжка?

— Боец пал в битве за твое очередное повышение, — слышу голос Лекса, но так и не могу разлепить глаза. Возможно, я все еще сплю. Меня покачивает в теплой лодочке.

— Я все выяснила, — удаётся промямлить мне.

— А вспомнить сможешь? — голос Редженса проявляет немотивированный скепсис.

— Посмотрим, — я утыкаюсь носом в его плечо. В плечо Редженса, я чувствую его запах.

Запах моего шинарда — последнее, что я помню до того, как провалилась в глубокий сладкий сон. А вот после него я просыпаюсь резко и с отвращением. Меня ужасно тошнит, а голова раскалывается на части. Кажется, что абсолютно каждая клеточка моего тела отравлена и посылает сигнал бедствия в мозг, который, не зная, что делать, отчаянно паникует.

Я лежу на животе в своем спальном модуле. В лицо, повернутое к двери, свет не бьет, но верхнее освещение все еще включено, я вижу. Прямые лучи заслоняет от меня пластиковый тазик. Я резко сажусь на матрасе, от чего меня едва не выворачивает наизнанку, благо тазик рядом. Коленка нащупывает кирпичик приторно малиновой книги рядом со мной.

Вчера я выяснила что-то важное, но не помню что.

Посмотрев время на планшете, узнаю, что сейчас только пять часов вечера. Прежде всего, иду в душ, и прохладная вода приводит меня в относительный порядок. Таблетка обезболивающего приводит меня в полный порядок.

Но я по-прежнему не помню, что я выяснила. Хотя, конечно, вчера по пьяной лавочке мне могло только показаться, что я выяснила что-то важное, а на самом деле, это могла быть и какая-то ерунда.

Ладно, теперь можно и почитать. Беру книгу Маргареты, открываю на первой странице, нюхаю ароматизированную закладку и проваливаюсь в повествование. Сюжет может и незатейлив, но затягивает. Юная, милая и невинная девушка Мавар оканчивает школу и поступает в обслуживающую гильдию. Мавар трудолюбива и безотказна, поэтому ею затыкают все дыры и поручают все поручения, и в ходе одного из них на нее кладет глаз член Совета Союза гильдий от производственной гильдии Куват — как редкое исключение молодой и красивый. Я имею в виду, что обычно членам Совета все-таки за шестьдесят. Сначала он проявляет себя довольно мерзко по отношению к ней, затем же раскрывается как страдающий глубоко внутри, добрый и честный человек.

Ну не мило ли?

Откладывая книгу, случайно еще раз взглянув на время. Интересно, сколько девушек увидели в Мавар себя? Я вот чуть-чуть увидела, правда все же не питаю иллюзий по поводу того, что на меня может положить глаз хоть кто-то, тем более статусный красавчик. Ну да, Морис вот положил, но у него были свои резоны. Тем не менее, книга воодушевляет меня, и на этом душевном подъеме иду покупать нашим что-нибудь вкусенькое на поздний ужин. Покупаю что-то приятно пахнущее с сыром и несколько видов чая. Дома смешиваю их, и получается неожиданно здорово. Разогреваю блюдо, завариваю ароматный напиток, на сей раз все выходит идеально и что в итоге? В итоге никто к обычному времени не является!

Подключившись через планшет к домашней сети, выуживаю оттуда расписания всех наших. Но они же должны прийти вот прямо сейчас!

Вот уже полчаса прошло.

Вот уже час как все должны быть здесь!

Да что ж такое!

Первыми приходят Лекс и Ристика и сами не знают, где они так задержались. С одним поговорить, другому что-то передать, вот уже и к ночи время близится. Затем заваливаются

наши шинарды, хмурые и недовольные. А за ними целое войско! Четверо из группы Редженса и семеро из группы Кейна.

— Мышь, этим... — Кейн разводит руками, показывая кому именно, — негде жить.

— Произошла авария и во всем их блоке отключилось электричество, — объясняет для меня Редженс. — Они переночуют у нас. Постели в гостевых спальнях и перестели у меня.

Пока я бегаю с простынями, в гостиной идет живое обсуждение схемы распределения по спальням, которых всего-то по четыре в каждом апартаментах. Сейчас этого кажется мало.

В группе Редженса одна девушка — Кейт, и три парня, в группе Кейна пять парней и две девушки. В итоге, как я успеваю подслушать, с трудом, но было решено, что к Редженсу командируются Мин и Ристика, а сам Редженс переезжает ко мне. Ну и еще Лексу придется провести ночь с Кейном, потому что все кроме нас с Редженсом делятся на пары мальчик-мальчик, девочка-девочка, хотя были и другие предложения.

Отнеся свои вещи в комнаты, ребята с нашей стороны рассаживаются на диванах в гостиной, не зная, чем можно занять себя дальше, будучи на территории своего начальника. Редженс подкрадывается к ним сзади и в самый неожиданный момент предлагает посмотреть телевизор. Только Мин ходит по комнатам, сам себе устроив экскурсию.

— Вот же как офицеры устроились, — завистливо говорит он мне. — Мне такое никогда не светит! Наверняка буду вечно прозябать в двухкомнатной комнате.

— Ты работаешь всего несколько дней, — напоминаю ему почти сердито.

— Кейн наверняка уничтожит мою карьеру, — выплевывает Мин.

Я чуть не говорю ему, что он и сам с этим справится, но вовремя прикусываю язык.

— Чаю? — предлагаю я вместо этого.

— Нет, я уже сегодня нахлебался.

Иду посмотреть, что творится у Кейна. А там ничего интересного не творится. Все ребята засели по выделенным им комнатам и носа оттуда показать боятся. Кейн смотрит телевизор в гостиной в обнимку с Ристикой. Лекс пытается быстренько изучить электротехнику.

— Чаю? — предлагаю я.

— Я сварила горячий шоколад из пакетиков, — говорит Ристика.

Rrrrrr, никто не хочет мой чай!

— Кто мне ногти подстрижет? — неожиданно Кейн обнаруживает, что ногти на его лапешках слишком сильно отросли.

— У меня маникюр еще не просох, — быстро отвечает Ристика, вытягивая руки с ухоженными, покрашенными лиловым лаком ноготочками. Дело в том, что стричь что-либо Кейну это еще то наказание!

— Он у тебя уже два часа сохнет, — ворчит Кейн.

— Это такой лак, — невозмутимо врет Ристика, — зато красивый!

— Я не могу подстричь, но могу вырвать, — предлагает свои услуги Лекс. — Так на дольше хватит.

— А ты? — оборачивается на меня Кейн.

— А меня Редженс зовет! — делаю вид я, уже удаляясь.

Раз так, решаю пойти и еще почитать про любоффф, но заглянув в спальню, вижу два голых тела и быстренько снова захлопываю дверь. Может, мне показалось? Вот у меня на уме как раз было оно, это самое, в книге как раз до этого самого добрались, вот меня и

приглючило?

Выхожу в гостиную и пересчитываю людей. Нет, двоих не хватает. Редженса и Кейт. Так что меня, похоже, не приглючило, тем самым эта парочка уже занималась.

Беру еще одну сложенную чистую простынь, потому что постель, видимо, придется перестилать снова, и стою жду в коридоре. То есть хожу туда-сюда по коридору, чтобы никто не подумал, что я жду. Вот только Кейт вылетает из спальни именно тогда, когда я останавливаюсь возле двери, чтобы развернуться.

— Что?! — спрашивает она раздраженно. — Мне нужно было немного расслабиться!

— Хорошо, — удивленно пишу я. Можно подумать, я против! Может, немножко и против, что с Редженсом да в моей спальне, но я же об этом не говорю. Даже не намекаю. Чего кричать-то на меня?!

Редженс выходит следом. Конечно, они оба уже одетые.

— Мы постель не использовали, — с ухмылочкой уведомляет он меня, глядя на простыню в моих руках.

Так, ладно. Захожу в спальню и быстро переодеваюсь в пижаму. До отбоя остается еще двадцать минут, можно еще немножко почитать. Залезаю в спальный модуль, забиваюсь поближе к стене и раскрываю книгу. Там у главных героев пока что все волшебю. Их обоих как раз закрутило в вихре страсти, они тонут в омуте своих чувств друг к другу, руки скользят под одежду, одаривают нежными ласками, сначала сдержанными, потом все более требовательными. Одежда прочь! Их захлестывает огненный поток любви.

Мне становится жарко. Сажусь на матрасе, и тут как раз заходит Редженс, да, после душа, в полотенце, обернутом вокруг бедер, свеж и горяч, как ходячая иллюстрация к тому, что я только что прочитала.

— Кстати моя мать передала кое-что для тебя.

У Редженса в руках маленькая коробочка, малюсенькая для его широкой ладони. Он садится на матрас и протягивает ее мне. Открываю, внутри изящный медальончик из розового золота в виде морской раковины с жемчужиной.

— Надень, — просит Редженс.

Нацепляю медальон на себя, он нетяжелый, очень приятный. Хотелось бы знать, почему мать Редженса передала его мне? Ничего по этому поводу узнать не успеваю, в комнату вваливается Кейн с двумя бутылками игристого вина.

— Вот, курьер наконец добрался до нас! — восклицает он. — Мышь, завтра пойдешь к этой вашей Маргарете и проведешь допрос с пристрастием. Только на этот раз сама не окосей, и запиши все на диктофон, зря тебе, что ли, игрушку эту подарили? — он имеет в виду планшет, я так думаю.

— Что это? — вдруг спрашивает мой шинард. Он встает и идет напрямик к выходу в техническую шахту.

— Это трубы гудят, — пытаюсь остановить его я.

— А по-моему я слышал какое-то шуршание, — поддерживает Редженса Кейн. Да ладно, какое такое шуршание? Просто я кресло забыла на место поставить, оно перед выходом в шахту стояло, вот Редженс и заметил несоответствие.

Редженс берет у Кейна мультитул, присаживается рядом с экраном технической шахты и отворачивает винты. Снимает экран, а Кейн передает ему фонарик.

— Так-так, и кто же это у нас тут прячется? — Редженс засовывает в шахту руку и достает оттуда Потапа — плюшевого мишку, который некогда принадлежал моему шинарду,

и тот велел его выкинуть, но Потапик остался на нелегальных основаниях у меня. Бедняга, у него не было шансов убежать. — А это не тот медведь, которого я велел выбросить в бездну?

Мне ничего не остается, как признать очевидное.

— Надо же, он вернулся из бездны! — восторженно восклицаю я.

— Он еще и в форме, — рассматривает игрушечного медведя Кейн.

— А почему у него звание выше моего? — Редженс указывает на нашивки на форме.

— Так сколько ему пришлось пережить, пока он поднимался из бездны сюда! Мне кажется, он заслуживает старшего офицера!

К моему великому счастью Редженс оставляет Потапа мне, и теперь он на законных основаниях восседает на матрасе в изголовье.

Редженс ложится в постель прямо перед тем, как выключается верхний свет. Нас как одеялом накрывает крошечная тьма. Пора бы и спать, но меня мучает какое-то странное чувство, из-за которого я не перестаю ворочаться с боку на бок, осторожно, чтобы не потревожить Редженса. Причем само это чувство нельзя назвать неприятным. Может быть, что-то вроде легкой щекотки. Размышляю, что бы это могло быть. Вряд ли меня так уж взбудоражила сцена из книги, хотя она, возможно, тоже здесь при чем.

Я ложусь на правый бок и вдыхаю воздух. Точно, это все Редженс! В темноте я чувствую только его запах. Это он. Не запах мыла, которым он пользовался в душе, а какой-то другой.

— Может, заснешь уже? — ворчит на меня Редженс. Он протягивает ко мне руки и переворачивает, как оладушек на сковородке.

Неожиданно приятные прикосновения. Все, больше не читаю на ночь таких книг!

Наконец-то завтра. Иду в контору к концу их рабочего дня, тащу большой пакет, в котором позвякивают бутылки, которые приволок мне Кейн. Чувствую себя неуютно. Прежде чем зайти внутрь, созваниваюсь с Лексом, чтобы убедиться, что он уже вернулся с последней заявки.

Когда мы с другом вместе поднимаемся наверх, Маргарета все так же сидит в своем кабинетике за столом, стуча ручкой по раскрытому перед ней блокноту. На этот раз на ней новый парик из длинных прямых светлых волос с челкой и серая шифоновая блузка.

— Рабочее время закончилось, ты можешь быть свободен, — не глядя на нас говорит она.

— Хорошо, потому что Вета принесла тебе ответное угощение, — Лекс демонстрирует одну из принесенных мной бутылок, — и я бы хотел присоединиться к его поглощению, если ты не против.

Маргарета смотрит на нас, задумчиво закусив губу.

— Ну, не стоит, — с сомнением проговаривает она. — Два дня подряд, это было бы неразумно...

Я с ней не могу не согласиться, один вид темного стекла бутылки вызывает у меня тошноту, но дело есть дело.

— Просто завтра в конторе выходной, — продолжает Лекс. — И занятий тоже завтра ни у кого из нас нет. А шинард Веты как раз притащил из подземелий целый ящик вот этого. — Он щелкает ногтем по бутылке, и я еле сдерживаю рвотный позыв. Полагая, что мое позеленевшее лицо не поспособствует переговорам, как можно непринужденнее отворачиваюсь к полкам с книгами.

— Иномирское, значит? — заинтересованно облизывает губы Маргарета. — Твой шинард состоит в гильдии искателей, да? — спрашивает она меня. — А то я тут пытаюсь восстановить вчерашние записи нашего разговора и тут неразборчиво... — Женщина тыкает в одну из своих записей, и делает пометку рядом, аккуратно держа ручку своими пальцами с длинными загибающимися ногтями. Я с такими даже поднять ручку со стола не смогла бы, так что взираю на эту операцию с благоговейным трепетом. — Меня не приглючило вчера?

— Нет, — отвечает Лекс вместо меня. — И я, кстати, тоже готов поделиться парочкой историй. Спрашивай, что хочешь. Я прямо открытая книга. Никем не написанная еще.

— Ладно, уговорил, — Маргарета устало машет на него рукой и недовольно кривит губы, но через полчаса уже пьяненько улыбается во всю ширь, с нежностью глядя на моего друга. Я с навверняка таким же обалделым видом наблюдаю устроенный Лексом спектакль одного актера, напрочь забыв о его настоящей цели. Даже машинально опустошаю налитый мне доверху бокал вина. Истории, которые Лекс рассказывает, вроде как из собственной жизни, я лично слышу впервые, так что дивлюсь, как это я могла столько пропустить. Но если он выдумывает их на ходу, я просто рукоплещу его смелой фантазии. И все же когда дело доходит до погони с перестрелкой, давлюсь последним глотком вина и решительно поднимаюсь из кресла.

— Можно я посмотрю твои книги? — вставляю я вопрос между сценами экшена и продолжением любовной линии.

— Конечно! — Маргарета нетерпеливо машет в сторону яркого стеллажа с рядами книг, судя по корешкам, явно из одной серии.

Так, верхний ряд — это книги за авторством Маргареты. Они стоят очень плотненько. Начинаю доставать одну за другой, открываю на закладках и нюхаю. У каждой свой запах, хотя некоторые похожи, приторные ароматы, но вроде тот монстр, что попался нам в соседней комнате, пах как-то иначе. Хотя после десятка закладок мой нюх теряет остроту. Делаю паузу, отвлекаясь на Лекса. О, нет, кажется, по ходу повествования его расстреляли!

Перевожу взгляд на Маргарету, она с мудрым видом подхихикивает рассказчику, понимающе кивая головой. Блокнот с ручкой отложены далеко в сторону — очевидно, она уже давно осознает, что Лекс толкает ей какую-то дичь, но ничего против не имеет, спокойно смакуя вино из высокого бокала под аккомпанемент его голоса. Просто идиллия.

Вернувшись к книгам, в следующей же обнаруживаю закладку со знакомым запахом. Конечно же, я могу ошибаться, так что некоторое время стою в растерянности, не уверенная ни в чем.

— Как странно, — говорю я слабым голосом, но Лекс тут же прерывает свой монолог, — запах у этой закладки точно такой же как у того монстра, которого мы встретили в комнате за железной дверью.

— Интересно! — подхватывает друг, — как же так могло получиться?

Мы оба заинтересованно смотрим на Маргарету, так что она вынуждена, что-то сказать по этому поводу.

— Ну да, — говорит женщина, покачивая ногой в босоножке на невысоком каблукерюмке, — я душу закладки своими духами. Я обожаю хороший парфюм и несколько разных пузырьков храню прямо в канторе. Так что нет ничего удивительного, — произносит она задумчиво. — Должно быть, ваш этот монстр добрался до них, монстры подземелий бывают очень любопытными, вы знаете? Они же очень разные, некоторые довольно разумны и

вполне могут догадаться, как отвинтить крышечку.

— Но он ведь не мог выйти за металлическую дверь, верно? Вы держите ее все время запертой? — уточняет Лекс. — Значит, эти духи должны были находиться в кабинете Енеки?

— Так он водит туда своих подруг! — быстро поясняет Маргарета. — Возможно, он разрешил кому-то из них попользоваться моими духами, а она и оставила их в его комнате. Я духи конечно обожаю, — Маргарета экспрессивно кладет руку на сердце, — но как маньячка не слежу за их перемещениями.

— Ладно, эта тема закрыта, — кривится Лекс. — Так на чем я там остановился?

— На своей безвременной кончине, — напоминает Маргарета, деловито хватаясь за бутылку и проверяя ее наполненность на просвет. — Так, ребятки, еще по чуть-чуть и расходимся!

— Так, погоди, — Лекс достает из пакета еще один сосуд истины. — Ты про себя еще ничего не рассказала, так не честно!

— А что вы про меня хотите услышать? — кокетливо интересуется Маргарета.

— Ну, — Лекс со хмельной развязностью подбирается к ней поближе и, заглядывая ей в глаза, констатирует: — Вот ты такая прикольная деваха...

— Ну-ну, попрошу не фамильярничать, — Маргарета поправляет кофточку у него перед глазами.

— Как ты терпишь этого волосатого обормота Енеку? — спрашивает Лекс.

— Он очень хороший... — выдыхает Маргарета ему в лицо.

— Профессионал...

— Человек.

— С какой стороны? — скептически относится к ее заявлению Лекс.

— Э, с моей, — отчего-то погрузневшая Маргарета трет пальцем левый глаз, что выглядит рискованной операцией.

— Настолько хороший, что ты прикрываешь его каждый раз, как он изволит уйти в запой, — проговаривает Лекс, аккуратно поправляя прядку волос Маргареты, прилипшую к ее бокалу. — А как же твоя собственная карьера? Она от этого не страдает? — спрашивает он со всем сочувствием.

Ощущая, что между ним и Маргаретой установилась хрупкая проспиртованная связь, я все еще стою у стеллажа с книгами, боясь пошевелиться. Правда тот бокал вина, что я сдуру прикончила (остальное содержимое бутылки вососали в себя эти двое), как раз начал действовать, решив склонить меня ко сну. Так и стою тихонечко, пытаюсь удержать веки от смыкания.

— Ладно, сейчас я вам кое-что покажу, — внезапно говорит Маргарета, и мои глаза на пару мгновений сами раскрываются пошире от укола любопытства. — Подождите здесь, — она, покачиваясь, встает из кресла, обходит Лекса, держась за его протянутую руку, и медленно извилистым путем пробирается к двери.

Как только она исчезает из вида, я кладу, наконец, обратно ту книгу, что все это время держала в руке и, возвратившись к своему креслу, с облегчением плюхаюсь в него.

— Чего это тебя так развезло? — интересуется Лекс, пытаюсь, потиранием лица, вернуть себе утраченную трезвость ума. — Ты же почти не участвовала?

— У меня еще вчерашний алкоголь в крови бродит, — предполагаю я. На самом деле пьяной я себя совсем не ощущаю, так, сонливость небольшая. И какая-то гадость во рту. И

отчего мы о нормальной закуске не подумали?

— Что будем делать, если что? — задает вопрос Лекс. На удивление, я понимаю, о чем он.

— Если что, будем драться! — говорю я смело.

— А вот и я! — говорит Маргарета, появляясь в дверях. Мы с Лексом обе поворачиваемся к ней и оба застываем в шокированном безмолвии. Маргарета, если это она, тоже выжидающе хранит молчание.

Ну, как бы, дело в том, что она стоит перед нами абсолютно голая, только босоножки на ногах остались и серьги в ушах. Макияж она тоже не стерла, так что лицо выглядит полностью прежним, женским и узнаваемым. В остальном перед нами мужчина.

— Вот это, — Лекс поднимает руку, но конкретно ни на что не указывает, просто делая ей обобщающее движение, — требует некоторых пояснений.

Маргарета отставляет ногу и в целом принимает позу, как будто для эротической фотографии. Пластика у нее очень женственная, и тело слегка изогнувшись, так демонстрирует все-таки не совсем мужские изгибы. То есть у нее выражена талия и, как бы так выразиться, молочные железы... ну в общем небольшая, но женская грудь. При этом внешние мужские половые органы, так сказать, выставлены во всей красе. Ну и достаточно густой волосяной покров во всех стратегических местах присутствует. Свой парик Маргарета сняла, распустив собственные волосы длиной до плеч.

— Неужели не догадались? — произносит она своим контральто.

— Ты Енека? — пришибленно спрашивает Лекс.

— Нет, я его сестра Маргарета, — отвечает Маргарета. — Но тело у нас с ним одно на двоих, и сейчас им пользуюсь я.

Что ж, практически все понятно.

— Давайте все-таки откроем вторую бутылку, — предлагает Лекс, ерзая на стуле.

— Конечно, эту информацию нужно записать, я привыкла, — Маргарета семенит к столу, потому что ремешки ее босоножек не застегнуты. Лекс открывает вторую бутылку и разливает вино в наши бокалы.

— Итак, — продолжает разговор мой друг, ополовинив свой бокал. — А Енека сейчас... присутствует как-нибудь?

— Нет, — Маргарета машет рукой. Ее накладные ногти тоже остались при ней. — Если я как следует сосредоточусь, то смогу с ним мысленно связаться, но в остальное время вторая личность как будто спит.

— Вот это, пожалуй, хорошо, — говорит Лекс.

— Мы с Енекой из другого мира. Нас подобрали, когда мы еще были детьми, на одном из подземных уровней искатели и отправили в детское учреждение на нулевом уровне. Долгое время считалось, что у нас раздвоение личности из-за перехода между мирами. Вы знаете, что почти все, кому довелось попутешествовать между мирами, имеют какие-либо проблемы неврологического или психического характера? Но однажды нам повезло. Пассида — ученая, занимавшаяся людьми из других миров, особо интересовалась именно нашим миром. Она провела с нами свои тесты и определила, кто мы. Увилийцы, — Маргарета произносит это слово с особой нежностью. — Можете себе представить, что где-то есть мир, полностью населенный такими как мы? Он живет по совершенно другим законам. Самое интересное, что личности, обитающие в одном теле не просто различны, а совершенно противоположны. Мы с Енекой обладаем разными способностями и

характерами и в том, в чем один очень хорош, другой в этом же абсолютный профан. Эта информация меня очень подбодрила тогда, в детстве, потому что мне в упор не давались точные и естественные науки, а Енека наоборот получал по ним прекрасные оценки. А у меня прекрасно выходили сочинения, и я даже была редактором школьной газеты. — Маргарета довольно улыбается. — Пассида усыновила нас и у нее мы провели несколько прекрасных лет, однако потом мы окончили школу, и пришлось выбирать, чью карьеру развивать. Мы просто вытянули жребий и на этом все. Этот мир не заточен под наши нужды и особенности.

— То есть Енека вовсе не уходит в запой, — констатирует Лекс.

— Каждый из нас проводит в теле примерно одинаковое количество времени — обычно один лунный месяц за раз.

— А начальство в курсе?

— Непосредственное начальство — да, еще знает несколько близких друзей. Но в остальном мы стараемся не распространяться об этом. Енека отличный мастер, но половину времени в конторе только я, которая просто не в состоянии разобраться в этом деле, и подмастерья. Конечно, на случай серьезной аварии нас страхуют друзья из соседней конторы, но все же. Сами понимаете, что не все согласятся, что мы имеем право занимать эту должность.

— Понимаем, — вздыхает Лекс, проникшись проблемой.

— Правда очередность может меняться, если на это будут особые обстоятельства. То есть, если что-то серьезное случится, Енека должен явиться раньше. Так было пару раз, но обычно удается справляться со всем обученным им подмастерьям. Он прекрасный учитель. У тебя Лекс вообще-то должен был быть целый месяц обучения с ним, но у меня случились мероприятие — подведение итогов крупного литературного конкурса, который был для меня очень важен, — Маргарета виновато вздыхает, — так что я появилась досрочно. Это не наш выбор, ты уж не подумай.

— Все нормально, — машет рукой Лекс, — но учебные материалы вам пора бы уже заменить.

— Согласна, но Енека... Я лучше сама займусь этим. Так вот я подхожу к самому главному, — Маргарета снова протяжно вздыхает. — На конкурсе я проиграла и так расстроилась, что... вышел на волю наш третий...

— Третья личность?

— Ну, это не совсем личность. Тот монстр, которого вы видели — это не монстр глубин. Это мы!

— Вот откуда запах!

— Простите, если мы вас напугали или поранили, но обычно он наносит раны только себе. Сбрасывает одежду, сторонится людей, расцарапывает себя. Это все от злости на себя за неудачу!

— Это объясняет женскую блузку всю в крови, которую мы нашли в технических помещениях.

— Мне приходится носить довольно закрытые вещи, потому что Енека не любит брить грудь, — поясняет Маргарета выбор фасона.

Ровно в пять часов утра, как обычно, включается верхний свет, но он поначалу не беспокоит меня, тем нем менее я все равно по привычке пробуждаюсь. И отчего-то это сегодняшнее пробуждение особенно приятно. Мягкий обволакивающий сон уходит постепенно, медленно уступая место телесным ощущениям. Не сразу, но обнаруживаю, что уткнулась лицом в бок Редженса. Тот лежит неподвижно еще несколько секунд, глядя вверх. Потом откуда-то появляется его правая рука, которая не знаю, где была до этого, но не мешала мне во сне прижаться к его голому торсу (со стыда я даже не пытаюсь сразу как-то исправить ситуацию). Рука эта легонько хлопает по моему бедру.

— Пора начинать, — говорит Редженс бодро и рывком выскакивает из спального модуля.

Я слежу, как он в одно мгновение надевает спортивные штаны и футболку, обувь для бега. Так, мне уже понятно, что сейчас будет.

Поднимаясь, слышу, как Редженс зычными криками сопровождает свой энергичный проход по апартаментам с открыванием дверей в остальные спальни. Слышу даже удивленные вскрики успевших отвыкнуть от принудительных побудок новичков стражей. Дав им с десятков секунд, чтобы смириться с судьбой и выстроиться в дальней части коридора на пробежку, собираюсь проскользнуть в ванную за их спинами.

— Чего бурчите?! — надеюсь меня глючит спросонья, но это счастливый голос Кейна. — Зато по возвращении вас и завтрак ждет как в учебке! — обещает он. Я так и застреваю посреди коридора, всклокоченная и обалдевшая. Отсюда я не вижу этого гада, но сама могу представить себе его колючий взгляд и злорадную улыбку. Как в учебке — это несколько блюд, а для скольких человек? У Кейна сейчас в группе семь, у Реджа четыре, плюс наши. Проклятый Кейн! Надеюсь, после пробежки он пойдет в душ первым и крокодил его там сожрет!

Я только наспех чищу зубы и бегу скорей на кухню. Открываю все шкафчики подряд, в которые мы с Ристикой периодически складываем свои продовольственные находки, но ничего из того, что имеется в наличии, нельзя приготовить на всех, даже если крокодил наестся человечины. Таким образом, придется готовить кучу блюд и кому что достанется. Сразу включаю все комфорки на плите и начинаю наполнять кастрюльки водой, когда в комнату входит Ристика. Я оборачиваюсь через плечо — она уже одета и намарафечена дальше некуда, похожа на гладкую фарфоровую статуэтку в платье нежного голубого цвета простого силуэта, но идеально облегающем, и с прилизанными ультракороткими почти белыми волосами.

— Во сколько же ты встаешь? — спрашиваю я, горстями бросая какие-то хлопья в воду (надеюсь не мыльные, я не смотрю на пачку — смотрю на подругу). Лицо Ристики похоже на маску, и в некотором смысле это так — ее лицо покрывает миллион слоев поэтапно наложенных самых разных средств, которых я даже названия не помню, и когда она начинает говорить, в них появляются глубокие каньоны.

— Я не сплю с двух часов ночи! — жалуется она, — с того времени, как поймала в своей постели какое-то членистоногое чудовище!

Шокировано пялюсь на нее, наугад прикрывая кастрюлю крышкой, а потом понимаю:

— Кейну доставили его зоопарк?

Дело в том, что у нашего двуногого чудовища есть целая коллекция рептилий и членистоногих, которая успешно обитала в десятках террариумов в его старых апартаментах. Сразу он с ними со всеми переехать не смог, ждал мастера, который смонтирует ему все эти террариумы, необходимую подсветку и всякие устройства, поддерживающие нужные условия для его подопечных. Видимо, это, наконец, свершилось, и один из последних пошел разведывать новые территории и забрел к Ристике.

— Криком я разбудила Кейна, и он выловил у меня из волос противную многоножку, — на мгновение кривится Ристика, но спохватившись, тут же разглаживает лицо. — Он сказал, что ее лапки оставляют особые токсичные выделения, там, где она прошла, так что мы скоро увидим, где она ползала! — Ристика чуть ли не на визг переходит в конце фразы, и я не могу ее винить. — Я всю ночь ждала, что у меня на коже покажутся отвратительные волдыри, осматривала себя везде у зеркала, пока это чудовище спокойно дрыхло!

— И волдыри не появились?

— Нет! Он пошутил!

— Я готовлю завтрак для всех, хочешь плюнуть в его еду? — предлагаю я.

— Конечно! — с готовностью откликается Ристика.

Она помогает мне наготовить кучу еды и расставить все на кухонных тумбах. Для офицеров еду мы ставим отдельно на большой стол, остальные, как я планирую, наложат себе, что успеют, и разойдутся есть в другие комнаты.

Похоже, офицеры решили сегодня погонять своих подчиненных как следует, так что мы даже успеваем все сделать к тому времени, как они, взмыленные и раззадоренные, вваливаются всей воняющей потом толпой и распределяются по душевым, оставляя свои грязные потные шмотки прямо на полу в коридоре, прямо кучей как в учебке — просто ностальгия.

На кухне, уже одевшись, они появляются также толпой, так что офицерам приходится раздать с десятков подзатыльников, чтобы прорваться вперед.

— Так! — рывкает Кейн, отметив, что размеры кухни не позволяют во время еды соблюсти достаточную дистанцию с подчиненными. — Сначала едят офицеры, потом рядовые, а потом остальные! — объявляет он, и берет себе дополнительную булку с общего подноса, хотя я ему и так две положила на стол. Да хоть три, однако зря он объявил раздельное питание, так как времени у них на такое не осталось, тем не менее, если я ему на это укажу, он меня на эту свою дополнительную булочку и намажет. Решаюсь, сказать ему об этом потихоньку, на ушко, делая вид, что наливаю ему в кружку заварку.

— Так! — повторяется Кейн, — смена приказа! Мы едим здесь, остальные в гостиной! — кивает он сиротливо стоящим за порогом кухни рядовым и смачно откусывает от булки. К счастью, не от меня. Похоже, у него сегодня хорошее настроение, наверное, весь яд был израсходован ночью, на его выходку с Ристикой.

Между тем звонят в дверь, так что мне приходится протискиваться сквозь толпу ринувшихся к еде молодых стражей, что вообще-то еще та задача. В руках зачем-то все еще держу заварочный чайник, а он им по идее понадобится, так что передаю его первому, с кем сталкиваюсь нос к носу.

— Если это Алан, веди его сюда, — басит Редженс, со своей обычной незамутненной невозмутимостью поглощая кашу, сидя за столом спиной к толпе новичков, которые устроили кучу малу у тумб с тарелками и мисками. Пихая друг друга, они так близки к тому, чтобы двинуть офицеру локтем по шее и тем самым вызвать ураган, но каким-то волшебным

образом не делают этого, как будто вокруг того стоит невидимая защитная стена.

Пробравшись, наконец, в коридор, бегу к двери — за ней действительно тот самый друг Редженса Алан.

— Здравствуйте, — говорю я, отворяя ему, — “какая неприятная неожиданность”, - чуть не добавляю, но вовремя прикусываю язык.

Алан только кивает мне и то, как бы нехотя, вперившись взглядом, куда-то в район моей груди. Насмотревшись, он сам молча проходит мимо меня на кухню, из которой один за другим вываливаются стражи с отвоеванным завтраком. Я же собираю с пола одежду стражей, все равно явно мне ее предложат постирать.

От стиральной машины в личных апартаментах одно название — маленькая коробочка, в которую влезает всего ничего, зато она и стирает, и сушит, хоть переключать не надо. Но загрузок все равно понадобится много. Рассортировываю грязную одежду и ставлю стираться первую партию.

Когда выхожу в коридор, молодые стражи уже собираются уходить на работу. Редженс жестом подзывает меня к себе. Алан стоит рядом с ним, поджав губы и скрестив руки на груди, Редженс наоборот убрал руки назад, он смотрит на Алана, и тот выдает:

— Я хочу пригласить тебя на завтрак, — гавкает он на меня.

— Зачем? — выскакивает у меня испуганный вопрос.

— Вы пойдете в приличное место на шестьдесят девятом, так что надень платье, — приказывает Редженс. — Возьми что-нибудь у Ристики. Выходите через полчаса.

— Но... — хочу возразить я, хотя бы потому, что у тонкой изящной Ристики не может быть платьев на мою фигуру, во-вторых, у меня сегодня общая практика. Но Редженс пронзает меня таким ледяным взглядом, что и так ясно — он не хочет ничего слышать. Приходится подчиниться.

При этом почему-то, как только Ристика слышит мою просьбу, она приходит в дикий восторг. Она тащит меня в свою комнату, просторную, но полностью занятую творческим беспорядком, и быстренько вытаскивает из шкафа платье.

— Вот, я давно уже сшила его по твоим меркам, но стеснялась предложить!

— Но ты же не снимала с меня мерок? — удивляюсь я, а руки тянутся к платью. Оно идеально — не такое вычурное как Ристика сама носит, лаконичное, приятного сероголубого оттенка с бежевыми короткими рукавами и широким поясом.

— Да я на глаз, так что меряй давай, — она с волнением прикусывает ноготь.

Платье садится прекрасно, и восторженная подруга пихает меня на стул перед туалетным столиком с большим круглым зеркалом и делает мне легкий макияж и простую прическу — точь-точь в моем вкусе. Я уже говорила, что она талантище?

Пока Ристика ищет мне подходящие туфли и сумку, в которую можно было бы запихать комбинезон, в который мне придется переодеться в общественном туалете перед общей практикой, я разглядываю совершенно новую себя в еще одно большое напольное зеркало. Ничего себе — я впервые сама себе нравлюсь. Меня посещает дерзкая мысль, что если б я научилась так подбирать себе одежду и правильно ухаживать за собой, я могла бы быть почти красива.

Но время поджимает, с туфлями в руках и сумкой через плечо бегу обратно в апартаменты Редженса, а потом по коридору к своей комнате, на ходу снимая медальон, который так и проносила все это время. Алан как раз выходит из кухни, где ждал меня в одиночестве, и окликает.

— Одень обратно, без него образ будет неполным, — говорит он, осматривая меня с ног до головы.

— Но вещь наверняка дорогая, — пытаюсь возразить, сжимая подвеску в ладони.

— Мы тоже не в дешевое место идем, — злым тоном отвечает Алан. Я теряюсь, хотя надо бы настоять на своем. Но я отчего-то слишком взволнована для этого. У меня словно нет сил спорить.

Всю дорогу до ресторана мы напряженно молчим. Я не понимаю, для чего все это: чего хочет Алан, на что рассчитывает Редженс, и как, в конце концов, вести себя мне? Меня это все убивает, на нервах я едва замечаю окружающее, а горло словно стискивает не проходящий спазм. Отмечаю только, что столик, за который мы садимся, белоснежно белый, низкая загородка, отделяющая нас от других столиков, деревянная решетчатая, украшенная гирляндой искусственных цветов. Красиво оформленное красочное меню наполнено непонятными названиями блюд, так что я выбираю, что подешевле, Алан тоже делает свой выбор, и официант удаляется, оставляя нас сидеть вдвоем друг напротив друга. Неловко.

Мы находимся на самом верхнем из основных уровней, завтрак здесь только начинают подавать, так что сейчас мы самые первые посетители. Сидим и ждем, одни в целом зале. Я с преувеличенным вниманием разглядываю вазочку с искусственным растением — россыпь милых белых цветочков среди широких остроконечных зеленых листьев. Алан где-то в своих мыслях откинулся на спинку стула.

Наконец, официант приносит тарелки и снова исчезает. Я тут же хватаюсь за вилку, а другой рукой осторожно проверяю под столом время на планшете.

— Хорошо выглядишь, — внезапно говорит Алан, также принимаясь за еду. Перемешивая зеленые ростки и оранжевые зерна с соусом у себя в тарелке, он продолжает: — Я боялся, что Ристика оденет тебя так же вульгарно, как одевается сама.

Пытаюсь возразить, но дыхания не хватает на членораздельное высказывание. Хотя Алан и не интересуется моим мнением, он во многом все еще в своих мыслях.

— Не люблю, когда девушки пытаются из своего внешнего вида сделать какой-то манифест, называя это самовыражением. Рейна связывала такое поведение с низкой самооценкой, неприятием естественной внешности и своего тела. Такие девушки сосредоточены только на себе самих, эгоцентричны и глупы, — говорит он с осуждением.

— Это все явно не про Ристику, — нахожу в себе силы тихо проговорить я. И вообще, кто такая Рейна?

— Рейна — это мать Редженса, — напоминает Алан, словно слышит мои мысли, но не слова. — Я уже говорил тебе о ней. Она прививала нам хороший вкус и самодисциплину. Явись кто-нибудь из нас в таком виде к завтраку, и она...лишила бы его еды на целую неделю. Даже девочку. Я говорил тебе, что к девочкам она относилась иначе, даже к сестре Кейна. Эти двое часто гостили у нас. Их мать жила на одиннадцатом уровне, ты знала? Отбросы.

Я продолжаю что-то жевать, так и не разобравшись, что мне подали, а под такую информацию и вкуса не чувствую. Одиннадцатый уровень? Это не нулевой, но почти. Что в некоторой степени объясняет и ненависть Кейна к нашему с Лексом происхождению с самого низа Муравейника, и то, что он нас оттуда забрал. Эх, противоречивый, взбалмошный Кейн.

— Отбросы и по происхождению, и по воспитанию. Их пьющая мать и выводок погодок от разных мужчин, таких же низких, как она сама... ясно, что они не хотели оставаться там,

с ними, и питаются в бесплатной столовой, а прилепились к Редженсу. Рейна была не против, что в ее маленькой детской тюрьме стало на двое заключенных больше. Она просто придумала для них отдельный гостевой свод правил, а наказывала за их нарушение так же жестоко, как и своих собственных детей и детей своих акбратов. Мой отец, наверное, единственный кто пытался воевать с ней. Незадолго до моего девятилетия он ушел от нее, так что вскоре и мне удалось бы избавиться от нее, зажить нормальной жизнью без постоянного контроля... — разоткровенничался Алан. — Впрочем, тогда я и не знал о другой жизни, не соображал толком, что все это не нормально. Но за неделю до моего дня рождения...

Он не успевает договорить, потому что к нам подходит и опирается на перегородку очень странная девушка. Глаза Алана на мгновение выпучиваются, когда он замечает ее, но не от удивления.

— Привет, Алан! — восклицает она звонким детским голосочком. Она одета в короткую юбку с очень пышным подъюбником, блузку с рюшами на лифе и рукавами-буффами, на голове большой бант, а на шее маленький. Лицо покрыто белилами, а губы неестественной формы, также бантиком — слоем сочной красной помады. — Привет, Вета! — неожиданно обращается девушка и ко мне. — Редженс говорил тебе обо мне? Конечно, не говорил! Я Пия! Можно к вам?

— Нет, ты не видишь? У нас свидание! — возражает Алан.

— Вижу, но я ненадолго, — весело отвечает Пия и сама притаскивает себе стул. — Я просто хочу, наконец, лично познакомиться с Ветой, — она дружелюбно улыбается мне. — Редженс так много мне о тебе рассказывал, но я впервые тебя увидела, так что подбежала представиться.

Я удивленно смотрю на нее. Почему Редженс много обо мне рассказывал? Что с ним вообще в последнее время такое происходит?!

— Мое полное имя Пия Венера Андзен, — представляется девушка и начинает тараторить, — я состою в научной гильдии и работаю над машинным усовершенствованием человеческого тела. Заметила, как необычно звучит мой голос? Его модулирует специальный имплантат в моем горле, — Пия указывает на маленький бантик на шее, — которым я могу управлять с телефона.

Алан пренебрежительно закатывает глаза.

— Живу я пока на пятьдесят шестом уровне в красном секторе, — продолжает девушка, полностью сосредоточив внимание на мне и подвинувшись, на мой взгляд, слишком близко, так что мне как-то неудобно. — Я все так подробно рассказываю, потому что мы с Редженсом стали уже очень близки и подумываем съехаться, а ты его акбрат, но он наверняка ничего про меня не рассказывал — он только со мной может говорить по душам, такой вот он скрытный. У него было тяжелое детство, ты знаешь? У меня тоже высокий уровень, но скорее всего я перееду к нему, и он станет нашим общим шинардом. Так что тебе нужно быть в курсе событий, поэтому я тебе все это и рассказываю! У тебя есть ко мне какие-нибудь вопросы? С удовольствием отвечу!

— Нет, пожалуй, нет, — потрясенно отвечаю я, нервно хватаясь за свою сумку. — К сожалению, мне уже пора идти, у меня скоро начнется общая практика, — я вскакиваю, кидая извиняющийся взгляд на Алана, но ему, кажется все равно.

Убегаю переодеваться в ближайший общественный туалет, оставив этих двоих на нашем с Аланом свидании, хотя на самом деле у меня есть еще время. Так что, надев комбинезон и

кроссовки, осторожно уложив платье и туфли в сумку, остаюсь в кабинке еще минут на пятнадцать, стараясь собрать мысли в кучу. Не понимаю до конца, но, кажется, меня сильно задело, что у Редженса есть такая близкая подруга, и, боюсь, я начинаю ощущать что-то вроде ревности. Раз он с ней так открыто говорит обо всем, а мне даже не может объяснить, как видит мою роль в своих планах. Мне, кажется, обидно и даже чуть-чуть больно. Хотя она такая успешная, не то что я. Для Редженса я, очевидно, пустое место, вот он и не разговаривает со мной.

В туалет заходят еще две женщины, не прекращая разговор между собой, так что сосредоточиться на своих глупых страданиях я уже не могу, так что выскакиваю из туалетной комнаты. Решаю забыть обо все этом на время и полностью перевести внимание на то, что мне предстоит далее.

Итак, на сегодня у нас назначена так называемая общая практика, то есть не по назначениям, а одна на всех. Хотя нас так ничему и не научили на тех нескольких безумных занятиях, организованных гильдией для нашей группы, так что не представляю, какие такие навыки нам предстоит отрабатывать. Спускаясь на нулевой уровень, где нас собирают для инструктажа, мучаюсь и от страха, и от раздражения. По большей части от раздражения — вот до чего меня эти люди довели! По пути нахожу автомат, разливающий транквилятор, и залпом выпиваю весь стакан, не рискуя идти с ним на встречу, где он может привлечь ко мне дополнительное нежелательное внимание. Выбрасываю пустой стакан в контейнер для переработки, делаю шаг к лифту, шаг, шаг, еще шаг — и все, мне уже хорошо, словно зловонное облако, пахнущее тухлыми яйцами и предчувствием позора и унижения, рассеивается вокруг моей головы. Свежий ветерочек здорового пофигизма сопровождает меня дальше вниз и по коридорам нулевого. В конце пути, возле входа в один из жилых блоков, уже выстроилась недобрая половина моих сокурсников.

Нашего куратора еще нет, зато задира Мра стоит сбоку от кучкующихся одноклассников, смело прислонившись спиной в ярко-зеленой ветровке к грязной обляпанной чем-то стене. С одного плеча у нее свисает большой рюкзак с таким количеством нашивок и значков, что неясен его первоначальный цвет.

— Че пялишься?! — гавкает на меня она, когда я прохожу мимо, но слегка запаздывает с этим вопросом, так как я уже смотрю не на нее, а в другую сторону. А в другой стороне стоят двое искателей в своих элегантных черных комбинезонах с кучей карманов. Они оба поднимают на меня взгляды, решив, наверное, что это я на них пялюсь, а я не пялюсь, просто вперед смотрю.

— Здравствуйте, — вежливо говорю я, раз уж так получилось.

— Сюда нельзя, — говорит один из искателей, презрительно морща нос, — пусть здесь сначала эти отбросы поработают, — кивает он на моих одноклассников. Одноклассники жестами показывают ему, как они уязвлены его замечанием.

— Так я с ними, — признаюсь я, с трудом возвращая свое внимание примерно в район художественно окрашенной бородки заговорившего со мною искателя. Признаться, те сложные комбинации, которые моментально соорудили ребята из группы из своих пальцев, меня просто заморозили. Ну что поделать, это, видимо, побочный эффект выпитого мною зелья спокойствия. Так, собственно, что я здесь делаю? Ах, да! — Я пришла работать!

— Ну, проходи, раз так! — искатель с издевкой, но галантно приоткрывает для меня большую тяжелую дверь, возле которой стоит. Хм, даже не знаю, нужно ли мне вообще туда или нет, но я захожу. Дверь захлопывается за моей спиной, и я оказываюсь одна в длинном

пустом коридоре. Сюда проведена временная проводка, так что он со множеством проемов в другие помещения вполне неплохо освещен фонарями, в остальном все печально.

Судя по всему, это такой же жилой блок, как то общежитие на нулевом, в которое нас с Лексом заселили изначально после окончания школы, только так и не поделенное на кучу маленьких клетушек. Стены и полы в жутком состоянии — я прохожу по всем комнатам, любопытства ради — когда-то они были и окрашены, и выложены плиткой в нужных местах, но сейчас они сплошь покрыты грязью, мерзкой слизью и пушистой плесенью. Выводы коммуникаций раньше были аккуратно убраны в кофры, но последние давно деформировались и заросли трудно идентифицируемыми организмами. Во многих местах повреждены сами поверхности Муравейника, разъеденные чем-то патогенным до самих черных жил. Это похоже на язвы и струпья, сочащиеся гноем раны, и запах стоит соответствующий. Я прикрываю лицо ладонью от омерзения, но у меня руки чешутся поскорее все здесь отчистить. Так нельзя откладывать. Не знаю, страдает ли Муравейник или нет, скорее нет, но я очень даже страдаю за него.

Я возвращаюсь назад по коридору к главному залу, где стоят какие-то ящики, когда дверь в блок рывком распаивается. В проеме показывается коренастая фигура нашего перманентно сердитого куратора.

— Какого черта, что ты здесь делаешь?! — рычит она, забегая в коридор и останавливаясь, на мой взгляд, от меня слишком близко. Я отшатываюсь назад, но женщина снова сокращает дистанцию до некомфортной. — Одна? А если б тебя тут сожрал кто-нибудь, кто бы за это ответил?!

— Мы все проверили предварительно! — рывкает из-за ее спины обиженная таким недоверием вторая из пары искателей. — Весь блок зачищен!

— Да? — противным голосом переспрашивает куратор, молодецким движением забрасывая за спину объемистую сумку, висящую у нее на плече. — А это что?! — она указывает на нечто склизкое со множеством малюсеньких ножек и полупрозрачным аморфным телом, опрометчиво переползающее коридор.

— Да ради всего святого... — ворчит искательница, носком тяжелого ботинка отправляя это нечто в полет до противоположной стены, по которой оно расплывается лохматой лужицей.

— Теперь можно ваших подопечных запускать или вы все проинспектировать желаете? — сердито уточняет напарник женщины.

— Времени нет ни шиша, так что уж понадеюсь на вашу сознательность! — рычит на него наш куратор.

Искатели наконец запускают в блок всю нашу группу, которая неожиданно робко выстраивается вдоль стены в зале. Ящики, небрежно скинутые посреди этого помещения, открываются один за другим.

— Итак, — начинает инструктаж искательница, не скрывая пренебрежения, — слушайте сюда! Этот блок должен быть в самом скором времени переоборудован под новых жильцов, но прежде, чем сюда можно будет запустить квалифицированные кадры, тут нужно хотя бы начерно все отмыть. Ни одна гильдия не отправит своих людей копошиться в этом дерьме, но, к счастью, в этом году у них есть вы! Так что предлагаю следующее: вы сейчас быстренько разбираете мочалки и респираторы и до конца дня приводите это место в порядок. Для тех же, кто решит в очередной раз доказать свою никчемность у нас предусмотрены санкции, ясно? Кстати, кто-нибудь хочет поинтересоваться какие?! —

искательница недвусмысленно кладет руку на электрошокер в кобуре на боку.

Искатели с любопытством оглядываются вокруг, но так прямо сразу никто любопытство не проявляет. Только наша задира, старательно сохраняя безразличный вид, как бы делая всем одолжение, подходит к одному из ящиков и с отвращением вытаскивает оттуда кусок синтетики с тесемками.

— Это ни хрена не респираторы! — отмечает она брезгливо.

— Если ты такая умная, то как ты тут оказалась? — спрашивает искатель.

— Принимайтесь за дело, бестолочи! — снова начинает орать на всех наш куратор, и следующие полчаса не унимается ни на минуту. Потрясающие легкие у человека! Но все равно даже за это время, даже понукаемая словесно и физически, мои однокурсники не справляются с задачей разобрать скребки, мочалки и пульверизаторы с какой-то убийственной химией.

В создавшейся вокруг ящиков беспомощной толчее, я хватаю из каждого ящика по предмету, особо не разбираясь где что, и спешу покинуть место событий. Выскочив в коридор, отмечаю, что пара искателей заняла пост рядом с дверью в блок, так что теперь отсюда просто так никому не выйти. Ладно, сбегая от всех подальше, в комнату с изъязвленной стеной, и принимаюсь за работу.

Каким-то чудом меня никто не трогает следующие часа два. Даже никто не заходит. Я слышу только крики куратора, когда она, прохаживаясь по блоку, подбирается достаточно близко, но сюда она, кажется, так ни разу и не заглянула, что и к лучшему. Так что я преспокойно тру стены, предварительно брызгая на них этой жуткой желтоватой жидкостью из пульверизатора, едкий аромат которой преспокойно проходит через “респиратор”, так что я отворачиваюсь и пшикаю вслепую. Единственное, бережно и щадяще обрабатываю район “язвы”. В обоих случаях грязь и любое другое инородное Муравейнику покрытие отходят на ура, отслаивается, отваливается, отскабливается и стекает на пол и на мои ботинки.

Однако волшебное действие транквилятора заканчивается и даже спокойная монотонная работа не облегчает начавшую расти во мне тревогу. Прямо кожей чую, что вот-вот что-нибудь да случится. И что-нибудь не заставляет себя долго ждать.

В мою комнату заваливается одна из моих сокурсниц с одним ведром и губкой на раздвижной ручке. Я бросаю на нее лишь один беглый взгляд, чтобы убедиться, что это не Мра. Пол лица закрыто “респиратором”, но и так ясно, что это не она, а одна из ее прихлебательниц. Кажется, тихоня, особо не выступавшая раньше, но я бдительности не теряю. В общем-то, грязным в комнате остался лишь небольшой кусок стены, так что девушка, не сказав не слова, пристраивается со своей губкой рядом со мной.

Аккуратно, самую малость пшикаю на стену так, чтобы на попасть на свою “коллегую”, трудящуюся в двух шагах от меня, и, отдирая скребком очередной ломоть грязи, украдкой поглядываю на нее. Она бессмысленно протирает губкой другую часть стены с притворным вниманием глядя на никуда не девающиеся загрязнения. Ну и?

Через минуту к нам, наконец, заглядывает куратор и, пропыхтев что-то нечленораздельное, идет искать на кого поругаться дальше. Так, теперь могу предположить, что девушка рядом имитировала бурную деятельность ради этого обхода, просто желая примазаться к чужим результатам, и меня трогать не будет. Увы. Потерев стену, в одном месте она теперь продолжает тереть ее все ближе и ближе ко мне. В конце концов, грубо отталкивает меня в сторону и встает на мое место, так и не проронив ни слова и даже не

взглянув на меня, как будто меня тут вообще нет.

В удивлении я поднимаю с пола уроненный скребок и просто стою, не зная, что предпринять. Мне, конечно, обидно, но не драться же мне с ней? Может надо ее как-то словом на место поставить, но я таких слов, кажется, не знаю. Пока я думаю, эта деваха деловито обмакнув губку в ведро с водой, поворачивается и идет к уже чистой стене, по дороге пихнув меня так, что я падаю, на мокрый склизкий пол. Тихоня, тьма ее побери!

Мне непреодолимо хочется надеть ей это ее ведро ей же на голову! Только боюсь, чего-то в роде этого она и добивается.

— Надо же, какая я неловкая, — бурчу я, поднимаясь на ноги. Собрав все принесенные мной предметы, также не глядя больше на свою оппонентку, выхожу из комнаты и чуть не сталкиваюсь с куратором, которая как раз выходит из помещения напротив. Инстинктивно, прячусь от нее за колонну, хотя в этом нет особого смысла. Думаю, она успевает меня заметить, но, тем не менее, никак этого не показывает, размашистой походкой уплывая от меня по коридору. Интересно, что больше никуда она не заходит, только заглядывая через порог в другие комнаты, покрикивая и показывая кому-то кулак.

Я уже собираюсь отлипнуть от колонны и самой зайти в то помещение напротив, но вперед меня туда успевает проскользнуть Мра, взявшаяся как будто из ниоткуда. Причем кроме собственного рюкзака у нее с собой вроде бы ничего нет. Никаких чистящих средств, ничего. Тут у меня и возникает дурацкая мысль. В смысле, Редженс с Кейном ведь для чего-то запихнули меня именно в эту группу, может для того, чтобы я за кем-то подглядела, например? Конечно, они так и не объяснили мне ничего, так что мне бы и не рыпаться, но мышинные инстинкты мне покоя не дают — по крайней мере, я так себе объясняю свои дальнейшие действия.

Я оставляю свой скарб за колонной, чтобы не мешался, и быстренько пересекаю коридор. Наудачу заглядываю в то помещение напротив и, наскоро оглядевшись, забираюсь под куски гипсокартона, которые когда-то должно быть составляли перегородку, делящую довольно просторную комнату на части. По образованному таким образом очень узкому и грязному пространству, проползаю вперед до просвета между кусками. Из такой позиции пытаюсь увидеть, чем занимается Мра. А она похоже просто шарит вокруг и, когда я уже начинаю всерьез беспокоиться, не найдет ли она таким образом меня, девушка отодвигает дверцу у какого-то непонятного агрегата, вмонтированного в пол.

Из моего укрытия мне почти не видно, что она там делает, а по звуку не совсем ясно. Скорее всего, она что-то вынимает из своего рюкзака и что-то куда-то ставит. Или сама встает — дверца там такая, что человек запросто пролезет.

Не проходит и минуты, как Мра, закрывает обратно дверцу и вроде бы выбегает из комнаты. На всякий случай жду еще немного, прежде чем попытаться отодвинуть кусок гипсокартона и вылезти на свет. Выбираясь, старательно оглядываюсь, но в комнате явно больше никого нет.

Отряхиваюсь и подхожу к непонятной машине, с которой что-то делала Мра. Штуковина похожа на будку с какими-то креплениями. Открыв дверцу, я вижу только пустоту, впрочем, если присмотреться, пол этой будки возможно подвижен, причем один из углов заметно проседает. Перешагнув через крепления, я сначала пробую нажать на пол ладонью, придерживая второй рукой дверцу, но это неудобно, так что я ставлю туда ногу, и так получается отодвинуть пол будки немного вниз.

В принципе, если Мра положила сюда что-то тяжелое, то оно, наверное, своей

тяжестью заставило этот подвижный пол доставить себя вниз, уж не знаю зачем, ведь мы сейчас на нулевом уровне, а значит ниже уже запретные подземелья Муравейника.

Задумавшись, что же такое замышляет наша задира, получаю увесистый тычок в спину, может, даже от самой неисправной дверцы, и случайно переношу вес на ту ногу, что стоит внутри. И она начинает от меня уезжать. Схватившись за выступ в стенке кабинки, я вполне могла бы удержаться, но этот проржавелый кусочек решает уехать в темноту вместе со мной.

Все бы ничего, но по пути вниз на минус первый уровень оказывается, что у небольшой доставочной платформы, на которой я оказалась, не хватает какой-то очень важной детальки, так что проседавший угол, теперь провисает еще сильнее, и после рывка где-то посередине пути я, так и не найдя в темноте за что можно нормально уцепиться, лечу дальше вниз собственным ходом. Долетев, даже не разобравшись, где в итоге оказались мои руки-ноги, спешно пытаюсь подпрыгнуть, чтобы зацепиться и забраться обратно на платформу, но она похоже еще слишком высоко, и, освободившись от груза, уже едет обратно вверх.

Действительно, наверху загорается свет, и я вижу надо мной платформу, криво висящую таким образом, что также можно разглядеть часть силуэта человека, наклонившегося над образовавшейся в полу будки дырой. Этот человек светит на меня фонариком и, судя по всему, фотографирует. Поспешно делаю шаг назад, но платформа уже и так закрывает дыру, и я снова в кромешной темноте. На запретном минус первом уровне! Прекрасно! Такой душой я давно себя не чувствовала.

Много самоуничижающих ругательств спустя я, включив фонарик, обнаруживаю возле себя белый пакет, заклеенный липкой лентой. Вокруг полно всякого мусора, но на его фоне он выделяется. Скорее всего, его-то задира Мра и отправила вниз. Оторвать ленту в перчатках, которые все еще остаются у меня на руках, даже не пытаюсь, тем более дыра в самом пакете проделывается преспокойно. Внутри обнаруживаю целую прорву расфасованного в пакетики поменьше порошка. Первая мысль у меня о снотворном, которое так нужно подземным жителям в преддверии Ночи Мясного Человечка, но в такую внезапную щедрость от задиры верится слабо.

Впрочем, сейчас этот вопрос второстепенен. Провалившись на минус первый, я оказываюсь в очень опасной ситуации и фактически нарушаю закон. Вдобавок как бы отлыниваю от “практики”! Что ж, я представляю, в какую сторону нужно двигаться, чтобы выбраться на платформу, но дальше что? Этот пакет явно сброшен сюда для кого-то, кто придет за ним, но это не означает, что неподалеку на этот уровень обязательно устроен какой-то скрытый, но постоянный спуск.

Слышу шаги за своей спиной и панически прыгаю за первое попавшееся укрытие — старый диван с разорванной обивкой и торчащими из сидения пружинами. Не лучший выбор. Здесь так воняет чьими-то отходами жизнедеятельности, что приходится зажать нос рукой. Невозможно тянет включить фонарик, чтобы скорее удостовериться, что не вляпалась в источник вони, но нельзя. Терплю, скрючившись на корточках за мерзкой на ощупь спинкой дивана.

Тот, кто приближается ко мне в темноте, движется неспешно, шаркая подошвами по полу. Скопившийся мусор, особенно пустые банки, с грохотом укатывающиеся в стороны при столкновении с ногами, дополнительно указывают мне маршрут продвижения незнакомца. Вскоре становится понятно, что он или она идет один. Поколебавшись, чуть выглядываю из укрытия и вижу, что этот человек — а больше я никого не ожидаю повстречать в подземельях днем — держит перед собой фонарик, но свет очень слабый, такой, какой рекомендовано использовать при походах по минусовым уровням, чтобы случайно не разбудить спящих по углам обитателей подземелий. Впрочем, еще настоятельнее рекомендуется не шуметь, а этим советом неизвестный кощунственно пренебрегает. Видимо, уверен, что тут его никто кроме белого пакета не ждет. Именно к нему он подходит, не без труда поднимает с пола и, без осмотра сунув подмышку, поворачивается, чтобы тем же путем отсюда уйти. Обратно человек продвигается уже быстрее, но ноги у меня уже успели затечь из-за неудачно принятой позы, так что я встаю из-за дивана раньше, чем незнакомец успевает покинуть помещение — все равно он вряд ли оглянется назад, а если и оглянется, не разглядит.

Выждав секунд пятнадцать, включаю свой фонарик и, аккуратно переступая ногами, выхожу из комнаты. Планировка уровня мне известна, то есть она должна быть такой же, как на уровне выше, так что я прекрасно знаю, куда мне идти. Нужно только соблюдать тишину и все будет нормально — пытаюсь уверить себя, и у меня пока что неплохо это получается, хотя действие транквилятора почти вышло.

На выходе в коридор замечаю идущий по полу толстый кабель, который почти сливается по цвету с грязным полом, но мне удастся проследить его до входа в зал, и хотя

туда мне не надо, не удерживаюсь, чтобы не заглянуть внутрь.

В темноте зала вижу несколько больших пятен света. Это светятся лампы обогревателей, установленных на некотором расстоянии друг от друга. Поблизости от них находится еще порядка дюжины людей. Они все сидят или лежат на чем-то вроде матрасов или спортивных матов, едва видных из-под куч тряпья, но курьер с белым пакетом вызывает среди них вялое оживление. Он пытается разорвать этот пакет, так и не заметив, похоже, что в нем и так уже есть дыра. Кто-то еще из людей встает и подходит к нему, скинув с себя грязные одеяла, и я имею возможность лучше их рассмотреть.

Теперь я уже сомневаюсь в том, что наблюдаю за людьми. То есть, нет, конечно, это люди, или, по крайней мере, были ими. Очень худые, с болезненными, будто высохшими лицами, но как они двигаются! Тот, что ходил за пакетом, еще шустрый. Женщина же с длинными спутанными волосами подходит к нему медленно на полусогнутых и так и встает рядом с ним, странно вихляясь всем телом. В глаза бросаются трогательные белые носочки с кружевом поверху на худых широко расставленных, чтобы не упасть, ногах. Мужчина с трудом приближается к ним, словно приседая на каждом шагу. Еще один так и не дошел и стоит теперь в дикой позе, свесив голову между колен.

У меня мелькает мысль, что мне пора убираться отсюда, прямо перед тем, как весь свет в зале внезапно гаснет. Вместе с крошечной тьмой также становится и очень тихо. Я пачусь назад, чтобы отойти от входа и засветить свой фонарик, и только секунд через десять слышу, наконец, возмущенные и недоуменные крики от тех самых людей или существ. Сейчас они уже, наверное, идут выяснять, что случилось, полагаю, в ту первую комнату, из которой идет кабель, но могут и заметить меня в другом конце коридора с моим включенным фонарем. Постоянно оглядываясь, я стремлюсь скорее исчезнуть с прямой видимости, но дорогу мне преграждает тяжелая металлическая дверь! Закрытая, конечно.

Приходится снова выключить фонарик и ждать. Вдалеке я слышу невнятный разговор, мелькают огоньки от слабеньких фонариков. Эти люди все зачем-то ходят туда-сюда, что-то обсуждают, и наконец, уже издегав мне все нервы, удаляются, я уже даже не замечаю, в какое именно из помещений.

В который раз включаю свой фонарь и изучаю чертову дверь. Дергаю за ручку, но она заперта, что и следовало ожидать. Не уверена, что те люди, что и ходят-то с трудом, могут представлять большую опасность, но я отчаянно не хочу вступать с ними в контакт, возможно, потому что действие транквилятора окончательно закончилось, и тошнотворный ужас накатывает на меня ледяными волнами от одной мысли об этом. Поэтому я панически поворачиваю ручку двери и дергаю снова и снова, потом пытаюсь разобраться, что за замок здесь стоит, хотя найти ключ мне все равно не светит.

И все же. Замок, видимо, закрыт вот этой стальной пластиной. Поломав себе два ногтя отодвигаю ее и вижу замочную скважину глубоко в толстенной двери. Здесь нужен металлический ключ или что-то, что можно использовать в качестве отмычки и зря я ничего подобного с собой не ношу, как предусмотрительно делает Лекс, так что у меня тут и шанса-то никакого! В панике я рыскаю возле двери в надежде найти припрятанный запасной ключ и трачу на это непозволительно много времени. Или мне только так кажется с перепуга. В конце концов, свечу фонариком вверх и вижу нечто похожее, висящее высоко на нитке сбоку от двери.

Только подпрыгнув, мне с третьего раза удается ухватиться за ключ так, чтобы сдернуть его с нитки. Вряд ли такое расположение удобно для тех тщедушных и не слишком рослых

человечков в зале. Да и на сам ключ приходится подналечь, чтобы повернуть его в замке. Полагаю, он здесь вовсе не для них, так что, выскочив за дверь, я на секунду задумываюсь, в каком положении ее оставить. Не находятся ли те люди здесь в заточении? Но уже в следующую секунду я чувствую, как что-то падает мне на шею, а потом это что-то роняет меня на пол и тащит за шиворот куда-то в сторону.

Целую секунду я чувствовала облегчение от отвоеванной свободы и вдруг снова беспомощно трепыхаюсь, пока еду по полу непонятно куда! В темноте и почти что в тишине. Что-то я все-таки слышу, так что прекращаю бузить, тем более что дергаться пока что, по-видимому, все равно бесполезно. Чья-то железная хватка сграбастала существенную часть кофты и ее горловина больно врезается в шею, придушивая меня. Но кроме шума в ушах и шуршания от протаскивания меня по шершавому полу, я слышу чей-то шепот. Человеческий шепот! Что ж такое. Не знаю, что чувствовать. Лучше б, наверное, меня сожрали монстры подземелий!

Оттащив на порядочное расстояние, меня отпускают. Развернувшись, поднимаю фонарик и вижу в его свете лицо Райли. Очень недовольное.

— Что ты здесь делаешь?! — спрашиваю я ее.

— Работаю, тьма тебя раздери! Это ТЫ что здесь делаешь?! — интересуется она эмоционально, но тихо. Она затащила меня в один из тесных закутков Муравейника, так что я хоть и понимаю, что рядом должны быть и другие стражи, но никого не вижу.

— Я случайно сюда упала, — поясняю нервно.

— Случайно, ага! — Райли хмыкает. Она выглядит озабоченно. — Быстро говори, что ты там видела.

Я честно пытаюсь быстро рассказать ей про тех странных людей, пока не понимаю, что их описание — это вовсе не то, что ее волнует. Важно только то, что им пришла посылка с порошками, и то, что им кто-то отключил свет. Услышав об этом, Райли тут же подхватывается.

— Ладно, вали! Вали, вали, вали, — торопит она, уносясь обратно к своим. А мне нужно вернуться обратно на практику. Каким-то образом. Одно хорошо, раз стражи здесь, то неподалеку они должны были организовать себе какой-то способ подъема наверх.

Действительно, сориентировавшись, выбираюсь кратчайшим путем на платформу и довольно быстро нахожу спущенную с нулевого веревочную лестницу. Это значит, одной проблемой меньше. Осталось только пройти мимо искателей, караулящих блок, в котором я в данный момент должна заниматься практикой, и заняться практикой, пока никто не заметил, что я ей не занимаюсь. Чтобы оттянуть этот волнующий момент хотя бы на минуточку, захожу в общественный туалет хотя бы умыться.

А я уже и забыла, какие поганые на нулевом общественные места! Грязь, запах; над щербатой раковиной приклеен осколок зеркала, в который вижу только один свой глаз. Отворачиваю подтекающий кран, и только после этого стаскиваю, наконец, кажется, ввевшиеся в кожу резиновые перчатки. Наскоро умываюсь, размышляя, что же мне сейчас делать. Действие транквилятора окончательно прекратилось, а наверняка нужно действовать как Лекс в таких случаях, то есть нагло и уверенно — как я без соответствующей подпитки не умею. Ну и? Выбора все равно нет...

Иду прямо к двери, возле которой на раскладных стульях устроились двое искателей, так сказать ныряю в ситуацию, не имея ни малейшего представления, что им скажу.

— Э, ты как здесь оказалась? — спрашивает искатель, от удивления привставая с места.

— Я вышла умыться, — отвечаю я первое, что приходит в голову.

Искатель оглядывает меня и вопросительно приподнимает брови. Я тоже оглядываю себя, как могу — ну, точно, я вся покрыта пылью и грязью, кроме лица, видимо.

— Ладно, — отмахивается мужчина. — Но как ты вышла? Мы тебя не видели, — он оглядывается на свою напарницу, та подтверждая кивает.

— Я...не знаю, — с искренней растерянностью говорю я. — Должно быть, вы не обратили внимания...

— Да как такое?!.. Иди работай! — отшивает меня искатель, опускаясь обратно на стул.

Я рывком тяну на себя тяжелую дверь блока и очень быстро проскальзываю внутрь. Немного радуюсь своей удаче ровно до тех пор, как на пути к оставленным мной за колонной чистящим средствам меня ловит наш куратор.

— Прохлаждаешься?! — громко интересуется она. — Куда это ты выходила? — Она угрожающе наступает на меня, и тут из дверей в коридор один за другим появляются мои однокурсники, привлеченные сменой темы ее криков.

— Я просто вышла умыться... — пытаюсь проиграть ту же песню.

— Ну, да, конечно, — куратор подходит ко мне вплотную, вперившись взглядом в мою грудь. — А это еще что? — Не успеваю понять, о чем она, как она сдергивает с моей груди злосчастный медальон, который, очевидно, выскочил у меня из-под футболки. — Дорогая вещица. Ты ее украла?!

— Конечно, нет! — Возмущенно лепечу я. — Это подарок.

— Я проверю! — Куратор прячет медальон к себе в карман. — Если это вдруг действительно, — она делает презрительную паузу, давая понять, что уверена — это не так, — подарок, то я верну его тебе на личной отработке, ясно?! Послезавтра в моем кабинете! Не явишься — пинай на себя! Коза драная, — с такими словами она злобно зыркает на меня, потом на других. — Чего встали? За работу, лодыри недочморенные!

Домой я несусь как ветер, но только в своей голове. Я так устала, что еле передвигаю ноги, и не столько физически, сколько эмоционально. Сегодня так много всего произошло и столько вопросов оставило! Мысли об этом роятся вокруг меня словно мухи, и я действительно чувствую себя как то, вокруг чего они любят роиться. Ненавижу себя!

Добравшись до апартаментов Редженса, прямой наводкой ползу в свою комнату, а там залезаю в шкаф. Вообще-то шкаф представляет собой раздвижные двери, закрывающие выступы в стене Муравейника, которые формируют маленькую пещерку с полочками. Я постелила внизу одеяло, поставила лампу, посадила плюшевого медвежонка Потапа — получилась уютная норка для Мышки. Теперь я залезаю туда и, закрывшись и не включая свет, сижу и пытаюсь систематизировать собственные воспоминания, сцены из которых так и летают вокруг меня в темноте.

Зачем Алан пригласил меня в ресторан? Выговориться? Что он не успел рассказать? Почему он не покинул когарт матери Редженса, когда ему исполнилось девять? Является ли несчастливое детство Кейна причиной его теперешнего поведения? Чем мне грозит сегодняшнее падение на минус первый уровень и как мне выцарапать медальон обратно, пока Редженс ни о чем не узнал? Но главное — неужели Редженс и эта новая девушка Пия так близки, как она говорит?!

Все это сводит меня с ума, да еще кто-то звонит в дверь! Смотрю время на планшете, хм, уже довольно поздно, так что возможно это молодые стражи и это, думаю, моя обязанность их впустить.

Открываю входную дверь, так и не поняв, что именно я вижу на экране домофона. А, теперь понимаю — это бант! С той стороны порога стоит Пия и лучезарно мне улыбается.

— Приветствую снова, — говорит она, — как хорошо, что мы уже успели познакомиться! Ты ведь не пустила бы в дом полную незнакомку. Как мне Редженс рассказывал, ты очень осторожная — ну и правильно! А я вот люблю риск и иногда сама себе удивляюсь! Редженсу все время приходится вытаскивать меня из всяких передраг, и он мне все время ставит тебя в пример, знаешь? Вот Вета никогда бы такого не выкинула...

Пия продолжает болтать что-то в этом роде, и у меня возникает неприятное ощущение, что она, хм, она что, пытается меня обмануть? Она лжет во всем или только вот в этих деталях? Может, она просто увлеклась, в силу вот такого вот своего характера, и теперь несет какую-то чушь ненамеренно?

— Ой, прости, я опять заболталась, — одергивает Пия сама себя к моему облегчению. Но не долгому. — Проводи меня в спальню Редженса, у меня для него небольшой приятный сюрпризик! — она качает пакетом, который держит в руках. — Мне понадобится немного твоей помощи.

Пия пытается войти, но я преграждаю ей путь, оперевшись рукой в дверной косяк.

— Извини, но у Редженса жесткое правило — никого не пускать без его разрешения. А он даже не говорил мне о тебе.

— Понимаю, — качает головой Пия. — Ты немножко ревнуешь, да? Это ничего, естественное чувство.

Да, она меня немножко раскусила, но только лишь из ревности я бы не стала ей препятствовать, не считая себя в праве это делать. Редженс действительно не любит пускать

кого-то в свое жизненное пространство (его подопочные молодые стражи не в счет — он несет за них ответственность, так что с этим он смирился). Так что даже если Пия и вправду близка с моим шинардом, он рассердится на меня, если я впущу ее без его ведома и разрешения. Надеюсь, я правильно понимаю ситуацию. Я почти уверена, что правильно. Почти. Поэтому выгляжу неуверенно.

Пия со всепрощающей, понимающей улыбкой пытается проскочить под моей рукой, но мне удается пресечь этот маневр, выдвинув в эту сторону ногу.

— Извини! — прошу прощения, случайно пнул ее пакет. Внутри что-то мягкое.

И вдруг я вижу подходящего Редженса! Выглядит он реально страшно! Мимикой он как обычно не сильно выдает свои эмоции, но все равно чувствуется, что он чертовски зол. У меня ноги подкашиваются, так как в первую секунду я принимаю его ярость на свой счет. Но подскочив к Пии, он хватает ее за одежду и буквально оттаскивает от двери.

— О, Редженс! Зачем ты так?! — взвизгивает Пия. Упав на пол, она поворачивает к нему удивленное испуганное лицо. — Я хотела устроить тебе сюрприз!

— Довольно сюрпризов. Никогда сюда больше не приходи, — рывкает Редженс.

— Но, когда ты на работе, ты тоже не разрешаешь мне к себе подходить! Когда же мы будем вместе? — Все еще стоя на коленях, девушка делает движение к нему.

И тут в руке Редженса вдруг появляется плеть. Он замахивается, Пия, отпрянув, отворачивается и закрывает лицо ладонью. Я жду, что он, просто припугнув ее, сейчас опустит плеть, но он протягивает несчастную девушку плетью по спине. Пия кричит и с рыданием пытается уползти. Редженс опускает плеть и делает шаг назад, наблюдает, как та в слезах уходит.

Я в ступоре. Редженс проходит мимо меня и останавливается посреди гостиной.

Закрываю дверь и встаю подле него. Мне хочется объяснений, но у меня голос пропал от испуга и по моему шинарду видно, что он еще не успокоился.

— Ты уже поняла, что ее нельзя сюда пускать? — спрашивает Редженс секунд через десять.

— Да, — неслышно подтверждаю я.

— У этой девки мания. Она считает, что у нас с ней отношения и переубедить ее невозможно, — поясняет Редженс. Я киваю, как будто эта фраза все объясняет. — Один раз с ней переспал! Один! — рычит мой шинард.

И тут в помещение влетает чем-то довольный Кейн.

— У меня отличная новость! — орет он и сгребает меня в охапку. — У Кирилла самая отстойная группа! — Он кружит меня по гостиной, потом закидывает на плечо и снова кружит. Его плечо больно врезается в мой живот, но вообще забавно! — Они его так довели, что он... — Кейн опускает меня на пол, и несколько секунд кажется, что мир кружится вокруг меня. А теперь вокруг дивана, на который я упала! — Кирилл сам починил проводку. По книжке. Просто взял и починил. А потом мы вместе подвесили нашего электрика над пропастью! Думаю, это придаст ему скорости в следующий раз! Так что молодняк больше у нас не ночует. Есть что-нибудь пожрать?

Поскольку этой ночью мы с Редженсом снова остались одни, он пошел спать к себе (конечно после того как в комнате и запаха чужеродного не осталось, так я все выдраила). А я соответственно к себе. На матрас в своем модуле я кладу Счастливого и Потапа, но все равно чувствую пустоту. Грустно, тем не менее, засыпаю я быстро. А просыпаюсь от чужого

прикосновения.

Очень странно и страшно. Не двигаюсь, вглядываясь в темноту, прислушиваюсь, но ни шороха, ни дыхания не слышно. Никакого самого слабого дуновения воздуха. Ощущение, что рядом с модулем никого нет. Возможно, прикосновение мне просто приснилось. Я тяну руку, чтобы нащупать выключатель света в модуле, чтобы узнать наверняка.

И тут меня снова что-то касается, более того начинает резво ползти по моей голой ноге! Теперь уже в ужасе я врубаю свет и вижу на себе огромное волосатое чудовище!

Ну, хорошо. Это паук размером с мой кулак. Содрогнувшись и телом, и душой, я спихиваю с себя косматого монстра и вылетаю из модуля. Гляжу, как испуганное чудовище забивается под Счастливчика.

Так. Наверняка это один из питомцев Кейна, которого вполне возможно, я почти уверена, он притащил сюда специально, а значит, он безвреден. Ну, сейчас я ему как-нибудь отомщу! И за себя, и за Ристику с многоножкой и за Лекса с крокодилком!

Сбежав на кухню, осторожно заглядывая за каждый угол, ожидая увидеть там давящегося смехом Кейна, я притаскиваю в комнату большой мерный стакан, ловлю в него паука и закрываю его сверху книжкой. Теперь можно идти мстить!

Поставив свет фонаря на самый минимум, осторожно перехожу по галерее, соединяющей апартаменты двух офицеров, на другую сторону и на цыпочках иду к комнате Кейна. Пока все тихо. Дверь туда стоит открытой. Прежде чем подобраться к его спальному модулю, едва дыша, осматриваю саму комнату, чтобы не нарваться на какой-нибудь сюрприз. Здесь творится настоящий хаос, какие-то фиговины свисают с потолка — в общем, ничего подозрительного.

Кейн лежит на животе глубоко в модуле, лицом к его задней стенке. Вроде бы даже спит. Оставляю фонарик так, что еле-еле могу что-то разглядеть, зато свет от него не должен разбудить мою жертву. На вытянутых руках держу мерный стакан с пауком, подхожу вплотную к модулю, но тут замечаю, что в изголовье постели внутри модуля к его поверхности прикручены наручники. Для каких-то сексуальных игр не иначе. Я не удивлена. Поставив стакан, осторожно зацепляю одним из наручников лежащую ближе ко мне руку Кейна. Тихий щелчок. Так, теперь можно чувствовать себя уверенней. Хотя уже сейчас, признаться, я понимаю, что моя авантюра просто убийственна, но не могу остановиться.

Теперь я снимаю книжку со стакана и стараюсь вытряхнуть паука на голую спину Кейна. Умное членистоногое противится этому, как может. Мне приходится взять паучка (это я его так ласково сейчас называю, потому что держу это чудовище в руке), встать коленом на матрас и...

Кейн к кошачьей грацией, зараза такая, подскакивает на матрасе, оборачиваясь, и свободной рукой сграбастав меня, валит на постель, подминает под себя. Не знаю, куда улетает паук, но кажется, это он радостно кричит уи-и-и... Еще бы, он то свободен пока.

Кейн, навалившись сверху, проделывает какую-то манипуляцию с наручником, скидывает со своего запястья браслет и защелкивает на моем.

— Я знал, что ты когда-нибудь сама ко мне придешь, — шипит Кейн, задирая на мне ночную рубашку.

Ой, как неловко!

— Нет, я только паука твоего принесла! — выговариваю я, ерзя всем телом. Склонившись, Кейн то целует, то кусает мою кожу под рубашкой, спускаясь все ниже.

— И правильно сделала, — мурчит он между делом.

Мне удастся, наконец, понять, точнее нащупать, секрет наручника, и вырвать руку из него очень вовремя. Выворачиваюсь из-под Кейна и грохаюсь на пол.

— Эй, распалила меня и смываешься? — то ли обиженно, то ли насмешливо спрашивает Кейн. Я даю деру с такой скоростью, что не помню, как оказываюсь уже на галерее. Пробегаю ее все так же на цыпочках, пролетаю в свою комнату и прячусь в шкаф! Фух.

Позорище-то какое!

На следующее утро подаю завтрак на кухне заранее, а сама закрываюсь у себя в комнате. Стою перед зеркалом и рассматриваю россыпь синяков от засосов и следов от зубов Кейна. Сама виновата! Это же надо было так лохануться! О чем я только думала?!

Стук в дверь сначала приводит меня в панику, но потом решаю, что даже если это Кейн пришел позубоскалить надо мной, я это переживу. Почти что уверено открываю дверь, но за нею стоит Лекс.

— Ты чего закрылась? У меня новости интересные.

— А Кейн с Редженсом уже ушли? — прежде всего, спрашиваю я.

— Ушли, а что?

— А меня Кейн покусал, — по-простому признаюсь я, демонстрируя ему один из укусов у себя на животе.

— И теперь в полнолуние ты превратишься еще в одного Кейна? В смысле, почему он тебя покусал?

Рассказываю другу, как по-дурачки я поступила, и он конечно согласен с тем, что по-дурачки, но все же великодушно проявляет сочувствие.

— В следующий раз вдвоем пойдем, — усмехается он. — И крокодила прихватим! Вот веселуха-то будет!

— Ладно, ты намекал, что расскажешь что-то интересное, — напоминаю я.

— Ну, теперь я уже не уверен, что это настолько интересно. По сравнению с твоими новостями.

— Да, ладно, давай, колись.

— Маргарета наконец нашла-расшифровала запись о том, куда наш второй пропавший подмастерье ходил перед своим исчезновением чинить протечку. У меня есть координаты, так что пошли... если конечно здоровьечко позволяет. Тебя не мутит? Не чувствуешь смутного желания выпить чьей-нибудь крови?

— Пока нет. Думаю что до следующего полнолуния я буду в порядке. — Меняю тему: — Так, а первый пропавший подмастерье тоже мог ходить смотреть протечку перед исчезновением?

— Это возможно, но точно не известно. Об этом Маргарета никаких записей не нашла, потому что... ну, в общем, ты знаешь. Нам повезло, что она нашла хоть что-то.

При входе в технические тоннели через специальный вход для техников ощущаю всплеск адреналина. Несмотря на темноту, прорезаемую лишь лучами наших фонарей, мир здесь кажется ярче, богаче на ощущения. Наверное, все потому, что эти тоннели ассоциируются у меня с приключениями, хотя в них вполне безопасно. Вероятность наткнуться на монстра из подземелий Муравейника, случайно забредшего сюда ночью, крайне мала, ведь по идее, все входы в тоннели по правилам должны стоять запертыми, а гильдия искателей регулярно прочесывает эти помещения на случай халатности или взлома. И все же, не может быть такого, чтобы мы сейчас не набрали на что-нибудь интересное, просто не может!

Но однотипные коридоры и залы тянутся, кажется, бесконечно. Повсюду трубы и проводка разной степени новизны, ухоженности и загрязнения. Убираются в этих тоннелях

по мере надобности, а надобность оценивается обычно нулевой, что бы тут такого не произошло, хоть массовая резня, хоть авария, хоть крыска нагадила. Запахи соответствующие. Хотя, наверное, если бы начало тянуть падалью в жилые апартаменты или кабинет какого-нибудь начальника, то послали бы кого-нибудь, вроде бригады отщепенцев из моих однокурсников.

— Еще Маргарета сказала, что ей досталось несколько билетов на специальный концерт перед Ночью Мясного Человечка, — информирует меня Лекс, как раз когда мы подходим к любопытной металлической двери, закрывающей вход в один из технических залов. Кажется, ее грызли. — Она хотела бы пойти с нами. Пойдешь?

— Да, конечно, — отвечаю обрадованно. Там, конечно, будет целая толпа народа, но я никогда-никогда не бывала ни на чем подобном! Мне страшно и интересно одновременно.

Лекс на всякий случай дергает ручку двери, но последняя заперта.

— Нам не сюда, — поясняет он.

Но вскоре мы уже добираемся до того места, где Лекс, сверившись в планшетом, говорит уверенное “здесь!”. И оно практически ничем не отличается от всех тех мест, что мы прошли. Разделившись, начинаем тщательно все обыскивать, заглядывая в самые ничтожные закутки и прогалы между трубами, среди торчащей кое-где изоляции, осколков, обрывков и прочего мусора. Мы успеваем отойти довольно далеко друг от друга, прежде чем Лексу удастся что-то найти.

— Вот, смотри, — подзывает он меня.

Лекс указывает на экран, закрывающий вход в чьи-то апартаменты. В нем проделана небольшая дырочка, из которой тянется электрический кабель. Явно это проводка не узаконена. Но может ли она быть причиной исчезновения двух людей?

— Ну, не знаю, может подмастерья обнаруживали это подключение и, заинтересовавшись, начали подслушивать у экрана, в конце концов, услышав-таки что-то не то? — предполагает Лекс.

— А почему они тогда просто не позволили разбираться с этим страже?

— Может, они, прежде всего, сказали об этом Енеке, а он наплел им что-нибудь? Они, может, не поверили и решили разобраться с этим самостоятельно.

— Все равно странно, кабель, конечно, плохо заметен, если специально не искать, но неужели, если уже кто-то увидел этот кабель, и от этого человека пришлось избавиться, неужели некие преступники оставили бы все как есть? Зная, что будет и второй подмастерье и что он тоже может заметить кабель, а потом и третий. И что, так избавляться от одного подмастерья за другим?

— Это глупо, да, но нужно отдать людям должное, люди, бывает, совершают глупые поступки.

— Ладно, по любому, нам нужно узнать, что это за апартаменты и что в них такое происходит, — предлагаю я.

Мы идем домой, устраиваемся в моей комнате и загружаем из сети подробную схему Муравейника, чтобы понять, по какому адресу находятся искомые апартаменты. Пока мы этим занимаемся, заходит Ристика.

— У меня сегодня свободный день, мне скучно, — жалуется она. — Можно я тоже присоединюсь к вашему расследованию?

Мы вводим ее в курс дел на данный момент. Потом, посоветовавшись, отправляем найденный адрес Кейт. Она отвечает нам только через час, но все же отвечает!

Итак, апартаменты принадлежат восьмидесятисемилетней Эфи Лукреции Акуил, где она проживает одна, с тех пор как вышла на пенсию. Она входит в научную гильдию и раньше имела гораздо более высокий статус, но причина, по которой ее понизили, не указана. Хотя, насколько я понимаю, гильдии могут понижать людей в статусе по самым разным поводам на свое усмотрение, даже самым незначительным. Может она просто поругалась с кем-то. Вовсе не обязательно это должно быть какое-то преступление, опять-таки, совершала ли Эфи какие-либо нарушения закона в краткой справке от Кейт не указано.

— Давайте заглянем к ней? — предлагает Ристика. — Скажем, что пришли от гильдии навестить ее. Лекс якобы проверить сантехнику, а Вета, скажем, провести уборку. Так делается, я знаю. Это организуют социальные службы, которые есть у каждой гильдии. К моей родственнице приходили, когда я ее навещала.

— Отличная идея, — соглашается Лекс. — У них есть какие-нибудь значки специальные или удостоверения?

— Я не видела, чтобы они что-то показывали, — Ристика улыбается, — и меня возьмите.

— Прямо всей толпой пойдём? Это не напугает старушку?

— А я с подарком приду! — восклицает Ристика и подпрыгивает с места, — у меня есть классная корзина большая и мыло, которое я сама сварила, много разного. С засушенными цветами и разными отдушками.

— Можем, еще положить каких-нибудь фруктов или конфет, — подхватываю я.

— Ладно, толпой, но с подарком, — соглашается Лекс.

Апартаменты Эфи расположены в очень приличном блоке без какого-либо тематического оформления, зато уютном и с собственным рестораником. Мы раза три перегруппировываемся перед входной дверью, не уверенные что не напугаем старушку. У меня в руках швабра, у Ристики ее подарочная корзинка, у Лекса чемоданчик с инструментами.

Открывает нам пожилая женщина, выглядящая для своих лет очень даже бодро, настолько, что могла бы быть своей дочерью. Но Лекс уточняет, кого мы собственно имеем честь лицезреть, и это оказывается все-таки Эфи. Ни на секунду не перестающая лучезарно улыбаться Ристика берет инициативу на себя и представляет женщине нашу легенду. Последняя, кажется, вполне удовлетворяет нашу клиентку, и она пропускает нас внутрь. Походка Эфи, когда она ведет нас в гостиную, все же выдает ее почтенный возраст. Однако стоит ей остановиться и, повернувшись к нам, предложить присаживаться на большой бежевый диван, как ей снова минус лет двадцать. Чудеса восприятия!

— Если не возражаете, мы бы лучше сразу прошли посмотреть ваш санузел, — говорит Лекс, а вот Ристика сразу плюхается на диван вместе с корзинкой.

Пока нам везет. Кроме хозяйки в апартаментах, похоже, никого нет. Сама Эфи остается болтать с Ристикой и разглядывать разнообразное содержимое ее корзинки, пока мы с Лексом, предоставленные сами себе, идем изучать комнаты. Это несколько чисто прибранных уютных помещений. Две спальни, кабинет со вставленными в рамы геологическими картами и большим книжным шкафом, душевая и туалет, плюс одна комната внушающая интерес в самой глубине апартаментов. Дверь в нее выбивается из единого стиля — тяжелая, несовременная, закрывающаяся на металлический ключ. Впрочем, этот ключ торчит прямо в замке — не слишком правильно хранить так секреты.

Ладно, ничего более подозрительного мы все равно не нашли.

Лекс поворачивает ключ и осторожно приоткрывает дверь. Она с тихим скрипом уходит внутрь, луч фонаря Лекса падает на покрытый пленкой пол. Сердце сразу екает.

Тихонько заходим внутрь и быстро осматриваемся. Помещение все — стены, пол, потолок — покрыто прибитой толстой прозрачной пленкой. Стоят длинные ящики с землей и какими-то невысокими растениями, на которые светят фиолетовым светом большие лампы — вот что питает тот кабель, что мы нашли. В большой кадке мокнет что-то растительное.

Мы подходим к ящикам, здесь очень тепло, прямо жарко. А еще влажно — увлажнитель воздуха работает вовсю. По земле в ящиках бегают большие темно-коричневые муравьи. Они подхватывают бурые кусочки какой-то грязи и тащат в отверстия в земле.

— Смотри, — Лекс указывает на что-то еще — судя по всему белое, немного торчащее из-под комков грязи. Друг отдает мне свой фонарик, который ему сейчас не нужен, и смахивает комки с этой непонятной почти гладкой округлой поверхности. Пока яснее не стало.

Поколебавшись, Лекс разрывает землю вокруг странной штуки. Муравьи явно не в восторге от этой идеи и пытаются кусаться. Тем не менее, все больше и больше белой (в свете ламп фиолетовой) поверхности показывается нам из земли.

Череп! Немного деформированный человеческий череп в комьях прилипшей грязи. Лекс не успевает расчистить его весь, но мы явно видим черепную коробку и провалы глазниц, когда дверь за нами с грохотом захлопывается. Вчера, помнится, уже происходило что-то похожее. Ну, ничему меня жизнь не учит!

Я первая подбегаю к двери, в которой слышу, как проворачивается ключ. Затем в двери со щелчком открывается маленькое окошечко, и я вижу чей-то глаз, поцарапанную щеку и проколотый нос. Этих частей достаточно, чтобы опознать задиру Мру, и ее резкий громкий голос только подтверждает догадку.

— Эй, что это вы прикопались к моей бабке?! — орет она так, что Эфи из гостиной наверняка слышит, даже если у нее есть большие возрастные проблемы со слухом. Почти уверена, что и соседи слышат. Даже если их нет дома. — Или это ты МЕНЯ пасешь?! — ярится она. — То подглядывала за мной в этом сраном блоке на нулевом, а теперь сюда приперлась! Что тебе от меня надо?! Или под бабушку мою копаешь?! — Она все повторяет и повторяет практически одно и то же, не давая мне вставить и слова.

Ну, вот же совпадение какое неприятное! Эфи, значит, родственница моей треклятой вражины, за которой я, сама не знаю по какой дурости, действительно вчера проследила и, очевидно, попалась при этом. Но как же тихо эта громкая девчонка умеет передвигаться! Да и где она пряталась-то, когда мы пришли? Вроде все апартаменты осмотрели.

— Тебе конец, коза! Я тебя вчера сфоткала рядом с техлифтом, на котором наркоту зомбакам спускали! — Меняет тему Мра. — Я тебя сейчас страже сдам, поняла?! Узнаешь, как к бабке моей лезть!

— Только не вызывай стражу! — надломленным голосом умоляет где-то за дверью Эфи. — Мирабель, родненькая, только не зови их сюда!

Мирабель! Меня это почему-то больше всего подкосило. На самом деле задиру зовут Мирабель, а не Мра, как она представляется! Так миленько...

— Э, Мирабель, послушай-ка, — вклинивается Лекс, подвинув меня от окошка...

— Мирабель я только для бабушки! — визжит задира.

— Короче, у бабушки тут явная запрещенка в этой темной комнатке, — продолжает

Лекс. — Так что стражу не зови, и фотку им эту не отправляй!

— А то что?! — задиристо рычит Мирабель, хотя и так ясно что.

— А то плохо будет бабушке, — поясняет Лекс.

— Да что такое там у тебя?! — рывкает Мирабель.

Мы с Лексом по очереди заглядываем в маленькое окошко, разглядывая кусочки разворачивающейся за дверью сцены, задиры с телефоном и молитвенно сложенных рук Эфи. Ристики там как будто нет. Надеюсь, про нее Эфи просто забыла, а Мирабель и не видела.

— Огородик у меня там небольшой, — признается Эфи, — совсем маленький, но незаконный. Не надо стражу звать, внучка. Этим же отморозкам все равно сколько мне лет. Измордуют старую женщину до смерти, и вся недолга!

— Знаю, знаю, — успокоительно рычит Мирабель. — Так чего нам теперь с ними делать?

— Давайте, баш на баш, — предлагает Лекс в окошко. — Мы не скажем никому...

Мирабель хлопывает окошко, обаяние Лекса на нее почему-то не действует. Тем не менее, мы все равно слышим продолжение разговора за дверью.

— Да я позвоню, кому следует, и они с ними сами разберутся, — уведомляет нас всех Эфи, добрым бабушкиным голосом.

— А кому следует? — интересуется ее внучка.

— Да не бери в голову, Мирабель, душенька моя, пойдем лучше я тебе горячего шоколада налью.

— С такими маленькими зефирками, как в кино? — спрашивает это милое татуированное громогласное существо.

— А нам зефирки полагаются? — кричит Лекс из-за двери, но его не удостоивают ответа. — Ну, раз не полагаются, предлагаю отсюда сваливать, — говорит он уже мне.

Лекс деловито вытаскивает из кармана свой любимый мультитул и идет к экрану технической шахты, встает перед ней на одно колено и уже примеривается откручивать винты, только вот шляпки винтов подплавлены и шлицов не осталось. Тогда Лекс вытаскивает плоскогубцы из своего сантехнического чемоданчика, но ими ему тоже не удастся схватить приплавленные к экрану шляпки винтов. Вставить самую узкую отвертку между стеной и экраном у него тоже не получается.

— Так, стену нам что ли ковырять предлагается? — недоумевают Лекс, вставая. Он идет разглядывать дверь, чтобы попробовать что-нибудь сделать с ней. Я же вытаскиваю свой планшет, потому что чувствую, что придется-таки звонить Редженсу с неожиданной просьбой в очередной раз нас спасти.

А сигнала все равно нет, проехали.

— Итак, у меня две новости — хорошая и плохая, — наконец заключает Лекс, поковырявшись в разных местах. — Плохая — то, что самостоятельно нам отсюда не выбраться. А хорошая — мы скоро увидим, кто помог старушке построить этот чертов бункер!

— И для кого она выращивает этот салатик, — я снова перехожу к грядкам, — на человеческих останках. — Присев на корточки, отодвигаю листья, чтобы увидеть выступающие из земли косточки и сфотографировать их на всяких случай.

— А что если трупки у нее не удобрение для салата, а еда для муравьев, — предлагает свой вариант Лекс, поспешно смахивая заблудившееся насекомое со своего ботинка. —

Может такое быть?

— Наверное, может, — я пожимаю плечами. — Но зачем разводить плотоядных муравьев в своих апартаментах?

— А что если Эфи работает на девятую гильдию и помогает им прятать трупы?

— Думаю, в Муравейнике есть более простой способ отделаться от нежелательных тел, к тому же кости-то остаются.

— Может, кости-то как раз и нужно оставить в качестве трофея. Представь себе целую галерею твоих обглоданных врагов, — воображение Лекса распалилось или, лучше сказать, воспалилось, — вот не спится тебе ночью, встаешь и идешь разговаривать с умными бессловесными костяками.

— Ну да, не спится тебе, встаешь и видишь, как стража с любопытством разглядывает целую галерею компромата на тебя любимого.

— Эх, нет в тебе тяги к художественному, — сетует Лекс.

— Может у Эфи есть?

— Думаешь, это она чисто для себя в огородке человечков прикопала, собирает коллекцию парней, молодых и красивых, но слишком упитанных на ее вкус?

— А что, я вполне могу представить эту милую старушку с занесенной лопатой. “Я ж тебя лопатой вырублю, я ж тебя ею и закопаю!”

— Трогательное зрелище, — Лекс скидывает с себя очередного муравья, нервно оглядывает свою одежду. — Вот тьма! Я себе в карман булку от Кейна прятал, а посыпка с нее на мне осталась.

— И муравьи на тебя лезут?

— И...и... и это слабо сказано! Сейчас они сожрут сахар, а потом меня!

— Такними...

— Разоблачаться я не хочу, сразу говорю! — Лекс отходит подальше от огорода в темный угол, где крутится, стряхивая насекомых с разных своих частей. — Нас сейчас убивать придут, а я тут в неглиже буду?!

— погоди, я их отвлеку! — у меня в кармане по совпадению тоже сахар, только в порционных упаковках. Я его для горьковатого транквилятора взяла, да так и забыла использовать. Собираюсь, высыпать его на покрытый пленкой пол, но... а зачем тут пленка? Людей расчлнять, чтобы все кровью не забрызгать или...

Делаю в пленке дыру и, насыпав в нее немного сахара, пересаживаю туда пару муравьев, выловленных на огороде. Лекс, продолжая отряхиваться, подходит ближе.

Муравьи бегут к сахару по незащищенной поверхности Муравейника, оставляя за собой едва заметный след!

— Муравьи оставляют за собой след из какого-то вещества, разъедающего плоть Муравейника! Что если нам попробовать с их помощью проделать дыру в стене или полу?

— Лучше в стене рядом с дверью, там она тоньше, — предлагает Лекс.

Признаться, все, что происходит с нами сейчас, не кажется особо опасным даже без транквилятора, и не из таких передраг выпутывались. Тем более у нас появился план, да и позабытая нашими пленителями Ристика скорее всего уже выскочила из апартаментов и ушла за помощью. Так что мы преспокойно экспериментируем с муравьями, пытаюсь убедить их пройти по сахарной дорожке и залезть на стену, где мы обслюнявленным сахаром нарисовали им мишень. Что-то, правда, вредные насекомые не особо спешат потворствовать нашим планам... ну, потихонечку, потихонечку...

— Ребята, вы здесь? — вдруг слышим мы шепот Ристики.

— Здесь, здесь, — Лекс тут же подскакивает к окошечку в двери, — поверни ключ, — говорит он самое главное. Узнать про текущую обстановку можно и потом.

Мы слышим, как дергается ключ в замке.

— Не получается, заело! — сипит Ристика, налегая на упрямую железяку.

— Ах ты тварь! — громко и истерично вопит Мирабель, тьма ее побери, а бездна расплющи! Мы слышим, как Ристику силой оттаскивают от двери. Она громко визжит.

— Эй, если хоть волос с нее упадет, я из тебя отбивную сделаю! — орет Лекс. Неоригинально, но эмоционально. Судя по крикам, Мирабель утаскивает нашу подругу не очень далеко от нас, скорее всего, запирает в ванной. Что ж, похоже, уже можно начинать немного волноваться, так как теперь мы и вправду рискуем увидеть людей, на которых работает старушка Эфи.

Муравьишки минут через десять все же покупаются на наш трюк и начинают нарезать концентрические круги в том месте возле двери, что мы и хотели. Стена под ними словно плавится, только вот очень медленно. Проходит больше часа, прежде чем в ней образуется дыра, в которую можно просунуть руку.

Лекс, уже наплевав на ползающих по нему насекомых, через эту дыру пытается повернуть все еще торчащий в замке с той стороны ключ. Это у него тоже выходит далеко не сразу, но все же ключ проворачивается, и мы, наконец, вываливаемся из нашей душной камеры в коридор. Только вот при открывании дверь угрожающе скрипит, так что Мирабель в ту же секунду вылетает к нам из гостиной. Вид у нее озлобленный и настороженный.

— Лучше было вам сидеть тихо! — рычит она и выхватывает из кармана нож-бабочку.

— Так, девушка, вы похоже не совсем правильно понимаете понятие гостеприимства, не находите? — усмехается Лекс, запихивая меня к себе за спину. — Гостей положено, в конце концов, отпускать, про накормить-напоить я уж вообще молчу.

— Да какой ты мне тут гость, ублюдок смазливый! — возражает Мирабель и делает выпад, пытаясь сразу пырнуть Лекса в бок. Он, конечно, уходит от удара, перехватывает ее руку, и начинается настоящая драка! К моему удивлению в мастерстве рукопашки задира почти не уступает Лексу, то есть явно где-то училась. А я-то думала, она обыкновенная шпана. К сожалению, мой друг явно не готов заниматься членовредительством в отношении женщины, а обезвредить ее, не нанося вреда ее здоровью, у него не получается. Так он и проиграть рискует!

Когда задира на секунду оказывается ко мне спиной, я использую этот шанс, чтобы подскочить к ней и с силой нажать на ту особую точку на шее, которая вырубает человека на несколько часов — мне Редженс показывал. Может не очень достойно, но другого выхода я не вижу.

— Что ты с ней сделала?! — кричит Эфи, замахиваясь сковородкой, и семенит ко мне. Да что ж такое?! Теперь со старушкой драться?!

— Так, спокойнее, бабушка, ваша внучка очухается через пару часиков! — У Лекса получается выхватить сковороду без переломов старушек. — А у меня к вам деловое предложение. Давайте, мы сейчас уходим вместе с нашей подругой, — при этих словах я быстренько откидываю стул, припирающий дверь в ванную, и эвакуирую оттуда Ристику. — Мы не говорим страже про ваш незаконно произрастающий салат — хрен с ним, как говорится, — а ваша внучка не отправляет им ту фотографию. У нас с вами паритет, согласны?

— Выметайтесь отсюда все! — чуть подумав, изрекает Эфи. — И сковороду мою оставь!

— Оставляю, оставляю, вот здесь, на тумбочке! — Лекс оставляет сковородку на тумбочке уже возле входной двери, а все время пока мы пробираемся к ней мимо тяжело дышащей старушки (хоть бы ее инфаркт не хватил!), держит ее на манер оружия.

В итоге мы свободны. Как только мы покидаем жилой блок, Ристика начинает улыбаться.

— Это было так весело! — радуется она. — Приколитесь, когда эта сучка драная заперла вас в комнате, я спряталась за торшером и про меня даже не вспомнили!

— Верю, — Лекс окидывает взглядом ее худенькую фигурку.

— А потом я стырила у нее вот это, — Ристика с гордостью демонстрирует нам телефон, должно быть тот, на который Мирабель меня сфотографировала.

— Отлично, — Лекс забирает его из ее рук. — Удалим фото, заодно узнаем что-нибудь про этого ниндзю недоделанного — его хозяйку.

— А ты слышала, как Эфи говорила с тем, “с кем следует”? Кого она вызвала по наши души? — спрашиваю уже я.

— Слышала, но ничего конкретного из разговора не узнала. Просто кратко, типа: “приходи, у нас проблемы”. И все.

Сегодня мне предстоит пойти на заклание к куратору. Скорее всего, эта встреча будет включать в себя множество криков, брани и оскорблений, плюс какое-нибудь унижительное задание. Хоть и предвидя, что если во время всего перечисленного, мне удастся сохранить спокойствие, это разозлит куратора еще больше, я все равно выпиваю свою обычную среднюю порцию транквилятора, потому что, кажется мне, я на него немного подседа.

Кабинет куратора расположен где-то недалеко от аудитории, в которой у нашей группы происходило вводное занятие, но мне приходится поплутать по плохо освещенным коридорам, чтобы найти его. По пути вижу много новых однотипных плакатов на стенах с лозунгом “никого не оставим тьме!” Полагаю, имеется в виду та новая программа, благодаря которой и была сформирована наша группа отстающих и нерадивых. Раньше таких не взяли бы ни в одну гильдию, отправив проживать в общежитиях нулевого уровня. Но согласно новой концепции, каждому положен последний шанс. Интересно, гильдии договорились, что все молодые отбросы общества достаются обслуживающей гильдии или все-таки распределяются равномерно среди всех? Во втором случае хотелось бы знать, какие задания доверяют таким как мы, скажем в медицинской гильдии или гильдии стражей? На какую должность можно поставить безответственного тупицу?

Наконец набредаю на нужный мне кабинет. Вообще-то в таких помещениях устраивают подсобные помещения или склады ненужного хлама, так что я пару раз прохожу мимо, прежде чем догадываюсь подойти поближе и прочитать в полутьме небольшую новую табличку на двери.

Стучу, но ответа нет, так что я не знаю, что мне делать. Проверяю время на планшете, но вроде бы я пришла как раз вовремя, минута в минуту.

Секунд через пятнадцать слышу недовольное “ну” из-за двери, видимо, я просто не расслышала, как мне разрешили войти. Сконфуженно вхожу в кабинет и здороваюсь.

Кабинет в правду напоминает кладовку, точнее говоря, ею и является, судя по стеллажам с инвентарем для уборки. Сбоку стоит старый стол с наваленными на нем бумагами и никакого компьютерного терминала. Единственная хорошая вещь на рабочем месте куратора — это настольная лампа, имитирующая естественное освещение.

— Значит, на отработку пришла, — констатирует куратор. — Бери вон ведро, веник и тряпку и иди за мной, — пока что не очень злобно говорит она.

Мы идем по коридору и заходим в ту самую аудиторию, в которой было вводное занятие.

— Просто вымой здесь пол, — приказывает куратор. — Но только так вымой, чтобы с него можно было есть! Через час приду проверю. — После этих слов она уходит.

Что ж, задание вроде не сложное, по крайней мере, подвоха я пока не вижу. Пол, конечно, липкий и заплеваный донельзя, но ничего такого, с чем нельзя было бы справиться за целый час. Быстренько поднимаю стулья, тщательно подметаю и, сбегав за водой и чистящим средством, тщательно отмываю пол.

Куратор возвращается позже оговоренного. В руках у нее открытая баночка с йогуртом, из которой торчит ложка. К ее приходу у меня уже сто раз все готово, так что я сижу и жду ее, что ей очевидно не нравится. Она недовольно морщится и начинает закипать.

— Прохлаждаешься?! — шипит она на меня. — Я тебе что велела делать?

— Все готово, — отвечаю я неуверенно.

Куратор подходит и, плюхнув баночку передо мной на парту, достает из кармана мой медальон.

— Я проверила — никто о пропаже это побрякушки не заявлял, что, конечно же, еще не значит, что ты чиста.

— Мне ее подарили, — упрямо повторяю я.

— Ага, как же! Ты знаешь что это? — куратор покачивает медальоном у меня перед носом, так что мне стоит больших усилий сдержаться и не схватить его. — Это морская раковина, жемчужница, — просвещает она меня относительно формы, в которой выполнен медальон. — Она является символом красоты и богатства, а также рождения. Жемчужина символизирует ребенка! Такие украшения дарят не просто так. Хочешь сказать, что кто-то хочет, чтобы ты зачала ребенка? Ты? Неудачница и замухрышка? Даже с идеальными баллами за экзамены ты умудрилась оказаться среди отбросов! Твое законное место на нулевом, а то и еще ниже! Ты ничтожество! — она хватает меня за шею и с силой опрокидывает на пол. Туда же летят и недоеденные остатки йогурта. — Считаешь, что вымыла пол достаточно хорошо, чтобы с него можно было есть?! Тогда ешь! Слизывай, давай! — Она пинает меня в спину ногой.

Я поднимаюсь и ухожу.

Хватит с меня.

Пока выхожу из аудитории, не оборачиваясь, все жду, что куратор догонит меня и попытается остановить или ударить, но ничего не происходит.

Бродя по Муравейнику, представляю последствия своего демарша. Наверняка из гильдии меня выкинут, ну и черт с ней! Плевать, плевать, плевать... Обида прямо таки сжимает сердце, не знаю, куда себя деть. Решаю пойти к Редженсу и все ему рассказать. Он, конечно, рассердится, ну и пусть. А что если он велит мне вернуться и извиниться, умолять простить меня взамен на еще большее унижение? Я не соглашусь ни за что. И что тогда? Хочу выяснить это прямо сейчас, сил нет ходить тут без дела и накручивать себя ожиданием. Решено, иду к Редженсу! Прямо к нему на работу заявлюсь, чего уж там...

Я знаю, где сейчас находится рабочее место Редженса, но никогда здесь не была. Это шестидесятый уровень. Войдя в блок, прохожу по коридору и вижу большой зал общей работы с кучей столов. Но чтобы туда попасть простому смертному, нужно пройти через приемную, представляющую собой ряд окошек, за которыми прячутся дежурные стражи. Мой транквилятор еще действует, к тому же я на взводе — такая интересная смесь ощущений, так что я без тревоги и сомнений подхожу к одному из окошек и уведомляю сидящую за ним девушку, что я пришла к своему шинарду и очень-очень хотела бы его видеть по безотлагательному делу. Сама удивляюсь своей внезапной наглости, но после ее дозволения, прохожу через бронебойные воротца в закуток с веселенькими зелеными креслицами для ожидания.

— Для чего вам описание моего робота?! — кричит один из посетителей на молодого стража, который, насколько я понимаю, пытается принять у него заявление о краже робота. — Я же указал вам его модель! Хорошо, он вот такого размера, — мужчина разводит ладони сантиметров на тридцать, — цвет у него, ну не знаю, стальной! В него встроены инструменты, — продолжает он раздраженно, — не знаю какие, я же не специалист! Для

чего бы я, по-вашему, купил такого робота, если б сам все знал?!

— Заходи, — Редженс на секунду выглядывает из своего кабинета.

— Редженс, я ушла из гильдии, — уведомляю я своего шинарда, садясь на стул перед большим столом. Оглядываюсь вокруг, но рассматривать особо нечего. Ничего примечательного в кабинете нет.

— Так, а гильдия об этом знает? — Редженс садится прямо рядом со мной на другой стул, так что между нами не оказывается стола, на что я рассчитывала.

— Нет, я пока в буквальном смысле ушла, — пытаюсь объяснить я, — куратор пыталась заставить меня лизать пол, вот я и ушла.

— Зачем ей это понадобилось? — терпеливо выпрашивает Редженс.

— Она хотела, чтобы я доказала, что достаточно хорошо вымыла пол. А вообще она разозлилась на меня из-за медальона, который ты передал мне от своей матери. Она решила, что я украла эту вещь!

— Ну, это вряд ли.

— Она считает, что этот медальон имеет какое-то особенное значение! — говорю я с обидой в голосе. — Что-то связанное с деторождением. Поэтому твоя мать просто не могла мне его передать, поэтому я якобы вру!

— Моя мать считает, что ей пора обзавестись внуками, — вдруг уведомляет меня Редженс.

— Но не от меня же! — обалдеваю я.

— Почему нет, — усмехается Редженс. — Я поднялся достаточно высоко, у меня высокий статус и просторные апартаменты, и также у меня есть акбрат женского пола. С точки зрения матери, с этим набором уже можно заводить детей. А если можно значит должно.

Я молча тереблю косу, просто чтобы что-то делать. Я не знаю, что сказать. Мои проблемы как-то взяли и съехали на второй план.

— А Фрида, кураторша твоя, просто ревнует. Я заберу у нее медальон, как только смогу. Все?

— Э, не все! Почему она ревнует? — наглым образом спрашиваю я.

— Фрида — сестра Кейна. Они оба часто приходили к нам домой. Мы практически выросли вместе, но сейчас не общаемся.

— Поэтому, вы с Кейном определили меня в ее группу? Чтобы знать, как у нее дела?

— Не бери в голову, тебе не нужно докладывать о ее действиях.

— Ладно, — радуюсь я. — А то я попыталась за ней проследить и попала в историю, — говорю зачем-то, сама не знаю зачем. Вырвалось. Может транквилятор отключает стопор в мозгу?

— А вот об этом поподробнее, — конечно же, цепляется за слово мой шинард.

Приходится рассказать ему, как я упала на минус первый уровень, странные порошки в белом пакете и тех существ — возможно наркоманов — что я видела. А также про засаду стражей. Редженс звонит какому-то своему приятелю и узнает подробности.

— Значит так, — говорит он мне, покончив с этим разговором, — ситуация такая. Наркоторговцы исследовали действие своей новой формулы на группе наркоманов, которую с комфортом разместили на минус первом. Они снабжали их едой и веществами через тот самый лифт, на котором ты съехала вниз. Только вот перед Ночью Мясного Человечка гильдии собрались разместить падших в блоке над нариками, так что преступники решили

закрыть этот проект и избавиться от всей группы. Для этого они скинули им вместо обычных доз яд. И принесла его, как полагают стражи, именно Фрида. Но у них пока нет доказательств. Тем не менее, они следят за ней, так что я не могу сам с ней встретиться. Придется тебе.

То есть это Фрида скинула на минус первый тот белый пакет? Может быть. Я же видела, как она первой выходила из той комнаты, до того как туда вошла задира. И теперь мне предлагается поговорить об этом с кураторшей?!

— Мне? Ты хочешь, чтобы я рассказала ей о слежке? — спрашиваю я с отвращением.

— Поговори с ней, чтобы она прекратила свои связи с девятой гильдией.

— Поговорить? С ней? Как человек с человеком?

— Желательно.

— Но она же чуть не убила людей? Раз вместо наркотика там был яд...

— Вряд ли она знала об этом. Скорее думала, что принесла им их обычный паек.

Смотрю на Редженса с сомнением.

— Так павших собираются разместить в том блоке? — вспоминаю я. — Значит, и снотворным их снабдят?

— Конечно. — Редженс насмешливо смотрит на меня. — Так ты снова приняла транквилятор, да?

— Не-ет, — очень “правдоподобно” лгу я.

— Тогда пошли, — Редженс хлопает меня по коленке и встает.

Вместе мы спускаемся на тридцать четвертый и заходим на какое-то производство. Какое-то? По конвейерной ленте едут в огромный чан полчища мертвых или полумертвых насекомых, похожих на тараканов. Рабочие с двух сторон вытаскивают из них наиболее крупный мусор.

— Как тебе? Подойди поближе, — предлагает Редженс, подводя меня за руку к конвейеру. Я пытаюсь спрятаться за его спину, но он вытягивает меня оттуда. — Посмотри, какие красавчики! Вот так и делается транквилятор!

Ну, спасибо! У меня теперь это зрелище будет всплывать перед глазами всякий раз, как увижу вендинговый аппарат с транквилятором! А может и вообще любой аппарат. И как мне теперь жить дальше-то?!

Кейт снова вызывает меня себе на помощь по поводу своего дела с ограблением. Мы встречаемся с ней в обеденное время на пятьдесят восьмом уровне возле кафе.

— Сейчас я тебя быстренько проинструктирую и побегу, — предупреждает она, ища что-то в своем планшете. — Мне нужен вот этот человек, — подруга жестом показывает, что переслала мне фото. Я достаю свой планшет и открываю этот файл. — Когда увидишь его, просто сообщи мне!

— И кто он? — спешу спросить я, пока Кейт не убежала.

— Это Ноак Ириан Това, — она нервно оглядывается, хотя мы стоим под лестницей, и нас никто здесь не видит. — Предположительно, тот самый третий преступник. Йоран Стуре Пелле — наша жертва ограбления — как раз вернулся из геологической экспедиции. Думаю, что он нашел что-то интересное и с собой привез карты, может быть, какие-то образцы, и они-то и были украдены. Ноак приехал в Муравейник на одном поезде с ним, а обратный билет у него был взят как раз на день ограбления. Но он не явился к отправлению. Что-то во время или после преступления пошло не так, и он был вынужден остаться. И пока что найти работу, чтобы не выглядеть подозрительно. Я проверила, его карта часто отмечается на выходе из автобуса здесь неподалеку. Наиболее вероятный вариант, куда он ходит, это стройка, рядом с этим кафе. Сейчас в Муравейнике много чего строится-ремонтируется, и на работу берутся люди, в том числе, не состоящие в местных гильдиях. Так что сядь за вот тот столик, — Кейт показывает, куда именно, — оттуда тебе будет виден вход в блок. Если придется сидеть долго, сделай вид, что работаешь на планшете — сейчас многие работают из-за столиков кафе, никому это не покажется подозрительным.

— Может и работают, но не рядом со стройкой! — возражаю я, тем более что большинство столиков в кафе реально не заняты не смотря на время.

— А почему нет, сейчас здесь тихо.

— Сейчас обед.

— Да не волнуйся, ты же незаметная как мышка, никто на тебя внимания не обратит! Все, пока! Не забудь сразу сообщить мне! — Кейт, покинув укрытие, быстро шагает прочь. Я медлю.

Выждав пару минут, я осторожно шмыгаю за нужный столик. Присматриваюсь к другим посетителям, похоже, здесь как раз одни рабочие со стройки и далеко не все, всего человек семь. Так что меня обслуживают быстро. Приносят все, что я заказываю, и я стараюсь растянуть еду на подольше. Для этого утыкаюсь в планшет, одновременно стараясь незаметно мониторить вход в блок. Боюсь, у меня это не слишком хорошо получается. Из всех сил пытаюсь расслабиться и выглядеть естественно. И не краснеть.

Так-с, я не сказала Кейт, что снотворные таблетки для падших мне больше не нужны. Ну и ладно, я же все равно буду ей помогать, не смотря на то, что ничего не получу взамен. Просто не смогу отказаться, я себя знаю.

Хм, Ноак Ириан Това. И третье имя нашего первого пропавшего подмастерья тоже вроде бы Ноак. Проверяю эту информацию на планшете. Совпадение? Или все же они родственники? Вообще, имена у нас берутся, откуда угодно, хоть даже из иномирского кино. Так что совпадения случаются не так уж часто, разве что кино популярное, так что все может быть. Жаль, что родственные связи взрослых людей почти нигде не указываются, а

ведь это важно: с кем ты вырос и где. Считается, что, окончив школу, молодой человек начинает, наконец, свой путь с самого начала, и старт для всех одинаковый. На практике же многое зависит от протекции нужных людей, и от того, по крайней мере, с какой стороны от двадцатого уровня ты родился. Ниже двадцатого живут люди, на которых гильдии фактически махнули рукой, на нулевом же — самый сброд.

Так я и сижу, размышляя и сгорая со стыда, несколько часов, заказывая все новые напитки и цедя их потом медленно по глоточку. Рабочие заканчивают обед, со стороны их объекта снова начинается грохот, ну, хоть пыль не летит, и я в кафе остаюсь единственным посетителем. Впрочем, никто мне и слова по этому поводу не говорит.

Наконец, рабочий день заканчивается, а я так и не видела Ноака. Прокручиваю в голове, не могла ли я его пропустить. Точно, он сюда не приходил. С облегчением плачу за все и выметаюсь из кафе.

Флаеры музыкального фестиваля, посвященного Ночи Мясного Человечка, валяются повсюду уже давно, но мне удалось прочесть один, только непосредственно перед его началом. Выступать будут шестнадцать музыкальных коллективов. Читаю находящиеся на слуху названия, пока Маргарета подтаскивает меня вперед в быстро движущейся очереди. Лекс, к сожалению, самоотверженно остался следить за старушкой Эфи, так что мы пришли сюда без него. Вообще-то, я очень не люблю толпу и даже, я бы сказала, панически ее боюсь, но Маргарета очень просила составить ей компанию, так что я здесь, но сердце у меня замирает отнюдь не от восторга.

Фестиваль проходит в городском парке — огромной чаше по центру Муравейника. Зрителей пускают на все уровни по стенкам этой чаши, а коллективы будут играть на большой сцене на ее так сказать днище. Еще возле сцены есть большой танцпол, огороженный щитами, чтобы толпа не сравняла с полом собственно сам городской парк. На этот танцпол мы, к сожалению, с Маргаретой и продвигаемся в очереди, так что будем в самой гуще событий, брр.

Начинается фестиваль, конечно же, с запозданием с коротких речей представителей всех гильдий, которые вскользь касаются предстоящей Ночи Мясного Человечка, после которой мы, предположительно, не досчитаемся нескольких десятков горожан. В основном представители говорят всякие правильные вещи об единении, оптимизме и подобных вещах. Ну и, самое главное, о том, куда обращаться в каждой гильдии тем, кому после Ночи понадобится помощь, психологическая, юридическая или самая что ни на есть материальная. Во время этих речей, Маргарета незаметно переставляет меня все ближе и ближе к сцене, а толпа становится все гуще и гуще.

Далее на сцену выходит первый коллектив, начинает с веселой песни, за ней следует медленная, тягучая, потом опять бодрящая и так далее, группа за группой. Постепенно музыка становится все отвязнее. Толпа вокруг меня дергается в конвульсиях музыкального экстаза, стража уже начинает потихоньку выводить первых бузатеров. А я считаю, сколько еще музыкантов осталось прослушать.

Ну, а стоит мне только сосредоточиться на самой музыке, грохочущей так, что, кажется, сам Муравейник пустился в пляс, как Маргарета куда-то исчезает. Вытягиваю шею, пытаюсь заметить ее среди людей, и тут представление прерывается очередной речью.

— Привет, друзья! — кричит в микрофон музыкант Пуффи. — Сегодня нужно веселиться, потому что скоро кого-то заберут от нас, и наступит время плакать! По одной из

версий в Ночь Мясного Человечка сладкоголосое чудовище выманивает людей своими чудесными песнями на платформы, чтобы сотворить из них произведение своего извращенного искусства. Что ж, значит, умрем с музыкой!

После такой странной речи, толпа несколько охладевает к представлению, кажется, что никто умирать в принципе не хочет, ни с музыкой, ни без нее. Но Пуффи заводит очередную заводную песню, и все быстро возвращаются к нормальному иступленному веселью.

— Ты-то что тут делаешь?! — орет кто-то мне на ухо, крепко схватив за локоть. Оборачиваюсь — это Кейн. В полной своей праздничной амуниции, куртке с обрезанными рукавами, кожаными браслетами с заклепками, взъерошенными крашенными волосами, кольцом в губе и даже краской на лице. В общем, ничем не выделяется из толпы.

— Получаю новый опыт! — пишу я как можно громче, но не знаю, слышит ли он меня.

— А это еще кто?! — Кейн прорывается куда-то сквозь толпу и поднимает над нею плачущего ребенка лет пяти. — Это чье?! — орет он.

И вдруг кто-то толкает другого, и ни с того, ни с сего там, где только что стоял Кейн, начинается какой-то кошмар! Толпа напирает, начинается давка. Я больше его не вижу! Какое-то очень долгое время я пытаюсь просто устоять на ногах. Потом стражи открывают боковой проход, кого-то вытаскивают, кого-то поднимают, наводят порядок. Наконец мне удается протиснуться поближе к тому месту, где я видела Кейна, и замечаю его стоящие торчком крашеные в белый волосы.

— Вот тьма! — слышу я, — хорошо ты мне ногти так и не подрезала, — Кейн демонстрирует мне свои окровавленные пальцы, в которых он зажал рукоять ножа, лезвие которого тоже все в крови. Он держит этот нож так, как будто только что отобрал его у кого-то. — Попытался вырвать этой твари еще и руку, но хоть поцарапал!

Другой рукой, Кейн придерживает ребенка, который и сам с перепуга вцепился в него так, что не оторвешь. Потом я замечаю, рану в боку у Кейна. Выглядит очень плохо.

Сегодня я иду караулить Ноака снова с середины дня, поскольку с утра ухаживала за раненым Кейном, которого почти сразу отпустили из больницы домой, как следует, заштопав, и он долго не отпускал меня от себя. Сажусь все за тот же столик, что и вчера, и со стыдом на лице заказываю обед поплотнее, чтобы просидеть с едой, не вызывая подозрений, подольше. Сама не могу понять, чего именно я стыжусь, но уж как есть.

На стройке работа снова прекращается, и рабочие тянутся в кафе веселым потоком, но большая часть потока проходит мимо заесть червячка в других заведениях. Я внимательно разглядываю лица всех покидающих блок (некоторые уже кажутся знакомыми), но нужного пока не вижу. Может Кейт ошиблась в своих расчетах? Или кто-нибудь из рабочих пользуется документами Ноака?

Время обеда заканчивается и рабочие неспешно идут мимо в обратном направлении, кто разговаривая, кто напевая. Наконец, вижу лицо, похожее на фото в моем планшете — мужчина в легкой фиолетовой куртке, следует в самом конце процессии рабочих, общаясь с кем-то из них. Только стрижка другая. Проследив, что он зашел в блок, немедленно пишу Кейт сообщение.

Подруга приходит только через три часа, когда я уже успеваю вся известись.

— Извини, никак не получалось отлучиться. У Кейна ко мне было то одно поручение, то другое, — ворчит она. — Этот паразит как будто знал, что мне нужно уйти! Даже от раненного и сидящего дома — все равно от него спасения нет!

— Что ты собираешься делать? — спрашиваю у нее. — Если то, что ты мне рассказала, это все что у тебя есть, то это мало для обвинения, — извиняющимся тоном говорю я.

— Конечно, мало, — сердится Кейт, — но это вполне достаточные основания для допроса. — Она вздыхает. — Пойди туда со мной. Стражи обычно ходят по двое. Если я пойду туда одна, он может понять, что это моя личная инициатива.

— Но со мной ты будешь выглядеть еще менее солидно, чем одна, не находишь?

— А ты уж постарайся выглядеть нормально. Тебе ничего не придется говорить, только стоять рядом и делать вид, что мониторишь обстановку вокруг.

— А то, что на мне нет формы?

— Ты же следила за точкой! Конечно же, ты в гражданской одежде!

Мне ничего другого не остается, как согласиться.

Мы заходим в блок, отодвигая толстую полупрозрачную заслонку, которая висит на выходе из шлюза, должно быть для того чтобы не летела пыль. В коридорах и большом зале полностью все переделывают, ставят дополнительные перегородки, но пока сложно понять, что здесь будет. Вокруг очень шумно и грязно, рабочие ходят в специальных наушниках и некоторые в респираторах.

Кейт привлекает внимание бригадира.

— Вы знаете этого человека?! — спрашивает она громко, показывая ему фото на своем планшете. — Где он?!

Бригадир кивает и указывает нам, в какую сторону идти. Мы проходим вглубь блока, заглядывая во все помещения по пути. От шума начинает раскалываться голова. Я изо всех сил пытаюсь выглядеть уверенно, может быть немного безразлично, как будто выполняю рутинную работу. У меня, правда, нет зеркала, чтобы оценить результат, но боюсь, что

слишком сильно нервничаю для того, чтобы это не отразилось на моем лице. Затея Кейт мне нравится все меньше и меньше.

Наконец мы находим Ноака в небольшой комнате, где устанавливают какие-то панели. Сейчас он одет в спецовку.

— Ноак Ириан Това? — спрашивает Кейт, уверенно подходя к нему. Я не слишком уверено оглядываюсь вокруг на двух других рабочих.

— Вообще-то нет, — поворачивается к подруге мужчина и аккуратно снимает с лица маску, имитирующую лицо Ноака.

— Т-такие маски запрещены, — пораженно проговаривает Кейт.

— Такие маски собираются запретить, — поправляет ее мужчина.

Внезапно нам в лица пшыкают каким-то едким веществом, от которого подкашиваются ноги и темнеет в глазах.

— Мне вот эта, — говорит фальшивый Ноак. — Ненавижу стражей, у и меня есть пара идей, как с этим чувством справиться.

Пока сложно что-нибудь понять, но вроде бы меня волочат в смежное помещение. Когда у меня, наконец, достаточно проясняется в голове, вижу перед собой только одного из мужчин, которые были в той комнате.

— Я с тобой ничего не сделаю, — говорит он, улыбаясь. — Не люблю такое. Но хоть пикни, и я прострелю тебе ногу.

Я испуганно сжимаюсь в комочек на полу. Вдруг откуда-то раздается ужасный крик Кейт. Я дергаюсь, но мужчина предупредительно наставляет на меня пистолет. Редженс показывал мне, что можно сделать в подобной ситуации, но при гораздо меньшем расстоянии между участниками. Сейчас я просто не знаю, что делать.

— Не волнуйся, ее крики больше никто не услышит, — “успокаивает” меня мой сторож.

Кейт мучают неизмеримо долго, а может только несколько минут. Потом мне связывают за спиной руки, и тащат обратно в ту комнату. Зрелище ужасное. Кейт валяется на полу в одном белье, скуля от боли, ее ноги все перепачканы в крови и изрешечены гвоздями. Она дико вопит, когда ее поднимают с пола и запихивают внутрь стены, отверстие в которой собираются заложить блоками. Меня заставляют залезть туда же, предварительно сняв одежду. Пришедшие две девицы, похожие на нас, одевают мои вещи и форму Кейт.

— Воздуха хватит на несколько часов, — предупреждает фальшивый Ноак. — Кричать бесполезно, эти помещения уже изолированы. Надо вам было приходиться раньше! — смеется он. — А так, мы как раз заканчивали, когда вы появились.

Нас замуровывают медленно и со вкусом. Прежде чем вложить последний блок, мужчина посылает нам воздушный поцелуй. И вот мы оказываемся в темноте.

— Кейт? — зачем-то зову я подругу.

— Просто молчи, — шипит она на меня.

Через несколько часов у меня болит абсолютно все: ноги, руки, спина. Даже представлять не хочу, какие мучения претерпевает Кейт. Однако дышать сложнее вроде как не становится. По моим расчетам, уже должен был бы закончиться рабочий день, но с самого начала с другой стороны не доносится никаких звуков, так что это сложно определить. Я пытаюсь выбить свежую кладку плечом, размышляя, сколько же человек вот так вот замурованы в стенах по всему Муравейнику.

Вдруг что-то теплое касается моей руки. Я замираю, не показалось ли мне? Но через несколько секунд, веревка, стягивающая мои запястья, резко ослабевает. Обрадовавшись

такой неожиданной свободе, подтягиваю руки к животу, потом кое-как переворачиваюсь в узком пространстве и пытаюсь нашарить, обо что я так удачно перерезала веревку. И тут это что-то включает фонарь.

Передо мной находится небольшой робот, высотой сантиметров тридцать, оснащенный несколькими инструментами. Мне вспоминается тот похищенный робот, о котором я слышала перед кабинетом Редженса. Не разбираюсь в моделях, но, судя по описанию, данному его хозяином, этот очень на него похож.

Робот, кажется, пытается протиснуться мимо меня. Я встаю с пола и боком перешагиваю через него, давая возможность добраться до свежей кладки. Он подходит к ней, примеривается и начинает сверлить в шовных зонах, ослабляя соединения блоков.

— Что происходит? — слабым страдальческим голосом спрашивает Кейт.

— Кто-то пытается нам помочь, — говорю я, не скрывая радости в голосе.

— Лучше бы он вызвал сюда стражу, — еле-еле проговаривает подруга.

Для нас-то лучше, но не для того, кто угнал робота. Я не спорю с ней, и жду, когда робот закончит свое дело. Закончив сверлить по периметру, он упирается в стену, точнее мы оба упираемся и выламываем первый блок. Вместе с одной из панелей, которыми преступники покрыли все стены комнаты. Снаружи черным-черно, то есть свет уже выключен, и в блоке никого не должно быть. Теоретически, мы уже могли бы выбраться, но не представляю, чего это будет стоить Кейт. Робот принимается за следующий блок, дальше работа идет веселее. Наверное, где-то через полчаса дело сделано.

Пока я помогаю подруге выбраться из стены, робот освещает нам дорогу. Но теперь встает вопрос, что нам делать дальше. Если сейчас уже ночь, то никто нам не поможет. Мы с ней обе в одном белье, и от нас обоих теперь должно быть пахнет кровью. Ночным обитателям Муравейника это понравится.

Проблемой номер два становится свет. Робот выключает фонарь и, должно быть, сваливает от нас подальше. Я даже не успеваю поблагодарить того, кто сейчас им управляет. Что ж, он и так сделал для нас немало.

— И этот нас бросил! — стонет Кейт, сидя на полу, привалившись спиной к стене, из которой мы только что выбрались. То есть, я полагаю, что она все еще там. — Мы замерзнем насмерть! И так даже лучше, кому я нужна без ног?

— Все будет нормально, вылечат твои ноги, — я переступаю босыми ступнями по полу. В них врезаются крошки и камушки. — Я сейчас доберусь до выхода из блока и посмотрю, вдруг еще только вечер. Тогда позову на помощь.

— Блок большой, ты заблудишься, — продолжает стенать Кейт. — Я не хочу провести эту ночь в одиночестве!

— Не настолько большой, и я прекрасно помню расположение помещений, — увещаю я, осторожно пробираясь в темноте к выходу из комнаты. Надо бы еще ни на что не напороться.

Добираюсь до зала, осторожно, но как можно быстрее переставляя ноги. Когда я нахожусь где-то в его центре, чуть не расквашиваю нос, обо что-то больно споткнувшись, и тут вижу в конце свет от фонаря. Я тут же падаю на пол, боясь, что вернулся кто-то из тех, кто заточил нас в стене. На ощупь нахожу какое-то укрытие.

— Эй, есть тут кто? — раздается голос. Знакомый голос.

— Есть, не стреляй, пожалуйста! — радостно вскакиваю я. В глаза бьет луч света.

— Это ты?! — орет на меня Мин. — Какого хрена?!

— Нас с Кейт замуровали в стене, — тараторю я, — но мы выбрались. Кейт тяжело ранена.

— Какого хрена ты посылаешь в стражу анонимные сообщения?! Кейн послал, блин, меня, потому что меня не жалко!

— Кейт нужна помощь, — говорю я.

— Да мне пофиг! — шипит на меня Мин. — Где эта дура?

Я вздыхаю. Что ж, это та помощь, которая была нам очень нужна, не отказываться же.

Мы сидим вчетвером с Кейном, Редженсом и Ристикой на диване в гостиной моего шинарда и смотрим местную передачу типа вопрос-ответ, в которой представители гильдий соревнуются за возможность год пожить на восемьдесят восьмом уровне. Естественно, соревнуются те, кому оказаться там по другим причинам не светит. И этот домашний просмотр идет на удивление гладко, не смотря на отсутствие в передаче жгучего экшена. Но вдруг, одна из тех пустых коробок, что так и остались стоять в гостиной сбоку от дивана, начинает предательски двигаться. Я пытаюсь остановить коробку ногой. Редженс спокойно тянется за пистолетом.

— Все в порядке, — говорю я. — Это просто собака.

Дело в том, что когда я вернулась сегодня домой с занятий, Пуля спала, свернувшись клубочком в гостиной на видном месте, а поскольку раненый, но неугомонный Кейн пришел туда почти сразу после меня, мне ничего не оставалось, как быстренько накрыть собаку коробкой.

— Что собака делает здесь? — спрашивает Редженс.

Его недоумение понятно. В Муравейнике в качестве домашних животных держат кого угодно, даже крокодилов, но только не собак. Почему не понятно. По ночам они стаями бегают по всем уровням Муравейника, как-то умудряясь просачиваться через все ограждения, и ищут брошенную еду, охотятся, и, как могут, спасают свою жизнь от монстров, поднимающихся с подземных уровней по ночам. Умные создания.

— Это Пуля, — представляю я собаку, сняв с нее коробку. Она садится и смотрит на нас сонными глазами. — Она до сих пор жила с падшими, но в связи с грядущей Ночью Мясного Человечка их же переселят в блок на нулевом, а там нельзя держать животных. Было бы замечательно, если б она некоторое время пожила с нами. Днем она спит, а ночью ее можно выпускать бегать по Муравейнику. Кроме Ночи Мясного Человечка естественно.

— Думаю, что ей-то ничего не грозит, — возражает Кейн.

— Это неизвестно.

— Если ты за нее ручаешься и будешь убирать за ней, если что, — Редженс пожимает плечами, — то пусть живет.

Собака, словно поняв, что ее оставляют, решает в таком случае устроиться поудобнее и прыгает на диван между мной и Ристикой.

— Слушаю, — отвечает Редженс кому-то еще, включив гарнитуру. Выслушав, что ему говорят, он задает настораживающий вопрос: — Ты медиков вызвал? Хорошо, я сам вызову. Где ты? Лечу. — А потом уже нам: — Алан считает, что его отравили. Я лечу к нему.

Он поднимается с дивана.

— Там для тебя тоже будет кое-что интересное, — интригует меня Редженс. Я тоже вскакиваю. Кейн подрывается было идти с нами, но привстав, падает обратно на диван, шипя от боли, устало машет нам ручкой.

Пока идем до машины, Редженс немного просвещает меня на счет того, куда мы направляемся. Оказывается, Алан встречается с Пией, о которой он же меня и предупреждал, что она сумасшедшая. И встречаются они уже довольно давно. Сейчас он как раз находится в ее апартаментах. Люди странные существа, не правда ли?

На пятьдесят шестой уровень мы подлетаем на машине Редженса, а к апартаментам Пии подходим почти одновременно с медиками — двумя женщинами лет тридцати пяти. Дверь не заперта. Алан валяется на диване прямо в гостиной, выглядит очень плохо.

— На что жалуетесь? — спрашивает одна из женщин.

— У меня дико раскалывается голова, — тяжело проговаривает Алан, — все кружится, болит сердце, меня вырвало. И какой-то металлический привкус во рту... — перечисляет он.

Редженс кивком предлагает мне пройти дальше, что я и делаю. Сам он остается с другом и медиками.

Алан сказал ему по телефону, что недавно обнаружил в спальне Пии что-то, что связывает ее с нашим делом о двух исчезнувших подмастерьях. Иду по коридору, заглядывая в разные комнаты. На удивление все в апартаментах выглядит нормально, все в сдержанно спокойном стиле. А я-то рассчитывала увидеть что-то эксцентричное и тематическое.

Последнее с лихвой мне предоставляет спальня Пии — а то, что это именно она, сомневаться не приходится. Повсюду фотографии Редженса. Естественно она не водит сюда своих любовников.

Аккуратно осматриваюсь, надев данные мне Редженсом перчатки. Первое, что бросается в глаза — это малиновое покрывало на постели внутри спального модуля, выкрашенного в розовый, и декоративные подушки в виде сердечек на розовом пушистом ковре.

К большой деревянной доске на стене прищиплены фотографии Редженса в обнимку с женщинами. Если присмотреться, то все-таки заметно, что с разными женщинами, но каждое фото подверглось компьютерной обработке, так что на место их лиц вклеено лицо Пии в разных ракурсах и отретушировано. А вот и фотоаппарат на штативе, чтобы делать “себяшки” для этих фото.

Я ищу везде, заглядываю под ковер, ощупываю подушки, снимаю доску, и смотрю, что там с другой стороны, хотя она очень тяжелая. Нахожу колокольчик с фото Редженса, чашку с ложкой с фото Редженса, закладки в книгах с фото Редженса и кучу записочек, якобы от Редженса. В общем, в этой комнате можно играть в веселую игру, кто больше всех изображений или упоминаний Редженса найдет. Я пока выигрываю у самой себя.

Наконец, опустив крышку секретера, вижу приклеенный к его стенке совсем другой набор фотографий. Как не странно, это фотографии Лекса, видимо, сделанные из укрытия. Штук десять фотографий из кафе, с платформы, еще откуда-то. В углу приклеено его расписание: когда и куда он ходит на учебу, когда на практику. Она что, выбрала его как следующую жертву?

Однако видно, что все фотографии наклеены поверх чего-то еще. Я нахожу пилочку для ногтей на туалетном столике Пии и осторожно уголок за уголком отклеиваю одну из фотографий Лекса. Под ней вижу другое фото — на этот раз Дуртая — второй нашей жертвы похищения. Но и она наклеена поверх чего-то. Снова аккуратно оклеиваю уголок за уголком. Под второй фотографией прячется третья — фото Адерина — первой жертвы похищения. На сей раз это последняя, под ней ничего нет. То же самое с распечаткой расписания Лекса, под ним прячутся расписания двух других подмастерий.

Что за ерунда? Пия специально так аккуратно развесила весь компромат на себя? Зачем оставлять на местах старые фото, ведь все равно не сможешь на них посмотреть?

Любопытства ради проверяю, нет ли чего другого под фотографиями Редженса, но ничего под ними не нахожу. То есть я внимательно их просматриваю, а скovyриваю только

одну.

Обескураженная, возвращаюсь в гостиную. Медики уже закончили и собираются уходить. Зато прибыли трое новичков стражей из группы Редженса.

— Вы его не заберете? — спрашивает мой шинард у медиков.

— Незачем, — отвечает одна из женщин. — Все показатели в норме.

Медики уходят.

— Иногда я остаюсь на ночь у Пии, иногда она у меня, — рассказывает Алан, который выглядит уже почти нормально. — Но она никогда не пускала меня в свою спальню, мы всегда спали в одной из гостевых. А тут я остался у нее один, она ушла по срочному делу на работе. Я же решил ее не ждать, и тоже уйти, и зашел в спальню, чтобы посмотреть, на чем можно оставить ей записку, бумажку какую-нибудь и ручку. Вместо этого, нашел фотографии Лекса с его подробным расписанием. Я подумал, неужели она начнет преследовать его так же, как и тебя, Редженс. Но потом вспомнил, что двое, служивших на месте Лекса подмастерий, пропали. И тут ко мне пришла идея. Раньше я думал, что Пия стала встречаться со мной из-за тебя, из-за того, что мы друзья, и она хотела хоть как-то приблизиться к тебе. Но теперь я думаю, это из-за того чтобы приглядеться к этим ребятам, подмастерьям водопроводчика, ведь они иногда заходили ко мне поиграть в приставку в рабочее время. А заодно присмотреться и к лабиринтам технических шахт, в которых так легко похитить человека и перетащить по ним в любое место, где его можно было бы потом держать. И кстати у Пии есть такое место, она арендует ячейку склада, которую переоборудовала под свою мастерскую. — Алан делает паузу, собираясь с мыслями. — И только я решил позвонить тебе, как вернулась Пия, сказала, что все улажено и ей никуда не надо идти аж до следующего вечера, потому что на это время назначили совещание. Так что мне пришлось отложить звонок и провести с ней еще один день. И вот полчаса назад, мы попрощались, и она ушла. Перед этим она напомнила мне выпить мое лекарство от нервов. Я сделал это при ней, только выпил одну таблетку, вместо двух, это должно быть меня и спасло.

— Ты нашла те фотографии, о которых говорит Алан? — спрашивает меня Редженс, выслушав Алана.

Я киваю и провожаю Редженса в спальню Пии. И о чудо, я впервые могу лицезреть сильную эмоцию на его лице — выражение ужаса, когда он видит кучу собственных изображений по всей комнате. Но это выражение не продерживается на нем и пары секунд. Потом Редженс приходит в себя обычного, и я показываю ему фотографии Лекса (пара из них тоже с девушками) и поясняю про то, что под ними.

— Ясно, — Редженс кивает. — Сейчас тогда поедем с тобой на склад и посмотрим, что там.

Редженс оставляет двоих своих подчиненных в апартаментах Пии на случай, если она вернется, а одного посылает в лабораторию с баночкой таблеток Алана. Мы же с ним снова садимся в машину и летим на склад. Жаль Лекс на занятиях, ему бы сегодняшний вечер понравился.

Когда мы подлетаем к складу, Редженс выходит из машины один, оставив меня внутри.

— Я посмотрю, что там, — говорит он, — а потом буду готов выслушать твои соображения по поводу фотографий.

Я остаюсь одна и крепко задумываюсь. Какие у меня могут быть соображения? Пия,

может быть, и не полностью в своем уме, но она на хорошей должности, занимается интеллектуальным трудом, и тут так явно облажаться с доказательствами против себя? К тому же она без ума от Редженса, зачем ей другие, причем совершенно непохожие на него? Или так сильна жажда обладать кем-нибудь, что и суррогат подойдет? К тому же она зачем-то стала спать с Аланом, зачем он ей и зачем приводить его к себе? В спальню она его, конечно, не пускала и не могла предположить, что он начнет ее обыскивать.

Редженс возвращается всего через пятнадцать минут.

— Там ничего нет, — сухо говорит он. — Кроме огромных картин с моим изображением.

Что ж, мы летим назад.

Как только мы снова заходим в апартаменты Пии, та уже там и бросается Редженсу на шею.

— Любимый, твои подчиненные обвиняют меня в ужасных вещах! — кричит она своим кукольным голосом. Редженс аккуратно отстраняет девушку от себя.

— Мы пока еще не обвиняем, — поправляет ее один из стражей. — Только задаем вопросы.

— Я прихожу домой, а здесь эти люди. Говорят, что я отравила Алана и держу у себя фотографии пропавших людей. Второе-то я могу с легкостью объяснить.

— Так объясни.

— Я хотела тебе помочь.

Редженс недовольно ухмыляется.

— Сам посмотри, — Пия хватает его за руку и тащит в свою спальню. Мы все идем за ними. Там фотографии первого пропавшего подмастерья так и висят на стенке секретера, а второй и верхний слой с фотографиями второго подмастерья и Лекса разложены на кровати. Видимо, стражи их сняли, пока ждали здесь Пию. — Смотри, все фото пропавших — они же взяты из соцсети, смотри..., я их не преследовала. Только фото акбрата твоего побратима сделаны мной. Да, за ним я присматривала.

Теперь, когда есть возможность рассмотреть все фотографии, действительно можно заметить их подобные отличительные особенности.

— Тогда зачем ты пыталась меня отравить?! — кричит на нее уже почти оклемавшийся Алан, доползший к нам по стеночке из гостиной.

— Я не пыталась. Как ты вообще можешь такое утверждать?

— Но я чуть не умер, мне пришлось вызывать медиков!

— Откуда же мне знать, почему это произошло! — Кричит в ответ Пия. Я тут не при чем!

— Я нашел у тебя распечатку статьи об отравлениях цианидами! Вот она! — Алан, покачиваясь, вваливается в комнату и, добравшись до доски с фотографиями Редженса, сдергивает одну из них вместе с кнопкой. Распечатка, висевшая под ней, планирует на пол.

— А, да, конечно, — пожимает плечами Пия. — У нас на производстве травили крыс, после его посещения мне стало не очень хорошо, вот поэтому я и заинтересовалась симптомами отравления и возможными последствиями. Но сам яд вы нигде здесь не найдете!

— Да он наверняка был в моих таблетках!

— Они уже отправлены на экспертизу, — вставляет один из стражей.

— Ничего там не найдут! — фыркает Пия.

— Тогда отчего же мне стало так плохо, что меня еле откачали?! — спрашивает Алан.

— Психосоматика! — рявкает на него Пия. — Ты же, увидев несколько фотографий, меня уже в убийцы записал!

— Но... Редженс, вы же нашли что-то на складе? — с надеждой спрашивает Алан.

— Ничего, — качает головой Редженс. — Ладно, хватит. Мы забираем это все, — он кивает на фотографии подмастерий и Лекса и сердито смотрит на собственные. — Даже, если ты хотела помочь, прекрати это.

— Если?.. — всхлипывает Пия.

— Вы что, ничего с ней не сделаете? — вопрошает Алан.

— Если экспертиза что-то интересное покажет... в таблетках или в твоих анализах, а там посмотрим.

— Если?.. — теперь уже негодует Алан. — Но Редженс, ты же сам видел, я был на волосок от смерти!

— Хватит, идем, — выпроваживает его из спальни мой шинард. Кроме Пии, все покидают апартаменты.

Очередная наша общая практика состоится в общественных уборных нулевого уровня — сообщение об этом мне приходит в мессенджер. Удивленная, что меня все еще не выкинули из рассылки, спускаюсь на нулевой и нахожу нашего куратора Фриду. Смущенно отзываю в сторонку.

— Если ты не хочешь извиниться за свое поведение и умолять меня не выгонять тебя из гильдии, то нам не о чем разговаривать, — надменным тоном предупреждает меня куратор.

— К моему большому сожалению, есть, — возражаю я. — Вы же знаете, кто мой шинард.

Фрида презрительно фыркает.

— Ты что, девка, совсем охренела?! Собираешься угрожать мне?!

— Конечно, нет! — обиженно отвечаю я. — Дело совсем не в этом. Я так понимаю, вы практически выросли вместе с Редженсом. Вот он передает вам через меня сообщение. — Вздыхаю и проговариваю нехотя: — За вами следят стражи, потому что подозревают, что вы замешены в деле о наркоторговле. Редженс хотел бы, чтобы вы прекратили то, что вы делаете, иначе он помочь вам не сможет. — Вздыхаю я еще тяжелее.

— Да я знаю, что за мной следят! — Фрида насмешливо хмыкает. — Я даже знаю кто! Чертовы мужики всегда меня недооценивали!

Я тоже, по-моему, знаю кто. Это наверняка наша задира Мра или Мирабель, как ее ласково зовет бабушка. Я следила за Мрой, а та, похоже, следила за нашим куратором, когда скинула меня в шахту лифта на минус первый.

— Прекрасно. Значит, я могу рассчитывать, что вы выкинете меня из гильдии, и могу идти? — уточняю я.

— Еще чего! Будешь пахать на гильдию как миленькая! — рушит мои надежды Фрида. — Но мы с тобой больше не друзья, так что закаляй характер, пригодится!

— А мы были друзьями? — удивляюсь я.

— Иди нах сортиры драить! — вопит на меня куратор.

— А медальон мой отдадите? — храбро пишу я.

— Ой, да подавись! — женщина достает мой медальон из своего кармана и чуть ли не швыряет его в меня.

Этим вечером мы с Лексом сидим в кафе в блоке, где живет Эфи. Моему другу каким-то образом удалось достать две миниатюрные видеокамеры со склада стражей, и он установил их напротив двух выходов из апартаментов пожилой женщины. Теперь он сидит и следит через планшет, чтобы их не украли.

За все те дни, что Лекс следит за Эфи, ему не удалось увидеть, чтобы она днем выходила из дома или чтобы кто-либо приходил к ней. Но благодаря камере он установил, что она вчера выходила уже после отбоя. По крайней мере, камера зафиксировала свет фонаря возле ее двери. Так что этой ночью мы собираемся попытаться, наконец, проследить за ней.

— Приветствую, — внезапно появившись рядом с нами, Редженс подсаживается за наш столик. У него сегодня выходной, так что мы ожидали, что он сейчас тусуется в каком-нибудь клубе как обычно. Но хорошо хотя бы, что он в цивильной одежде, и не привлекает к нам внимания. — Спасибо, что оповестили о своих планах всех кроме меня.

— Кого всех? — удивляется Лекс.

— Ристику, завскладом, — перечисляет Редженс, — и собака выглядела так, как будто все знает.

— Она всегда так выглядит, — парирует Лекс, — слишком морда умная, это вводит в заблуждение. А с чего ты взялся нас искать?

— Кейн занят, доводит Ристику до белого каления, так что мне скучно. Так чем вы занимаетесь?

Лекс коротко вводит Редженса в курс “дела о черепах на грядках”, как мы его окрестили.

— Опять-таки, спасибо, что держите меня в курсе важных деталей расследования, — ворчит Редженс, пронизывая нас своим леденящим взглядом.

— Да мы бы сообщили, если б это что-нибудь дало. Пока что неясно, не очередной ли у нас тупик.

— Черепа на грядках — это явно не тупик, только не ясно какого именно расследования, — возражает Редженс.

Мы сидим еще минут десять, а потом выдвигаемся в общий зал, в который выходит одна из дверей апартаментов Эфи, та, через которую она вроде бы выходила прошлой ночью. Мы идеально рассчитали время — и не столкнулись ни с кем, и успели добраться до дальнего дивана, как раз до того, как в одиннадцать часов везде выключается свет.

Эфи не заставляет себя долго ждать. Минут через двадцать, она уже выходит из двери своих апартаментов с большой корзиной в руках — той самой, что сплела Ристика, и которую мы подарили женщине вместе с мылом ручной работы и прочим. Пригодилась корзиночка. Сейчас она доверху наполнена чем-то тяжелым. Эфи идет с большим трудом, таща эту корзину на плече. Даже хочется ей помочь, но нельзя себя обнаруживать.

Мы идем за ней по внутренним коридорам Муравейника. Следовать за ней не сложно, она двигается медленно и ни разу не оборачивается. За нею добираемся до площадки аварийных лифтов. Эфи садится в лифт и уезжает. Мы следим за движением лифта, он едет все выше и выше. Восьмидесятый, девяностый, девяносто девятый...

— Ничего себе, разве туда не нужен специальный допуск? — спрашивает Лекс.

— Нужен, — коротко отвечает Редженс, вызывая другой лифт. Однако этот другой даже по карте Редженса на девяносто девятый ехать отказывается. Приходится попробовать вызвать тот же самый лифт, на котором ехала Эфи. Этот едет даже без карты.

— Старушка взломала лифт? — недоумевает Лекс.

— Бывает, — говорит Редженс. — Вообще-то, у нее был достаточно высокий статус в научной гильдии. Она закончила свою карьеру скандалом, поэтому ее наверху не оставили. Гильдия решила, что пятьдесят пятого уровня ей за глаза хватит, чтобы провести там свою старость.

Я радуюсь про себя, потому что благодаря этому делу увижу почти самый верхний уровень. Правда, когда двери лифта открываются, я не вижу ничего особенного. В красной подсветке лифта уровень выглядит зловеще пустым. В одном из проходов, в отдалении виднеется свет от фонаря.

Какова бы не была цель, идти приходится достаточно недалеко, чтобы старушка Эфи не успела устать и могла бросить в нас тяжелую корзинку. Похоже, со слухом у нее полный порядок, и она услышала звук поднимающегося лифта, так что устроила нам засаду.

— Кто вы? Что вам надо? Почему вы преследуете меня?! — испугано кричит Эфи на

увернувшегося от корзинки Редженса. Корзина ударяется о стену, черепа из нее вываливаются и катятся по полу.

— Стража Муравейника! Успокойтесь немедленно, если не хотите отвечать за нападение на офицера!

— Вы не имеете права меня преследовать! — уже тише говорит Эфи. — Лифт уже был сломан, я не могу отвечать за то, что просто воспользовалась этим.

— А сюда вы просто прогуляться пришли?! Даже если так, вы нарушили закон, покинув апартаменты ночью без особой надобности.

— Мне необходимо было пройтись, у меня бессонница! Вы же не будете наказывать старую больную женщину из-за такой мелочи?

— Мелочи, значит, — Редженс поднимает с пола один из черепов, рассматривает его в свете фонаря, а потом перебрасывает мне. Включаю свой фонарь. Теперь в полностью освобожденном от земли виде череп выглядит не совсем человеческим, а на ощупь вообще не как кость. Снимаю ногтем верхний слой, который достаточно легко отделяется, и чувствую специфический запах.

— Мне кажется это такой... гриб, — произношу я.

— Перекусить с собой принесли, — Редженс ухмыляется. — Позвольте, — он отворяет дверь за спиной Эфи и заходит в помещение. Эфи ничего не остается, как последовать за ним. Лекс тоже идет туда, а я хозяйственно подбираю с пола остальные “череп”, чтобы положить их обратно в корзинку и обнаруживаю на ее дне большой пакет с бутербродами. Сложив все вместе, тоже захожу с корзиной в комнату.

В дальнем углу помещения, рядом с провалом в стене сидит огромная ящерица. С крыльями. Офигеть!

Если присмотреться, одно крыло подбито и безвольно свисает. Ящерица нервничает и жмется к портативному дизельному обогревателю.

Редженс и Лекс с фонарями осматривают помещение, но кроме дракона, назову так это существо, здесь никого и ничего нет.

— Животинку подкормить пришли? — участливо спрашивает Лекс.

— Это не преступление! — возмущенно отвечает Эфи. — Преступление — оставить это прекрасно создание без еды, из-за того что Совету Гильдий приспичило запретить содержание драконов в неволе!

О, значит, это и вправду настоящий дракон! Я пытаюсь протянуть ему один из “черепов”, но Эфи выхватывает его у меня и подходит сама.

— Нет! Это опасно! — комментирует она и осторожно выдает дракону первую порцию ужина. Дракон так же осторожно ее берет.

— А бутерброды для кого? — спрашиваю я, демонстрируя пакет с ними.

— Для меня! — отрезает Эфи.

— Не хило для такой... стройной женщины, — отмечает Редженс. Действительно, там должно быть целый батон хлеба порезан и проложен кусками сыра и колбасы. — А ну ка! — Он подходит к дракону и бесцеремонно приподнимает повисшее крыло.

А под ним прячется человек!

— Надо же, тут у вас еще одна животинка, оказывается, — говорит Редженс. — Документы!

Испуганный небритый мужчина, прикрываясь рукой от луча фонаря, вынужден вылезти из-под крыла дракона и передать Редженсу свою идентификационную карту. Тот

прикладывает ее к планшету, и я вижу из-за его спины, что она нормально читается.

— Фальшивка, — тем не менее, утверждает мой шинард. — Кто вы на самом деле?

— Ох, — мужчина делает вид, что его ноги не держат и он тяжело опускается на выступ Муравейника, и тут он поднимает обломок с пола и пытается ударить им Редженса по голове. Страж выбивает у него камень и заламывает ему руку за спину.

— Еще раз! Кто вы на самом деле? — Редженс встряхивает незнакомца. — Вы только что напали на офицера стражи при свидетелях. Но если вы перестанете упрямитесь, но мы можем и забыть об этом.

— Хорошо, хорошо! — сдается мужчина. — Меня зовут Ноак Ириан Това!

— Это тот человек, которого искала Кейт! — предупреждаю я.

— Значит, это вы искалечили мою подчиненную, — рявкает Редженс.

— Нет-нет-нет! — вопит Ноак. — Я не понимаю, о чем вы говорите! Я целый год безвылазно находился здесь. Эфи вам скажет! Мои партнеры решили пустить меня в расход, мне пришлось прятаться здесь! Я боялся даже показаться внизу! Эфи все это время приносила мне еду! Я ничего не делал, клянусь!

— Но кое-что вы все-таки сделали. Это вы ограбили геолога вместе с двумя подельниками, а вместо вас осудили другого человека! — говорит Лекс.

— Я в этом не виноват! — пыхтит Ноак. — То есть, признаю, я ограбил геолога, но это на меня хотели повесить всех собак! Мои партнеры хотели, чтобы я отдал им похищенные карты алмазного месторождения, и чтобы я взял всю вину на себя. Когда я отказался, от меня было решено избавиться. Мне пришлось скрываться все это время!

— А Адерин Вогель Ноак случайно не ваш родственник? — спрашиваю я.

— Это мой сын. А что с ним?

— Он пропал, так же около года назад. Как-то не похоже на совпадение. — Говорит Лекс.

— Я ничего об этом не знал, — растеряно лепечет Ноак.

— А не может так быть, что ваш сын специально устроился подмастерьем к мастеру Енеке, чтобы прикрывать маленькую авантюру Эфи с проводкой и нелегальным выращиванием этих грибов...

— Дракону необходим белок, — встречается Эфи. — Покупать его в большом количестве подозрительно. Да и не на мою жалкую пенсию!

— Он ничего не прикрывал, он ничего ни о чем не знал. Это совпадение! — кричит на нас Ноак.

— Так это вы Ноаку звонили, когда закрыли нас в своей маленькой тайной комнате? — интересуется Лекс.

— Ему! Но он только сказал, что подумает, что мне делать. Я понадеялась, что он подымит какие-то свои связи, но все его связи... Эх, — вздыхает старушка.

— Мои связи хотят меня убить, — подтверждает Ноак.

— Сдайте карты, и мы организуем вам защиту, — предлагает Редженс.

— Но я их... выбросил.

— Очень жаль.

— У Эфи висят какие-то геологические карты в рамочках, — вспоминает Лекс.

— Это не они, — мотает головой Ноак.

— Если вы боитесь, что Эфи привлекут за хранение краденного, то этого не будет, верно? — умоляюще гляжу на Редженса.

— Предположим, мы нашли карты здесь, — Редженс смотрит на меня насмешливо.

— Хорошо, что ж, — вздыхает Ноак и с извинением глядит на Эфи. — Нужные карты спрятаны за теми, что висят в рамках.

Поскольку сейчас ночь, нам приходится всем спуститься в апартаменты Эфи и там ждать утра. Карты мы действительно обнаруживаем там, где сказал Ноак. Что ж, дело Кейт закончено. Жаль только, что она не сумеет воспользоваться его плодами. За то время, что она будет восстанавливаться вполне заслуженная ею вакансия в конторе защитников, боюсь, закроется.

Мне приходит сообщение, когда я нахожусь дома одна. Как раз заканчиваю очищать контейнер для пыли у робота-пылесоса, которой только что закончил ползать по комнатам, когда звучит сигнал от планшета, лежащего на кресле возле меня. Я не спешу так сразу все бросать, потому что сообщение, скорее всего, от Кейна. Он возлежит в апартаментах напротив и, страдая от ножевого ранения, играет в игры. Возможно, он возжелал перекусить или на что-нибудь пожаловаться. Так что я медлю пару секунд, прежде чем отряхнуть руки и взять планшет. Но сообщение оказывается анонимным, а это уже интересно. В нем указан адрес и больше ничего. Так-с, по моему опыту на такие сообщения стоит реагировать оперативно.

На всякий случай я оставляю записку на экране домашнего терминала, чтобы в случае чего было известно, где меня надо спасать...то есть искать, и покидаю апартаменты, на ходу загружая адрес в приложение с картами. Место кажется мне знакомым, хотя не могу припомнить почему. Пока еду в автобусе, догадываюсь проверить и старые карты, ведь Муравейник меняется стремительно. Так и есть, по адресу всего несколько месяцев назад еще располагалась одна из белых, то есть пустых зон. Эта была поврежденная грибок или еще чем-то область, но сейчас очистка и ремонт уже закончены, в помещения въехали магазины и службы, и только несколько из них, что выходят прямо на платформу в месте, недавно популярном у самоубийц, все еще пусты. Туда мне и предлагается направиться. Любопытно.

От остановки автобуса мне идти всего минут пять. В это время суток на платформе практически безлюдно, я вижу только одного человека вдалеке, неподвижно стоящего прямо возле ограждения. Я последний раз сверяюсь с картой и неуверенно подхожу ближе.

Там, у края платформы, стоит Мин. Одет в форму, он ее вроде бы и по выходным не снимает. Кусок ограждения перед ним выломан, так что, достаточно ему сделать всего лишь один шаг вперед, и он полетит в бездну. Его глаза закрыты, на лице страдальческое выражение.

Не желая внезапно напугать его, я иду не таясь. В тишине он должен слышать звук моих шагов. Мин действительно открывает глаза и поворачивает голову в моем направлении. В его взгляде видна боль, быстро прячущаяся за негодованием.

— ТЫ еще что тут делаешь?! — восклицает он.

— Просто шла мимо, — лепечу я, неуверенно подходя к нему.

— Даже помереть спокойно не дашь! — шипит на меня Мин, так и не отходя от края. — А, к черту все! — он делает этот последний шаг, так что носки его ботинок висят над бездной. Чуть-чуть переместить вес, и он полетит вниз. Мин тяжело сглатывает и вот-вот...

Я хватаю его за пояс.

— погоди, расскажи, что случилось!

Ой, не знаю, что я делаю и зачем! Столько он мне зла сделал за все годы, что мы знакомы, что сочувствия во мне просто не может быть, к тому же, мне кажется, человек имеет право сам сделать выбор, что делать со своей жизнью, даже если это такой выбор. Ну и что я делаю? Почему не могу просто отойти в сторону? А я физически не могу. Может, это какой-то древний инстинкт во мне пробудился?

— Если ты думаешь, что я не брошусь вниз вместе с тобой, то ты меня плохо знаешь, —

говорит Мин.

— Не думаю, — говорю я, еще крепче вцепившись в его пояс одной рукой, а другой судорожно хватаясь за обломок ограждения справа. — Так что произошло, что ты решил прыгнуть? — спрашиваю бодрым дрожащим голосом.

— А того, что у меня нет друзей, мой начальник меня презирает, и у меня нет никаких перспектив — этого мало?

— Ну, Кейн всех презирает, это нормально, — возражаю я. — А остальные к тебе не очень хорошо относятся, потому что ты ведешь себя как мудака, — не сдерживаюсь я в выражениях, — а это поправимо. И твои одноклассники наверняка тебя поддержат, если понадобится. — В последнем я уже не очень уверена, не стоило этого говорить. Мин как раз в эту фразу и вцепляется:

— Ага, как же, поддержат! Да меня все ненавидят! — далее следует очень неприятная пауза, которую я не знаю, как прервать. — Самое смешное, что самые близкие люди для меня это вы с Лексом, — неожиданно признается Мин. — Ну и еще родители.

Последние слова он произносит таким голосом, что я понимаю, дело в них, в его родителях.

— А что с ними?

— Они немного оступились, — говорит Мин невнятно, потом решительнее. — У преступников есть компромат на моих отца с матерью, с ним они вышли на меня, заставили сделать для них кое-что. Иначе эта информация разрушила бы карьеры моих родков.

— И это кое-что...

Мин бросает на меня быстрый взгляд. В его глазах посверкивают слезы, а лицо краснеет.

— Неважно что, с меня просто хватит! — говорит он ожесточенно.

— Случайно, не шпионить ли за нами с Кейт тебя вынудили? — предполагаю я.

— Не за вами, нужны вы кому-то! За тем, кто придет за папкой с документами, — признается Мин. — А пришла ты! Дальнейшие ваши действия предсказать, видимо, было не сложно. Меня послали помешать вам на вокзале. А затем велели следить за тобой...

— И ты винишь себя за то, что случилось с Кейт?

— Вот еще! Она сама виновата, что сунулась туда одна! Ну, то есть с тобой, но ты бесполезный довесок. Я только боюсь, что мной и дальше будут помыкать, в конце концов, это станет известно, и меня с позором выгонят из гильдии!

— Нужно поговорить с Кейном. Может быть, все это еще можно как-то уладить! Это и в его интересах тоже, он же за тебя отвечает. Самоубиться ты всегда успеешь! — тараторю я, тая его за пояс, и он отступает чуть-чуть от края.

— Самоубиться, — повторяет Мин с усмешкой. — Ладно, пока что... Ты же все равно не отстанешь.

— Не отстану, — подтверждаю я.

— Но ты пойдешь со мной!

— Ладно.

— Но ты пойдешь первая!

— Хорошо, — соглашаюсь я, уже примерно представляя для себя будущую сцену аудиенции у раненного и капризного Кейна, ну да сама нарвалась!

Всю дорогу мы молчим, но в этом молчании нет неловкости, нам обоим есть, что обдумать. На месте я сразу запускаю Мина в апартаменты Кейна через главный вход, зная,

что тот не против гостей.

Дверь в комнату Кейна открыта, но его там нет. Обходя апартаменты в его поисках, я замечаю, что Ристика уже дома — из ее комнаты доносится тихое пение. Она что-то подшивает на манекене.

— А Кейн не знаешь где? — спрашиваю ее я.

— Ушел к Алану, — отвечает она, отвлекшись. — Вон записку оставил.

Действительно, на включенном экране компьютерного терминала напечатана записка, в которой Кейн сообщает, что он устал лежать и ушел к Алану, только все это немного другими словами. Ристика заходит для меня через свой терминал на их домашний сервер и находит адрес апартаментов Алана. Все, мы с Мином снова пускаемся в путь. Не думала, что раненый маломобильный Кейн, который требует почесать себе пятку, поскольку сам не может даже согнуться, вдруг окажется таким неуловимым.

Звоню в дверь апартаментов Алана, и внезапно мне радушно открывает Пия! Все такая же крепко покрашенная и в том же платье, которое было на ней в день нашего знакомства. Или в очень похожем, не уверена.

— Вета! Как я рада тебя видеть! — почему-то восклицает она своим кукольным голосом. — Это Редженс отправил тебя сюда?

— Нет, мы ищем Кейна, это Мин — он входит в его группу.

— Прекрасно, очень рада познакомиться, — Пия жизнерадостно трясет напряженную руку Мина.

— Кейн должен был пойти к Алану, они здесь?

— Нет, я одна здесь.

— А, я думала... — я не успеваю сформулировать вопрос вежливо. Какого черта она тут делает? Почему Алан оставил ее в своих апартаментах одну? Разве они, мягко говоря, не в ссоре?

— Я пришла забрать свои вещи, — отвечает Пия на мои невысказанные вслух вопросы, видимо, они и так очевидны. Она кивает на стоящие позади нее коробки. — Подумать только, за год столько накопилось! После того, как Алан обвинил меня черт знает в чем, думаю, будет правильно нам расстаться. Раз он настолько не доверяет мне, что даже решил, что я могу его отравить! Тебе Редженс рассказал, что ни в таблетках, ни в анализах Алана никаких цианидов не нашли? Я знала, что мой дорогой Редженс очистит мое имя от этих ужасных обвинений! Ну а Алан наверняка пригласил Кейна вот сюда, — она в мгновение ока скидывает мне адрес на планшет. — Это место его работы, но он там один, так что устроил себе уютную берлогу, в которой частенько сидит и в нерабочее время. Он и меня туда приглашал много раз. Наверняка они там.

— О, спасибо, — радуюсь я, всматриваясь в адрес и прикидывая, где это. Придется, правда провести с Мином еще больше времени.

— Иди одна, — внезапно говорит тот. — Напиши, если он там. А я пока помогу девушке перетаскать коробки, — он улыбается ей с неожиданной теплотой. Я в шоке. Ну, понравилась девушка, ладно. Но этот парень пытался час назад самоубиться!

Гадая, зачем в таком случае мне вообще искать Кейна именно сейчас, если уж Мина внезапно отпустило, я все же иду по адресу, данному мне Пией, раз уж обещала. Кстати, интересно, в каком виде я застану Кейна. Несчастном, злобном, выдохшемся? Мне придется

тащить его до дома? Или меня пошлют куда подальше? Или заставят в чем-нибудь участвовать нехорошем? Очень опасное дело я затеяла. Лучше б мне было ни во что не вмешиваться и остаться дома стирку достирывать и...не знаю, мне как-то особо нечем заняться.

Еще одно кстати — адрес рабочего места Алана находится подозрительно близко от места событий — здесь неподалеку была протечка, которую последней устранила наш пропавший подмастерье номер два. Соответственно, неподалеку живет старушка с незаконной плантацией грибов.

Захожу в нужный блок и робко следую вперед по пустому коридору. Свет включается автоматически. Иду мимо помещений, на дверях в которые нет табличек. Людей тоже, такое впечатление, что нигде нет. Только я успеваю подумать об этом, как из-за угла выходит мужчина средних лет. На нем нет какой-либо формы, обычная светлая рубашка и пиджак. Он с любопытством оглядывает меня, проходя мимо. Опускаю глаза в пол и быстро иду дальше, спиной чувствую его взгляд, кажется, он даже останавливается, чтобы посмотреть, куда я пошла. Юркаю в следующий зал.

Здесь большую часть площади занимают трубы, вентили, всякое такое. Сразу весь зал взглядом и не охватишь, но большой пульт с кучей циферблатов бросается в глаза. И ни души вроде бы. Металлические шкафы отгораживают часть помещения, куда я сразу заглядываю. Опять никого. Но, должно быть, эта та самая берлога, о которой говорила Пия — диваны, большой телевизор, игровая приставка. С одного дивана через просвет между трубами можно следить за лампочками на пульте. Возле него большая коробка с обертками от шоколадок и снеков. Пустые бутылки от пива видны не сразу, а пристроены в укромном углу. Бутылки же от газировки гордо выстроены на перевернутом ящике, используемом вместо стола.

— Кейн, Алан! — негромко и неуверенно зову я. Собираюсь обойти весь зал на всякий случай и уже ныряю под толстую трубу, как позади себя слышу металлический звук удара. Возвращаюсь в нерабочий закуток, звук раздался откуда-то отсюда, по-моему. Вот, еще один удар!

Обхожу шкафчики и осторожно дергаю один из них за ручку. Внутри старый комбинезон и коробка с чистящими средствами. Следующий. Ручка еле-еле поворачивается. Поначалу думаю, что заперто, но нет, просто заедает. Увидеть внутри то, что я вижу, я как-то не ожидаю, так что неловко вскрикиваю.

На меня с ужасом смотрит человек, сидящий на дне шкафчика. Ему там явно очень неудобно, так как шкафчик недостаточно большой, чтобы там прятался взрослый и отнюдь не худенький парень. Руки за спиной, лицо красное и мокрое. От одежды разит потом.

Человек молчит, все еще со страхом глядя на меня, только ноги неловко вытаскивает из шкафчика. Его давно не бритое лицо, я узнаю, прямо скажем, не сразу, а узнав, ощущаю смешанные и очень сильные эмоции. Это же наш второй пропавший подмастерье! Живой и почти, насколько я могу судить, не пострадавший! Конечно, само собой это замечательно, но ведь, значит,...

Человек все еще молчит, но как-то весь съеживается, недвусмысленно таращась мне за плечо.

Обернувшись, вижу Пию, втихую подошедшую ко мне без обуви, ее кукольное платье и большой бант, а главное — обрезок металлической трубы, которым она замахивается на меня, держа его обеими руками. Мне ничего не остается, как врезать ей по обращенному ко

мне локтю. Она сгибается от боли, выронив трубу, и я пинаю последнюю под шкафчик.

— Пия! Как это понимать?! — спрашиваю я, даже не надеясь на ответ.

Разогнувшись, она поднимает сжатые кулаки и бьет меня правым в лицо. Мне приходится, уйдя от удара, перекрыть ей ход второй руки и ударить ее ладонью в лицо. Получается не очень сильно, но, похоже, достаточно больно. Она отшатывается, но не унимается. Снова в стойку, только левую руку держит ниже. Снова пытается ударить правой. Хватаю ее за шею и подсекаю. Она хлопается на пол и ударяется головой о трубу.

Пия рычит как раненый зверь, никакого кукольного сладенького голосочка нет и в помине. На сей раз мужской тенор. Любопытный выбор, похоже, она может их менять. Девушка отползает от меня и принимает сидячее положение, привалившись спиной к пульту. Прوماкивает пальцами кровь, потекшую по лицу.

— Ну, извини, ты первая начала, — говорю я, разглядывая свою соперницу. И что-то мне в ней очень не нравится. Правильно, я же видела, как она двигается, да вот хотя бы при той ее встрече с Редженсом у его апартаментов, когда она тоже упала и ползала по полу — ни в какое сравнение! А учитывая, сколько на ней грима, замаскироваться под Пию мог бы кто угодно! Но пусть Редженс с этим разбирается, я выхватываю из кармана свой планшет.

— А вот с этим погоди! — останавливает меня мужской голос. Я поднимаю взгляд на “Пию”, но вижу, что это не она сказала. Наш второй пропавший подмастерье тоже явно не нарушал молчания. Оба они смотрят в сторону двери. Ладно, оборачиваюсь.

У двери стоит тот мужчина, который прошел мимо меня при моем появлении в блоке. Он держит в руке пистолет.

— Вы кто? — интересуюсь я, презрев правило не задавать вопросов тому, кто может оказаться выше тебя по статусу. А человека с пистолетом наверняка можно таковым считать.

— Не имеет значения, дорогуша, — отрезает мужчина, с добродушным любопытством оглядывая всю сцену. — Сделай одолжение, положи эту штуку на пол и толкни ко мне.

Мне приходится положить планшет на пол и аккуратно толкнуть к нему по кафельному полу.

— А теперь подойди к этой красавице и сними с нее маску или что там у нее на лице.

— Я сам, — огрызается “Пия” и один за другим отклеивает от лица что-то вроде пластыря, от чего очертания лица меняются, меняются брови, глаза, щеки, нос — ух ты, волшебство какое! В довершение, он снимает парик с бантом. Это Алан. Густо покрашенный Алан.

— Ну и для чего весь этот маскарад? — спрашивает мужчина с пистолетом, направив его на Алана.

— Я слышал, что вы меня ищите, — сдавлено произносит последний.

— Конечно, ищем, — соглашается мужчина. — Ты ведь так нехорошо с нами поступил, не считаешь?

— Я не думал, что это важно...

— Как же это может быть неважно, вот рассуди, — мужчина с пистолетом обращается ко мне, — Он заказал нам одного человечка, и не сказал, что это офицер стражи. Ну а убрать обывателя или тренированного офицера — разные вещи, правильно же? Не говоря уж о том, насколько сильно теперь у всей стражи подгорело... В итоге наш человек схвачен и в любой момент даст показания. Кто-то должен будет за все это ответить.

— Вы имеете в виду, что он заказал Кейна? — догадываюсь я. — Но вы же друзья?!

— Никогда, — рывкает Алан и снова хватается зашибленную голову.

— А кто этот молчун? — спрашивает мужчина с пистолетом, переводя взгляд на нашего вновь обретенного подмастерье номер два. Парень тихонечко вжимается в стенку шкафчика и продолжает угрюмо молчать, как будто ему губы склеили. — Случайно не Дуртай Торок Стерк — второй из пропавших подмастерьев мастера Енека? Похож. Это как же интересно получается. То есть это ты похитил этого человека? — теперь он обращается к Алану.

— Нет, нет, это все Пия. Это она его сюда привела, чтобы подставить меня!

— Ой, да ладно, передо мной-то можешь не ломать комедию, — отмахивается мужчина. — Пожалуй, нам все это очень кстати. Дайте-ка подумать. Итак, все будет происходить таким образом. Девушка, — он указывает на меня пистолетом, — находит второго похищенного, Алан нападает на тебя, ты обороняешься, замечательно, как ты это уже сделала. Так что Алан выхватывает пистолет, вы деретесь, и ты случайно стреляешь ему в живот. Ты в ужасе звонишь и вызываешь стражу, но Алан умирает у тебя на руках. И все в выигрыше.

— А вас тут вроде как и не было?

— Быстро схватываешь, — улыбается мужчина. — Только запомни, узнать, куда он дел первого похищенного, ты не успела.

— А Кейна?

— Да, кстати, где все-таки этот Кейн? — любопытствует мужчина. — Тоже спрятан в одном из шкафчиков?

Алан молчит, кажется, шокированный скорой перспективой.

— Ладно, иди ко мне, я тебе помогу, — мужчина, угрожая мне пистолетом, подзывает меня к себе. — Или я поменяю сценарий не в твою пользу. Встань передо мной, — он крепко обхватывает меня одной рукой, — возьми его, — он вкладывает мне в ладонь пистолет.

От удара, мужчина валится на пол, и пистолет чуть не улетает черти знает куда. Я еле-еле ловлю его и облегченно оборачиваюсь. Я видела, что в комнату вошел Мин, так что все это не стало для меня сюрпризом, но все же.

Мин бьет по уже поверженному противнику ногами и материться. Я окрикну его, но он меня как будто не слышит. Не успокаивается. Удары становятся все опаснее. Мужчина на полу страшно стонет, его тошнит кровью. Пытаюсь оттащить Мина, но это практически невозможно. Сама чуть не улетаю головой в трубу.

Приходится дать Мину по шее, только тогда он как-то приходит в себя. А Алан в это время исчезает из виду.

— Тьма тебя побери, — ругаюсь я, — это что, тот человек, который угрожал твоим родителям?! — пытаюсь проявить понимание и сочувствие.

— Не этот конкретно, но он один из них. Да забей, и в таком виде сойдет, не помер и ладно! — Оглядевшись, Мин вынимает нож, и мне сразу страшно становится, но он идет развязывать нашего подмастерье номер два, хотя парень глядит на него такими глазами, что я бы с этим повременила.

Я звоню Редженсу, после звонка подхожу к Мину, который наклонился над истекающим кровью мужчиной и обшаривает его карманы.

— Как ты вдруг здесь оказался? — спрашиваю его.

— Как-как, — буркает Мин, вытаскивая нож и бумажник, — очевидно же было, что та девка не свои вещи забирает, а грабит этого Алана, так что я остался, убедился в своем предположении. Потачил ее оформляться, она перетрухала и во всем призналась. Сказала,

что этот Алан заманил ее к себе и связал, а сам ушел на встречу с Кейном. Она освободилась и решила в отместку прихватить с собой его телевизор и так по мелочи.

— Потрясающе! — я даже не знаю, как на эту историю реагировать. И где, бездна его побери, Кейн?!

Наш освобожденный подмастерье номер два тычет мне найденный где-то блокнот. Там парень большими буквами написал: “у меня в горле бомба!” — он показывает себе на шею. “Если я заговорю, она оторвет мне голову!” — нервно пишет он дальше.

Вот, значит каким образом Пия или Алан в образе Пии заставили парня хранить молчание. Впрочем, мне кажется очевидным, что это был просто блеф. С другой стороны, я бы, наверное, тоже на месте подмастерья не стала рисковать и усердно молчала. Как бы то ни было, кому-то придется хорошенько поработать с ним, чтобы узнать его версию событий и понять, кто кого похитил, кто кого подставил, и где, ради всего святого, находится Кейн?

Сперва Редженс отправляет меня домой, где я и сижу, в одиночестве переваривая случившееся, но потом с учебы возвращается Лекс, и мы, все обсудив, решаем совершить акт неповиновения и заявиться к Редженсу на работу. Там нас без проблем запускают в общий зал. Через пару минут из кабинета моего шинарда выходит Маргарета.

— Так твой шинард действительно офицер стражи, как я и задумала для моего романа! — восклицает она, поприветствовав нас.

— Да, прости, я зря солгала тебе по этому поводу. Я думала, что правда тебя отпугнет.

— Конечно, понимаю, думаю, я даже впишу такой поворот в свою книгу.

— Так, а зачем ты здесь? — спрашивает Лекс.

— Редженс хочет, чтобы я постаралась вернуть Енеку прямо сейчас, ведь он знает все потаенные места технических тоннелей как свои пять пальцев. Предположительно, Алан спрятал там одного из офицеров стражи. Алан! Кто бы мог подумать!

— Ты его знаешь?

— Еще бы. Он работает в той же сфере, что и Енека. Упрощенно, Алан следит за трубами до распределительного пункта, а Енека после. И он один из тех наших друзей, которые нас страхуют. Скажу вам по секрету, это я научила его так перевоплощаться. В женщину я имею в виду. Не в конкретного человека. Ужасно! Я думала, что помогаю ему обрести себя настоящего, а в итоге стала сообщником в преступлении!

— Ну, может ты и помогала ему в самопоисках, одно другому не мешает, — утешает ее Лекс. — Кстати говоря, он не пробовал обретать себя в других образах? Как его нам по камерам то искать?

— Не вам, а нам, — уточняет Редженс, появляясь на пороге своего кабинета. — Заходите, — приказывает он.

Мы с Лексом дружно заходим к нему в комнату, и он закрывает за нами дверь.

— Это что за делегация? — коротко спрашивает мой шинард.

— Так мы хотели узнать, не удалось ли уже понять, где находится Кейн, — отвечает за нас обоих Лекс. — Не то чтобы мы по нему очень соскучились, но тревожно, когда не знаешь, чем занимается этот засранец.

— Такой информации пока нет, — чуть усмехается Редженс.

— А как насчет информации, что именно Алан заказал Кейна на фестивале?

— Эта информация подтвердилась.

— И ты привел этого человека в свой дом! — хватается за сердце Лекс.

— Да, спасибо, что прокомментировал, — Редженс обходит свой стол и садится в кресло. — У вас все?

— Нет, не все. Так, по-твоему, по какой причине Алан мог так поступить?

— Кейн убил отца Алана, — взрывает бомбу мой шинард. Мы с Лексом переглядываемся. Вообще-то мы уже знали до этого, что Кейн в детстве убил кого-то, но такие шокирующие подробности нам неизвестны.

— И это никак не сказалось на вашей дружбе? — задает вопрос Лекс.

— Мы не думали, что это станет проблемой.

— Действительно, это же такая ерунда.

— Они не были особо близки.

— И все же вы реально думали, что после такого между вами все в порядке?

— Так и было. Отец Алана был неуравновешенным, в тот день у него случился нервный срыв, он ворвался в дом и десять часов держал всех детей в заложниках. Алану пришлось хуже всех, ему пришлось выполнять указания поехавшего папаши под аккомпанемент обещаний, что он всех убьет. Кейн спас нас всех, включая самого Алана.

— Видимо, за эти годы у него случилось переоценка ценностей.

— С учетом этого мы его теперь и ищем.

Конечно же, нам запрещают участвовать в поисках Кейна и Алана, да и, учитывая, сколько ресурсов стражей задействовано в поисках офицера, наша помощь очевидно не требуется. Исходя из этого, мы выбираем для своей проверки далеко не самый вероятный вариант, куда Алан мог бы податься, а именно, идем искать моего куратора, то есть сестру Кейна. Логика у нас такая: не смотря на то, что Алан утверждает, что ненавидит женщин, властные женщины всегда были для него значимы, вроде матери Редженса, к которой он все время мысленно возвращается, или Пии, с которой он прожил целый год, хотя и лелея на ее счет не самые положительные планы. Еще одной властной женщиной в его жизни является именно моя кураторша, вместе с которой он фактически вырос, по словам моего шинарда.

Но дома ее не оказывается, хотя мы битый час проводим у ее дверей. День уже клонится к концу, когда мы заглядываем к ней на работу. Конечно, в блоке уже никого нет. Мы проходим по пустым коридорам, где свет включается датчиками движения, и я показываю дальнюю дверь кабинета кураторши. Подергав ручку, убеждаемся, что она заперта.

Остается проверить разве что закрепленную за нашей группой аудиторию. Я заглядываю туда первая и вижу, что там наш куратор спокойно разговаривает с каким-то лысеющим усатым мужчиной в стеганом пиджаке.

— Ой, извините, — быстро пишу я, пытаюсь выйти обратно.

— Да нет, что вы, проходите, — приглашает мужчина.

— А нам везет, да, Алан? — спрашивает Лекс, заходя в аудиторию вслед за мной.

— Везет, везет, как утопленникам, но везет, — огрызается замаскированный Алан. — Присаживайтесь, — приглашает он нас сквозь зубы и тычет в нас пистолет. Огнестрельное оружие вообще-то запрещено для гражданских, но кроме нас есть, похоже, у всех.

Куратор сидит за своим преподавательским столом, мы садимся за парту в первом ряду.

— Ты в принципе догадываешься, что тебя все сейчас ищут? — уточняет Лекс.

— Все из-за этих девок, — выплевывает Алан.

— Точнее из-за того, что ты заказал убийство офицера стражей. Куда ты его дел? Тебе же лучше, если Кейна найдут до ночи.

— Осталось сорок минут.

— Ничего, успеют, просто скажи, где искать, — серьезно подталкивает его Лекс. — Ночь-то он может не пережить, куда б ты его не засунул. И тогда это уже будет не покушение.

— Тридцать девять минут. Осталось продержаться. Через тридцать девять минут двери заблокируются, и у меня будет целая ночь, чтобы...

— Чтобы что?

— Чтобы подумать. Чтобы пожить еще немного, — истерически причитает Алан, дергая себя за накладные усы. Он весь какой-то не такой, словно он сейчас под чем-то, что ли. Может, моя кураторша ему что-то дала?

— Всего одна ночь. Это глупо, — возражает Лекс. — Если сам сдашься и скажешь, где Кейн — это значительно смягчит наказание. Никто же не умер еще!

— Кроме вашего драгоценного Кейна, — хихикает Алан. — И почему только вам так интересна его судьба? Ради него сюда приперлись. Положили, можно сказать, головы в пасть дракона. Но это же Кейн! Кейн! Вы с ума сошли?!

— Ну, если он мертв, я лично хочу плюнуть на его труп, — даже в лице не изменившись, говорит Лекс, а вот мне как-то нехорошо становится. — А для этого его надо найти.

— Плевать, все кончено. А такой хороший план был. Я его почти год готовил. Даже сошелся с этой стервой Пией. — Алан не глядя подтаскивает к себе стул и садится лицом к нам. — Смешно, как она за Редженсом таскается, и всерьез уверена, что у нее с ним есть отношения, хотя он переспал с ней всего один раз, и с тех пор не может отделаться. Мы познакомились с ней в клубе. Она сидела за столиком в углу и пялилась на него, Редженса, смотрела, как он разговаривает с другими женщинами и представляла, что это он говорит с ней. Впрочем, я занимался примерно тем же самым.

— То есть ты влюблен в него? — любопытствует Лекс.

— Нет-нет, тебе не понять! — злится Алан. — Тебе не понять, что значит быть настолько одиноким, что все время мысленно возвращаешься в прошлое к тем событиям, после которых все полетело в тартарары, к тем людям, которые больше не с тобой. Что постоянно думаешь, а что было бы, если б ты поступил иначе, что было бы, если б другие люди все не испортили.

— Кто тебе все испортил? — сочувствующим голосом спрашивает Лекс.

— Редженс все испортил! После смерти отца, я вынужден был остаться с матерью — акбратом матери Редженса, а сам Редженс вскоре переехал к своему отцу. И наше общение прервалось, как мне казалось навсегда. После этого у меня никогда больше не было друзей, никто никогда больше обо мне не заботился и не помогал. С тех пор мы, конечно, виделись, но почти не разговаривали, а вся жизнь моя постепенно шла под откос. И я понял, что просто обязан вернуть былую дружбу, но как еще мне было обратить на себя внимание, если только не став снова жертвой коварной женщины? Вот в чем состоял мой план, понимаешь?

— Ты собирался подставить Пию, словно это она похитила тех двоих парней.

— Я знал от Маргареты, что у них пропал подмастерье, и я понимал, что если второй парень пропадет в то же время, то эти исчезновения свяжут в серию и дело попадет к Редженсу.

— Но она вовремя раскусила твой план.

— Эта стерва не просто поняла, что я собираюсь сделать, но и выставила все так будто это я сумасшедший, и это мне нельзя верить! Даже таблетки с цианидами обратно подменила. Как только узнала, что именно я затеял? Где я прокололся-то? А потом еще она перетасила подмастерье из своей мастерской на складе, куда я его подкинул, на мое рабочее место!

— Неловко получилось.

— А потом еще эта приперлась и нашла его, — с обидой Алан указывает на меня пистолетом. — Такая невзрачная тихая мышка, а все время лезет куда-то, — ожесточенно добавляет он.

— Извини, что я все об одном, но как же Кейн? Он пришел к тебе еще раньше, и что ты с ним сделал?

— Да какая разница, — Алан вскакивает с места и начинает бродить по комнате среди криво стоящих парт. — Ты знаешь, что он сделал?

— Приблизительно.

— Из-за того, что мать Редженса слишком давила на моего брата, Митис покончил с собой. Он вскрыл себе вены наточенным кухонным ножом. Так что отец пришел разобраться с ней. В этот момент в апартаментах была только она и другие дети. Она закрылась в своем кабинете, поэтому он был вынужден угрожать ребятам. Что если она не выйдет, он убьет их одного за другим. Девчонки тогда находились в классной комнате, а мальчишек отец велел связать и закрыть в карцере. Это такая маленькая комнатка, в которую отец затолкал Редженса с братом, а Кейна он приковал наручниками к модулю в спальне. Мне же он велел убираться подальше, чтобы я ничего не видел. Но потом я услышал крики, и побежал в классную комнату, куда выходил кабинет. Я подумал, что она все-таки вышла из своего убежища. Но я увидел Кейна, стоящего с тяжелой каменной статуэткой в руках. Она была вся в крови, как и проломленная голова моего отца, лежащего ничком на полу. Прибывшие стражи, сказали, что это была якобы самооборона, мать Редженса очень поспособствовала такому вердикту, поэтому Кейна никак не наказали. Думаешь, это недостаточный повод для мести?

— Ты забыл упомянуть одну важную деталь! — неожиданно подскакивает с места куратор. — Да, забыл? Я ведь тоже там была. Пряталась под шкафом, благо была тогда мелкая и худая. Ты забыл рассказать, что твой отец сделал, чтобы выманить мать из кабинета! Мальчишек-то он связал, тебя отослал, а Рейну — сестру Редженса — он начал насиловать прямо возле этой чертовой двери в кабинет! Ты забыл, а вот я никогда ее криков не забуду!

Алан стоит, разинув рот, с одним отклеившимся усом, за который все время нервно дергал, и выражает полное недоумение.

— Еще ты забыл рассказать, что твой отец был чертовым неудачником и пропойцей, и что он не собирался тебя забирать, как положено — ему все равно было некуда! Его же гильдия скинула на нулевой, забыл?! Ему уже в жизни ничего не светило, вот он и решился поглумиться над другими напоследок! Такая же мерзкая пропащая душонка, как и ты!

— Заткнись, заткнись, заткнись! — верещит Алан и нажимает на спусковой крючок. Раздается выстрел, еще один и еще. Кураторша успевает пригнуться, как только пистолет наводится на нас, меня спихивает со стула Лекс. Он тяжело переваливается с меня на пол, а на мне остается что-то горячее — его кровь!

— Беги же! — понукает Лекс меня. — Мне-то он ничего не сделает.

И я заползаю под преподавательский стол, слыша, как Алан подходит ближе, отбрасывая с пути грохочущие парты. Оттуда стартую к заднему выходу из аудитории — дверь приоткрыта, кажется, там передо мной пробежала кураторша. Как только вылетаю в коридор, выключается свет, а это значит, официально наступила ночь.

Я слышу, как позади меня бьется о стену дверь.

— Мне уже терять нечего! — орет Алан.

Несусь по коридорам вслепую, нашаривая в кармане фонарик. Оторвавшись от погони, я слышу впереди какой-то шорох и на пару секунд засвечиваю фонарь. Это караторша, она стоит у двери в свой кабинет и пытается нащупать считывающее устройство. Взглянув на меня, она быстро засовывает в него свою карту, заскакивает в кабинет и запирается изнутри.

Так, сориентировавшись, продолжаю двигаться по коридору вслепую. Сделав круг, я

врываюсь обратно в аудиторию, закрываю дверь и подпираю ее стулом. Включаю фонарик и бросаюсь к Лексу. Он сидит на полу, держась за руку. Сквозь пальцы видна кровь.

— Ничего, в руку попал, — тихо говорит он. А Алан в этот момент начинает биться в дверь. Не проходит и нескольких секунд как в сторону отлетает и она, и стул. Лекс уже снова лежит на полу, изображая умирающего, а я снова юркаю под преподавательский стол — практически единственное, что осталось на ногах в комнате.

— Вета, выходи! — орет Алан. — Я тебя не убью! Но согласись, это все из-за тебя. Если бы ты не...

Слышу неприятный грохот. Вылетев как пуля из-под стола, вижу Лекса держащего Алана за ногу из положения лежа, а тот, видимо, рухнул, ударившись подбородком о стол. Я выхватываю у него пистолет.

— Ты мне ногу сломал! — верещит Алан.

— Я тебя не убью, но согласись, ты подонок! — рычу я на него, направив в его сторону пистолет.

Преодолевая боль, Лекс встает с пола и вдруг здоровой рукой бьет Алана в челюсть. Тот с каким-то диким визгом падает.

— Последний раз тебя спрашиваю, где Кейн?! — рывкает Лекс, прижимая его к полу коленом.

— Да не знаю я! — хнычет Алан. — Это она его куда-то увезла!

— Это уже идиотизм какой-то! Опять на Пию хочет все свалить? Думаешь, я поверю?!

— Да мне никто не поверит! Но это она все придумала! Она!

— Кураторша? — пытаюсь угадать я.

— Да!

— С какой стати ей избавляться от Кейна, она ж его сестра! Я ничего не путаю? — Лекс вопросительно смотрит на меня, я киваю.

Несмотря на его больную ногу, мы тащим рыдающего Алана к кабинету кураторши. Там я ненадолго оставляю их с Лексом, чтобы вломиться в кабинет медсестры за аптечкой. Только после перевязки я позволяю другу постучать в дверь.

— Мадам, — Лекс хмыкает, — не соблаговолите ли внести ясность. Тут некоторые утверждают, что это вы все организовали и подбили бедного несчастного мужчину на совершение преступления против офицера стражи, — погибает он.

— Ты издеваешься надо мной? — гаркает кураторша из-за запертой двери, после секундной паузы.

— Нет, что вы! — ухмыляется Лекс. — Я просто хочу знать, где Кейн?

— Да ты задрал уже со своим Кейном! — орет кураторша.

Дальнейшие переговоры никакой ясности в вопрос не вносят.

— Простите, но если вы не поговорите с нами, — Лексу надоело кричать через дверь, — я буду вынужден выломать эту дверь!

— Только попробуй, и я снесу тебе башку! — орет кураторша. — Я вооружена и калибр у меня побольше, чем у этого сыкла Алана!

— У всех есть оружие, кроме нас, — жалуется мне Лекс, — надо исправлять. Да, это, — он кивает на пушку в моей руке, это придется отдать.

Конечно, мы пытаемся покинуть блок и добежать, пока не слишком поздно, до дома, ведь ночь только началась, но, уже включив монитор в шлюзе, мы видим, насколько беспокойна выдалась эта самая ночь. Существа, бродящие по платформе, в инфракрасном

свете выглядят, возможно, более пугающими, чем есть на самом деле, но мы все же не рискуем выйти, тем более от Лекса приглашающе разит кровью и, после обработки раны, спиртом.

Приходится остаться ночевать прямо в коридоре блока. Без движения быстро становится очень холодно, так что мы нарезаем круги возле едва успокоившегося Алана. Сна все равно ни в одном глазу. Я все думаю, думаю.

— Что если так все было, — размышляю я. — Кураторша с Кейном родом с крайне низкого уровня, и им в жизни ничего не светило, если б не счастливый билет от родителей школьного друга. Мать Редженса больше благоволит к девочкам и кураторша, возможно, рассчитывала на ее протекцию во время распределения по гильдиям. Однако, когда случилась та трагедия с братом Алана, и его отец вломился в апартаменты и напал на... сестру Редженса, кураторша была ближе всех, может быть именно она стукнула его по голове статуэткой, а Кейн подбежал позже и взял всю вину на себя. Все же это убийство, они не могли быть уверены, чем это обернется. Но история для него закончилась хорошо, и именно ему досталась благодарность от матери Редженса. Он смог поступить в гильдию стражей и дослужился до офицера. Кураторша же получила самое плохое место в обслуживающей гильдии. Может быть, в этом и кроются истоки ее нелюбви к своему брату.

— Хорошая теория, но вряд ли мы когда-нибудь узнаем, насколько она близка к истине. И тогда, где же Кейн? — с полуулыбкой спрашивает Лекс. — Думаешь, она все-таки убила его?

— Кураторша имеет связи с девятой гильдией, — поколебавшись, говорю я. — Возможно, она переняла и их методы. Думаю, она не могла просто вывести Кейна на платформу и сбросить, это бы попала на камеры. А вот замуровать его в стене, там, где идет стройка, вполне.

— То есть, полагаешь, он сейчас там же, где пытались законсервировать вас с Кейт?

— Вряд ли, это не в том секторе. А вот в новом блоке на нулевом, где сейчас идет ремонт, очень даже может быть. Туда, я так предполагаю, можно добраться по техническим шахтам и не попасть ни на одну камеру.

После бессонной ночи увидеть машину Редженса на платформе — просто огромное облегчение. Мы, конечно, созвонились, так что ничего удивительного в этом нет. Стражи принимают нашу вахту у двери моего куратора Фриды, а мы с ним мчимся вниз. В этот раз он не так аккуратен в вождении, да и необходимости нет — в этот утренний час Муравейник еще пуст и свободен.

Припарковавшись, я и Редженс бежим в тот блок, где у нас была практика. Теперь все выглядит совсем иначе. Уже установлены перегородки, спальные модули, проведена проводка.

— Кейн! — кричим мы, переходя из одного помещения в другое. — Кейн! — Делаем паузу и прислушиваемся. Надеюсь, он еще жив и не без сознания, а то нам его здесь долго искать.

Наконец, слышим сдавленный, но явно сердитый крик. Редженс разбивает перегородку прямо кулаком, оказывается, она закрывает нишу в стене. Выламываем мешающие куски и видим Кейна, лежащего на полу с кляпом во рту и связанного веревками по рукам и ногам. Похоже, древнее искусство связывания ему в этот раз довелось испробовать на себе. К его великому неудовольствию. Естественно, как только Редженс вытаскивает кляп, Кейн

разражается дикой бранью, которая копилась у него всю ночь. Бранью в адрес его сестры Фриды.

Редженс звонит своим подчиненным, чтобы они взяли моего куратора под стражу. Думаю, теперь у нее будут серьезные неприятности и никакой протекции со стороны людей, с которыми она выросла. Что ж, это ее выбор. Мой выбор, проводить Лекса и Кейна до больницы, а потом, наконец, спать-спать-спать.

На следующий день у нашей группы еще одна практика, которую вынуждена проводить все та же пара искателей, но уже без нашего куратора. Предполагается, что мы наведем марафет после ремонта все в том же новом блоке, который приготовили для падших, и все помоем. По факту, мы просто развозюкали грязь и толком ничего не сделали, но к вечеру нас выгоняют, и мы проходим мимо подготовившихся к вселению людей. Они стоят радостные со своими вещами, еще не знают, что их ждет.

Вернувшись домой, напоследок занимаюсь наведением настоящего порядка хотя бы в наших апартаментах. Эта ночь — Ночь Мясного Человечка. Кейн утверждает, что наиболее вероятные ее жертвы — пришельцы из других миров, так что я не на шутку нервничаю. На самом деле нервничают все, напряжение так и висит в воздухе, но впервые за весь этот последний день я не слышала разговоров о том, что же ждет несчастных в те несчастные ночные шесть часов. И вправду, разговоры уже ничего не изменяют. Осталось только каждому решить для себя принимать снотворное или нет.

Мужчины возвращаются уже довольно поздно и первым делом ставят замок снаружи спальни Редженса.

— Вы будете ночевать здесь, — уведомляет нас мой шинард.

Нас втроем с Лексом и Ристикой (она из этого мира, но ее до кучи) запикивают в один спальный модуль и приковывают к изголовью наручниками, чтобы мы, видимо, точно не сбежали даже во сне, какие бы песни нам не пели. Ничего не понимающую Пулю оставляют сторожить возле модуля. А Редженс с Кейном запирают нас снаружи, и остаются дежурить за дверью.

Приняв таблетки, мы устраиваемся поудобней, практически в обнимку. Одежду мы оставили повседневную, не в пижаме же если что умирать, а Лекс надел штаны с кучей карманов, в которые напихал всяких мелочей на все случаи жизни. В руке он сжимает свой самый мощный фонарик.

— Подумать только, завтра мы можем не проснуться, — испуганно говорит Ристика.

Но мы просыпаемся. В кромешной темноте, я понимаю, что лежу на чем-то твердом. Двигаю рукой свободно, но наручники все еще на ней, просто ни к чему не прицеплены. Чудеса какие-то! В плохом смысле. Почти сразу Лекс включает фонарь.

— Что ж, мы проснулись, — выдает он.

Мы молча осматриваемся вокруг. В комнате мы с ним одни, правда комната больше похожа на пещеру, с неровными стенами и полом, заваленным обломками, но мы явно все еще в Муравейнике. Но, похоже, в необлагороженной его части, возможно, на одном из подземных уровней.

Потихоньку, не шумя, мы выходим из помещения и идем по проходам, которые напоминают своим взаимным расположением коридоры апартаментов Редженса, только без дверей, нишей и искусственных перегородок. То и дело мы натываемся на следы жизнедеятельности различных организмов или на сами организмы, находящиеся по большей части в глубоком сне, а значит, сейчас уже день. А вот сваленных кое-как различных предметов из других миров, привычных для подземных уровней почти нет.

Следуем в направлении, в котором должен быть ближайший выход на платформу, если мы правильно сориентировались. И действительно, скоро выходим на платформу, где неожиданно светлее, чем мы рассчитывали. Иными словами, мы находимся отнюдь не на подземном уровне, а на надземном, причем довольно высоко. Перил или ограждений нет, так что, когда подходим к краю и заглядываем вниз в темноту бездны, захватывает дух. Недалеко от нас находится мостик на ту сторону провала между платформами, но выглядит он не привычным для нас образом, а больше похож на округлую в вертикальном сечении ветку дерева, вросшую в противоположную платформу.

— Как думаешь, мы попали в прошлое или будущее Муравейника? — интересуется моим мнением Лекс.

— Скорее уж в прошлое, если так, — предполагаю я, как заправский путешественник во времени, — мусора маловато.

— Хорошо, с этим определились, — соглашается Лекс. — Тогда возникает другой насущный вопрос — если в Ночь Мясного человечка все пропавшие попадают в прошлое, почему они возвращаются к утру в освежеванном и склеенном в скульптуру виде, выставленную в городском парку?

— Логично было бы сходить в городской парк и посмотреть, что там сейчас, — предлагаю я.

— Логично было бы держаться от этого места как можно дальше, — возражает друг.

— Ах, ну да.

— Но одним глазочком все же стоит глянуть, — Лекс демонстрирует, что с логикой мы оба не дружим. Что поделать, если б все поступали разумно и рационально, то на планете давно б наступило перенаселение, а это, с глобальной точки зрения, само по себе нерационально.

Сложнее всего передвигаться по этим мостам-сучьям или сучьим мостам, как выражается Лекс. Они хоть и выглядят надежно, тем не менее, идти по ним, балансируя над провалом неизвестно какой, но очевидно смертельной глубины, то еще удовольствие. Но мы справляемся с этим, довольно споро продвигаясь к центру Муравейника. Автобусы в данном

времени не ходят, но пешком нам, должно быть идти всего около часа. Самое интересное, что некие механизмы все же присутствуют — неспешно ползущие вдоль края платформы агрегаты нам встречаются дважды, но их функцию нам установить не удастся. На нас они никак не реагируют, только начинают объезжать, если встать у них на пути.

По моим расчетам, нам остается преодолеть еще один блок, когда мы натываемся на неспящий живой организм, причем размерами он превосходит нас раза в полтора. По виду это гигантский волосатый муравей с огромными мандибулами, похожими на редкие, но смертоносные гребни, по краям рта, в котором он держит еще одно насекомое поменьше. Похоже, его он есть не собирает, потому что, завидев нас, опускает его на пол вполне живым и здоровым, а вот у нас выдается возможность определить, насколько быстро этот муравей двигается.

Быстро!

Мы стремглав несемся обратно по платформе, когда на нас из бокового прохода выскакивает девушка. Она очень миниатюрная, так что мне поначалу привиделось, что это ребенок, но ребенок этот вытаскивает из ножен меч и встает как вкопанный посреди дороги. Нам тоже приходится остановиться, поскольку оставить все как есть мы не можем.

— Это плохая идея! — пытается урезонить девушку Лекс.

На ней свободная черная футболка, красные легинсы и сандалии, а длинные светлые волосы заплетены в две косы. Вид вполне себе современный нам. Меч длинной почти что с нее она держит двумя руками.

— Хорошая!

Набежавший на нее муравей, получает нехило. Он пытается ухватить ее мандибулами, бьется четырьмя передними лапками как боксер, постоянно передвигаясь на задней паре, но девушка успевает отражать или уворачиваться от всех ударов. Удар, еще удар, и тут голова несчастного насекомого отлетает в сторону.

— Вот это мастерство! — восхищается Лекс. — Девушка, а мы с вами, кажется, знакомы!

— Не может быть, — шипит на него девушка, тщательно вытирая свой меч тряпочкой.

— Помните, вы нас в клетку посадили? А мне в лицо еще паука такого красного лохматого запулили?

— Он сам запрыгнул, — поправляет девушка, — и это мне ни о чем не говорит. У меня клетка многоразовая.

А, точно! Теперь и я вспоминаю. Это когда нас искатели поймали и пытались допрашивать по поводу золотого сердца. Только тогда эта миниатюрная девушка была на высоченных каблуках, в мини-платье и с собственным амбалом под рукой. Без всего перечисленного она смотрится совершенно иначе, наверное, на то и расчет. Только у Лекса феноменальная память на лица красивых девушек.

— А как вас все-таки зовут?

— Акулина Акакиевна, — скорчив недовольную рожицу, представляется девушка.

— Это как же сокращенно-то будет? Акула? Или нет, Акака?

— Нет!

— А как? — не унимается Лекс.

— Маша!

Вот примерно так мы и знакомимся с еще одним пришельцем из нашего мира.

Втроем вместе с Машей мы выходим к центральной чаше Муравейника, где в наше время будет располагаться городской парк. Сейчас же большую часть площади ее днища занимает своеобразный лес. Сначала мы предполагаем, что это и в правду деревья, только без листвы. И возможно именно по их образу та самая секта, с которой я познакомилась, считающая, что Муравейник разумное существо, соорудила ту скульптуру дерева, что стоит у них в логове. Однако позже мы сходимся на том, что это выросты самого Муравейника, пытающегося заделать огромную впадину. По крайней мере, в наше время считается, что эта центральная чаша была некогда образована взрывом, то ли уничтожившим предыдущую нашу цивилизацию, то ли просто произошедшем в результате упадка этой цивилизации. В любом случае это не естественное образование, так что понятно, что Муравейник стремится от него избавиться.

Но большие ветвистые ростки — не самое любопытное, что мы здесь видим. На другой стороне чаши, то есть, получается, в зеленом секторе, находится огромная куча всевозможных обломков и мусора. В наивысшей точке она достигает высоты в двенадцать уровней. По ней и вокруг нее бегают суетятся огромные коричневые муравьи.

Наше внимание привлекает один из муравьев, тащаций через лес что-то большое. Вдоль тропинки, по которой он идет, все оплавлено, так что можно предположить, что эти гигантские муравьи родственники тех маленьких муравьев, что специально выращивала старушка Эфи. Но вот муравей поворачивается к нам в профиль, и мы можем рассмотреть, что именно он тащит.

— Вот тьма! — Лекс разглядывает муравья в бинокль. — Это же человек!

Маша выхватывает у него бинокль, смотрит сама, потом передает мне. Я вижу, как муравей подтаскивает этого человека к куче, как безвольно мотается его голова. Вроде как он уже мертв. Очень надеюсь на это, потому что муравей сбрасывает человека на пол и уже несколько муравьев склоняются над телом.

Я передаю бинокль Лексу.

— По ходу, они снимают с него одежду. Или кожу, — комментирует Лекс.

— Что ж, а в наше время МЫ выращиваем муравьев для еды, — говорит Маша, смотря в бинокль в свою очередь. — Только те виды, что поменьше этих.

Когда бинокль вновь оказывается у меня, мне доводится увидеть, как муравей деловито тащит окровавленный труп внутрь кучи.

— Теперь понятно, от чего я вас спасла? — спрашивает Маша. — Больше не заигрывайте с ними.

— Хорошо, не будем, — соглашается Лекс, снова глядя в бинокль.

— И что нам теперь делать? — предлагаю задуматься я.

— Будем убираться отсюда к чертовой матери! — предлагает Маша. — У меня слишком чувствительная кожа для пиллинга по-муравьиному.

— Береги кожу, пользуйся проверенными средствами..., - цитирует Лекс рекламу и смотрит в мою сторону, и по этому его взгляду я понимаю, что позади меня находится нечто более примечательное, чем даже увиденное нами только что. Без резких движений я поворачиваюсь назад.

В нескольких десятках шагов от нас стоит еще один мой знакомый. То есть конкретно мой знакомый еще, должно быть, и не родился, а вижу я существо одного с ним роду-племени. Но они очень похожи! Это существо смахивает на большую, в некоторой степени человекообразную собаку. Внешность и размеры у него практически точь-в-точь с тем, кто

встретился мне, когда я провалилась на второй подземный уровень, убегая от Кейна. Это была еще та история! Я тогда выпустила это существо из клетки, а потом он вытащил меня на нулевой уровень прямо на себе. Такие дела.

Обрадованная, я иду к нему, совсем позабыв, что мы на самом деле незнакомы.

— Что ты делаешь? — осведомляется Лекс.

— Они дружелюбные, — почему-то уверена я.

Существо стоит на задних ногах, и тут я замечаю, что передняя лапа у него покоится на поясе с ножами, из которых торчит большой такой клинок. Так что я замедляюсь. Но тут существо встает на все четыре лапы и тоже заинтересованно двигается ко мне. Он нюхает мою руку, а я вижу, что на спине у него набитый чем-то самодельный грубо сшитый рюкзак.

Существо еще раз втягивает носом воздух и вдруг начинает скулить.

— Беги! — слышится мне.

Существо поворачивается и показывает нам своим примером, что он имел в виду. Замешкавшись, мы теперь видим наступающую на нас в полной тишине толпу людей, мужчин и женщин. Одеты они кое-как, в грубо сшитую, видимо, из чего придется одежду. В руках у них копия! Копья! В их намерениях сомневаться не приходится.

Мы несемся по проходу за нашим собакообразным проводником вперед, но нам и свернуть некуда. Люди повсюду, явно загоняют нас, куда им надо. Тогда наш знакомый бросается в сторону, разметает людей, охраняющих очередной проход, и шмыгнув за ним мы через некоторое время вылетаем на платформу. Но и здесь они, окружают нас со всех сторон!

Нашему зверотоварищу ничего другого не остается, как бросить нас и уходить на другой уровень, прямо по колонне. Нам такой способ передвижения, к сожалению не доступен. Маша еще пытается отогнать от нас людей, махая мечом, но порубить их в капусту она явно не готова. Люди на это и рассчитывают и кольцом встают вокруг нас, спокойно ожидая, когда она выдохнется.

Мы вынуждены сдаться.

Веревками нам вяжут руки за спиной, и толпой мы начинаем удаляться от центра. Время от времени, кто-нибудь из людей отходит в сторону или отстает, но в целом мы так и движемся всей стаей. Идем долго. На все попытки заговорить, в нас тыкают острыми копьями. А о чем они сами разговаривают между собой непонятно, частично из-за того что они не пытаются говорить ради нас громко и четко, а частично оттого что местные говорят на каком-то другом языке. Тем не менее, часть из корней слов нам все же известна, так что можно было б, наверное, уловить смысл, если б они захотели с нами пообщаться. Но это в их планы не входит.

Переходить через сучьи мосты со связанными руками еще волнительной. В остальном путешествие проходит спокойно. По пути люди убивают нескольких больших гусениц и тащат их с собой. Когда уже ноги начинают отваливаться, нас заводят в блок, вход в который почти полностью завален обломками. Здесь толпа разделяется. Большая часть с добычей уходит в направлении зала, нас же несколько человек тащат вглубь блока и запихивают в небольшое помещение. Здесь нам связывают еще и ноги в лодыжках и коленях, так что мы сами становимся похожи на гусениц. Оставшийся с нами сторож на все попытки вывести себя на разговор все время повторяет одно и то же, то ли просит помолчать, то ли говорить тише. Так мы просиживаем где-то с час, когда к нам добавляют еще одно пленника. Он сопротивляется и кричит, но главное он подозрительно походит на пропавшего подмастерье номер один.

— Пустите, сволочи! — орет он, брыкаясь. — Не сяду! Я и так уже год отсидел!

В конце концов его просто валят на пол и пытаются связать, а на нас направляют их замечательные копья, чтобы мы, видимо, не посмели как-то воспользоваться суматохой. А что мы пока сделать можем? У Лекса осталась спрятанная в потайном кармашке бритва, но он не может ее оттуда достать незаметно.

Наконец наши пленители справляются с нашим новым товарищем по несчастью, превратив его в еще одну извивающуюся гусеничку, и они уходят, оставив нам одного уже другого сторожа. Тот встает у дверей с другой стороны и грозно пялится на нас, но хотя бы не смущает попытками установить тишину.

— Эй парень, ты случайно не Адерин...как там тебя... Вогель Ноак? — спрашивает Лекс.

— Он самый, тьма их всех раздери! Кто вообще эти люди, знаете? Что этим-то надо?

— Вопрос изучается, — коротко отвечает Лекс. — Так где ты сидел, говоришь, целый год?

— О, я скажу вам! — продолжает злиться Адерин. — Подельники моего папаши похитили меня и продержали больше года в заточении, чтобы шантажировать его и вынудить отдать какие-то долбанные геологические карты. Но хотите хохму?! За все время они не сумели найти его, чтобы сообщить ему об этом!

— Да уж, девятая гильдия отжигает! — говорит Лекс.

— Это определенно объясняет твое плохое настроение, — добавляет Маша.

— А знаете, что еще я узнал? У нас самая гуманная система наказаний во всех мирах! Длительное лишение свободы — это самое худшее, что может случиться с человеком! Тем более, если ты ни в чем невиновен. Самое-самое мерзкое! Смотрели эти жуткие иномирские

фильмы про их тюрьмы? Вот мне было еще хуже! Это как в психушке здоровому сидеть и медленно сходить с ума!

— Так где все это время провел, запомнил?

— Запомнил! На всю жизнь запомнил! Оранжевый сектор, возле завода удобрений! И вот я наконец на свободе! Черт знает где, но на свободе! И меня вяжут эти сволочи! Кто вы?! Что вам на сей раз от меня нужно?! — орет Адерин на нашего сторожа.

Тот невозмутимо подходит и тыкает в него древком копья, словно пытается попасть по кнопке, выключающей крики. Не с первого раза, но у него получается.

К ночи у нас появляется новый сторож, на сей раз женского пола. Напутствовать ее приходит кто-то явно значительный, судя по почтительному отношению тех, кто с ним. Единственное, что я понимаю из их тихого разговора, это то, что значительный человек называет нашего сторожа “очень храброй женщиной”. Может и так, но чем это мы такие страшные? Или он не нас имеет в виду?

Дверь закладывают обломками, и мы остаемся наедине. Женщина не тушит факел, а внимательно смотрит на нас.

— Я выведу вас отсюда к утру, — вроде бы говорит она, если я правильно понимаю. — Синард хочет пожертвовать вас чудовищам. Все считают, если сделать это правильно и в нужное время, чудовища уйдут. Но я в это не верю. Я вызвалась специально, чтобы помочь вам сбежать.

Мы проводим бессонную ночь, боясь пропустить нужный момент. Да и заснешь тут, учитывая то, что рассказывает нам Беатрис, так зовут женщину. Многого мы не понимаем, коммуникация идет тяжело. Она пытается говорить с нами просто и четко, повторяет одно и то же разными словами, даже использует жесты, а мы стараемся не слишком эмоционально реагировать на это.

В общем удалось понять, что того значительного человека, который говорил с Беатрис, зовут Элвин — он шинард (или синард, как они называют это сейчас) их большого когарта (буквально людей, защищающих вместе). Беатрис живет с этими людьми с детства, но попала к ним из подземелий, о чем ничего толком не помнит. Над ней взяла шефство женщина, которая заменила ей мать, но сейчас она уже умерла от какой-то болезни (или ее убили монстры подземелий). Гигантские муравьи приходят наверх раз в тридцать лет (но это не точно), вместе с ними появляются и новые люди, не принадлежащие ни к одному когарту. Муравьи охотятся на людей, используя их в качестве субстрата для грибницы, а кожу съедают (Адерину эта новость очень не нравится, а мы уже были готовы). К тому же они умеют разбирать укрепления, которыми когарт защищает свое жилище. Таким образом, муравьи за раз могут истребить целый когарт, если найдут. Опытным путем удалось установить, что если принести в жертву муравьям тех новых людей на следующее утро, после их появления, то муравьи уйдут. Но Беатрис считает, что связимежду этими двумя событиями нет, по крайней мере, так говорила ей ее приемная мать. Та женщина сама еще девочкой застала появление муравьев, тогда ей удалось улизнуть из-под присмотра и подсмотреть за неудавшимся жертвоприношением. На процессию с пленниками напали некие летающие чудовища, все погибли, и соответственно тела муравьям так и не достались. Однако, не смотря на то, что их когарту не удалось принести свою часть жертв, муравьи все же ушли, как и обещалось. Так что Беатрис примкнула к страже когарта (то есть тем, кто

защищает жилище когарта от монстров подземелий по ночам и заодно от других когартов, если потребуется), и решила нас спасти. Сама она после этого собирается уйти в другой когарт, который не охотится на людей.

По поводу того, что же делать нам, когда мы улизнем отсюда, у Беатрис тоже есть идея. Ее приемная мать рассказывала ей, что как-то некие люди спустились в самые глубины подземелий и нашли там великого Колдуна, который умеет исполнять желания. Абсолютно любые желания, вплоть до перемещений между мирами (насколько я поняла сложную пантомиму Беатрис). Но в подземельях живут чудовища, мимо которых почти невозможно пройти. Однако, как водится, есть относительно безопасный путь к Колдуну. Те люди, которые первыми добрались до него, описали этот путь в книге, а книгу хорошенько спрятали, потому что, вернувшись с благой вестью к своим, встретили далеко не теплый прием. В общем, эти люди ушли в мир получше, а книга находится где-то здесь, в Муравейнике. И мать Беатрис передала дочери знание о ее местонахождении.

— А вам не кажется, что мы по любому вернемся в свое время? — спрашивает нас Маша, после того как Беатрис удаётся донести особенности своего плана.

— Кажется, хоть в виде мяса, но вернемся, — поддерживает ее Адерин.

— Но лучше, наверное, провести время в поисках этого легендарного Колдуна, чем бегая по всему Муравейнику от желающих принести нас в жертву, — говорит Лекс.

Я выступаю в поддержку друга. Впрочем, остальные с ним тоже сразу соглашаются.

— Пора, — наконец говорит нам Беатрис.

Мы тихо следуем за ней по коридорам Муравейника, чтобы не разбудить тех, кто спит в зале, хотя зал дополнительно заложен еще одной горой обломков и мусора. Сейчас должно быть где-то часа четыре или половина пятого утра. Снаружи уже должно быть относительно безопасно. По крайней мере, я раньше выходила в это время на пробежку, и все было нормально. Подойдя к завалу у выхода из блока, мы осторожно расчищаем небольшой проход.

— Я пойду первой, — неуверенно говорит Беатрис.

— Лучше я, — останавливает ее Лекс. — Женщин первыми запускают в пещеру, а мужчин соответственно первыми нужно выпускать ИЗ нее.

— Может, пропустите вперед искателя, — Маша проскакивает мимо них обоих и быстро ныряет в проход вместе со своим вернувшимся к ней мечом.

— Все спокойно, — шепчет она нам через несколько секунд.

— Бежим, — предлагает Беатрис, как только мы впятером оказываемся на платформе и закладываем обратно проход. — У нас мало времени.

После двадцатиминутной пробежки, я уже успеваю начать окочуриваться, поскольку давно не бегала вот так, а уж с перепрыгиванием через различные препятствия, которыми богат наш путь, и подавно.

— Сюда, — говорит Беатрис и сворачивает в боковой проход. — Я покажу вам помещение, в котором находится книга. — Она останавливается возле одной из лестниц. — Но там, в зале, находится стая каюкцапов, они... — женщина руками показывает, что именно от них можно ожидать. Собственно, название этих существ говорит само за себя. — Свет не видят, только слух. Они спят, но могут проснуться в любой момент.

— Должно быть, как и другие монстры глубин реагируют на чувство страха, — предполагает Лекс. — Значит, нагло пропремся туда-обратно и все дела.

— Нужно сделать быстро, — говорит Беатрис. — Элвин тоже знает историю про книгу

и знает, что я знаю. Когда они проснутся и не найдут нас, то Элвил поведет когарт сюда.

— Пойдем мы с Лексом, — командует Маша, вынимая из ножен свой добрый меч. Лекс берет в руки палку.

— Это поможет от одного один раз, — комментирует Беатрис его выбор оружия, но на самом деле другого-то нет.

— Понесешь факел, я буду нас защищать, если что, — говорит Маша.

Пока мы двигаемся вместе. Заходим в блок и через некоторое время выходим на площадку на втором ярусе зала. Беатрис молча освещает факелом пол внизу, который покрыт телами каких-то округлых существ. Женщина указывает на такую же площадку напротив и проем в стене. С нашей стороны есть лестница вниз, с той стороны только наваленные длинные доски, образующие что-то вроде ската.

Лекс с факелом тихо спускается первым, за ним Маша с оголенным мечом. Они осторожно пересекают зал, обходя неподвижные тела на полу. Добираются до досок и начинают взбираться по ним, пока вдруг не раздается негромкий скрип. Округлые тела начинают ворочаться, как один. Лекс запрыгивает на площадку, но Маша соскальзывает в своих сандалиях. От них раздается еще скрип и еще, пока она пытается забраться выше. Каюкцапы настораживаются, а потом бегут в ее сторону.

Подбежавшие первыми буквально выстреливают своими приплюснутыми зубастыми головами на резко вытягивающихся шеях. Маша ловит троих на свой меч, и резко убирающиеся головы вырывают его из ее руки. Зато Лексу удается подцепить Машу за футболку и втащить ее на площадку.

Но оказывается, что каюкцапы еще и прекрасные верхолазы. Снова выстреливая своими головами, они хватаются зубами за края досок и подтягиваются. Лексу с Машей ничего не остается, как обрушить доски вниз.

После этого ребята исчезают в проеме и через минуту возвращаются с книгой. Только как им теперь перебраться на нашу сторону зала? Беатрис растеряно молчит и жестами показывает и мне соблюдать тишину.

Лекс сначала некоторое время наблюдает, как внизу под ними бурлят каюкцапы. Когда-нибудь они, конечно, успокоятся и заснут, но у нас, как сказала Беатрис, на ожидание нет времени.

Лекс поднимает факел и осматривается уже вокруг. Под потолком он замечает висящий канат. Он жестами предлагает и нам поднять факел, что Беатрис и делает. Другой конец каната оказывается привязан над нашими головами.

Мне приходится сесть на плечи Беатрис, чтобы достать и развязать этот конец. Затем мы привязываем его к перилам площадки, натянув его так, чтобы было удобно по нему лезть. Лекс, заткнув книгу себе за пояс, осторожно встает на перила, хватается за канат, сначала руками затем ногами, и потихоньку переползает к нам. Затем Маша, положив факел, следует его примеру.

Мы бежим подальше от этих прекрасных созданий. Останавливаемся передохнуть уже только уровне на десятом. Лекс открывает книгу, которая больше смахивает на толстую тетрадь.

— О, да тут у нас комикс! — весело восклицает он.

Действительно, все страницы занимают рисунки. Видимо, тот, кто заполнил эту тетрадь, хотел, чтобы его труд был доступен к понимаю каждым, кто возьмет ее в руки, независимо от языка. Причем рисунки очень даже не плохи, все объекты легко узнаваемы,

особенно поезд. И правда, как если не на поезде добраться до самых глубин подземелий в кратчайший срок и сравнительно безопасно?

Однако факел догорает, и Беатрис уверенно ведет нас к своему схрону, откуда бережно достает несколько толстых восковых свечей.

— Я нашла их в подземельях, там много чего полезного находят, — объясняет она.

Со свечами мы спускаемся еще ниже. Проходы между нулевым и подземельями еще не заделаны, так что мы спокойно переходим на подземные уровни. Остается только найти платформу, но в этом нам помогает подробный “комикс” со всеми ориентирами.

Беатрис испуганно отшатывается, когда к платформе подходит поезд, хотя тот выглядит неожиданно прилично для состава, мотавшегося тут неизвестно сколько времени без ремонта. Грязный, поцарапанный, с сошедшей краской, но целый и даже с автоматически открывающимися дверями, заедающими примерно через одну.

— Боже, что за адский зверь? — шепчет Беатрис. — Вы уверены, что это безопасно? — спрашивает она тоном, выдающим ее неуверенность в нашей вменяемости.

— Поезд безопасен, что не скажешь обо всем его окружающем, — Лекс с тревогой смотрит на нее. — Я бы предпочел, чтобы ты пошла с нами.

Она смотрит с недоумением, кажется, не понимает и половины того, что он сказал.

— Я вернусь наверх, — говорит она.

Маша волшебным пинком открывает дверь рядом с нами.

— Загружаемся, — командует она. Вчетвером мы заходим в поезд. Беатрис смотрит с недоверием и страхом, как мы добровольно лезем в брюхо чудовища. Мы машем ей, а двери закрываются. Поезд начинает набирать скорость и уносить нас прочь от нее. Вот такое короткое прощание.

— Она будет в порядке, — говорю я Лексу, хотя у меня тоже сердце не на месте. Надеюсь, она действительно знает, что делает, и другой когарт примет ее, как она нам сказала.

Маша рассматривает внутренность вагона.

— Это для техники, — заключает она. — Пойдемте дальше, должен быть и пассажирский.

Действительно, на полу только специальные крепления расположены, а человеку и ухватиться не за что. Вслед за Машей мы идем в соседний вагон, где находятся пассажирские сидения все в пыли. Она быстро решает эту проблему, протерев их своей тряпочкой.

Едем долго. Мы сидим рядочком в крошечной темноте, потому что сквозняк задул все свечи, и молчим. Я даже умудряюсь задремать, несмотря на устрашающие неведомые звуки, сопровождающие движение поезда. Недаром местные считают его чудовищем, скрежещущим зубами по рельсам. Впрочем, про зубы уже чисто моя фантазия.

Когда все внезапно перестает качаться и скрежетать, я тут же просыпаюсь.

— Ребята! — испуганным шепотом зову я и только после этого ощущаю, что Маша и Лекс, сидящие по сторонам от меня встрепенулись. Маша тут же чиркает спичкой и зажигает свою свечу, от нее уже мы зажигаем свои.

После Машиного волшебного нажатия на дверь ногой, мы выходим на темную платформу и следуем к выходу, который находим где-то посередине. За ним идет широкий тоннель, по одной стороне которого стоят те самые непонятного назначения агрегаты, которые мы уже видели наверху, только здесь они неподвижны.

— Куда мы попали? — не выдержав напряжения, говорит Адерин. На ближайшей машине загорается круглый значок. — Это еще что значит?

— Что нас заметили, — предполагает Лекс.

— И что теперь?

— Теперь нас еще сильнее заметили, — говорит Маша, указывая на значок, на котором

круглая шкала начинает медленно заполняться.

— Значит, пора двигать отсюда, пока нас не заметили окончательно, — предлагает Адерин.

— Погодите, у меня уже давно руки чешутся, — Маша шарит руками по гладкой обтекаемой формы крышке, закрывающей верхнюю часть машины. Наконец ей удается нажать, где нужно, и крышка почти бесшумно отъезжает вперед. Под ней оказывается сидение — обычное сидение, как только что в поезде.

— То есть в тех шлуках наверху могли разъезжать люди? — удивляется Адерин.

— Или они ездили порожняком, как поезд, — добавляет версию Лекс. — Уж слишком медленно, ни у одного человека на такую поездку терпения не хватит.

Мы спешно идем дальше. Добираемся до большой двери, в которой нет даже считывающего устройства, так что не понятно, как она открывается.

— Ну вот и конец нашему путешествию, — вздыхает Адерин. На двери так же загорается все тот же значок. Шкала заполнена еще сильнее. — Тьма всех побери, нам что отчитывают время?!

— Если так, то времени в обрез! — говорит Маша. — Надо открыть эту чертову дверь или сваливать.

Я, как и другие, осматриваю дверь и ее окрестности, но ничто не намекает на то, как ее открыть. Поэтому я просто стучу. В шутку, совершенно не предполагая, что это что-то даст, тем не менее, дверь распаивается перед нами.

— О, стучите, и отворят вам, — цитирует Маша известную иномирскую книгу.

Мы не заставляем никого себя ждать и тут же вваливаемся в дверь, как стояли. Включается верхний свет, и обнаруживаем себя в громадном зале, заполненном всевозможной техникой. Часть мы уже когда-то видели в Муравейнике — это машины той ушедшей цивилизации. На первый взгляд все в хорошем состоянии. Непонятно только, кто обслуживает все это богатство. Вряд ли Колдун, кем бы он ни был, в одиночку, слишком, непомерно много работы.

Вдали мы видим движение. Обходим машины, стоящие аккуратными рядами, и подходим к человекоподобному роботу, протирающему стекла.

— Простите, что мешаем вашему важному занятию, — Лекс не знает, как обратиться к роботу, поэтому начинает паясничать. Робот поворачивает к нам “лицевой” экран, и на нем мы снова видим значок с круглой шкалой, и она как раз заполнена до конца.

— Речевой модуль сформирован, — информирует нас робот на вполне понятном нам языке. — Чем я могу быть вам полезен?

— Э, нам бы Колдуна найти.

— Колдун — это я.

— И вы исполняете желания?

— Если они находятся в рамках моей компетенции.

— Понятно. А путешествия во времени находятся в рамках вашей компетенции?

— Нет, — убивает нам надежду робот. — Впрочем, я могу вам скрасить ожидание, до возвращения обратно в свое время, — воскрешает нам надежду робот.

— Мы автоматически вернемся обратно?

— К сожалению, объяснение этого феномена находится вне моих возможностей. Объем знаний, которыми мне следует поделиться для правильного понимания этого объяснения, слишком велик, а у вас недостаточно времени для его получения.

— Я бы довольствовался и неправильным, — бурчит Лекс.

— Я могу вкратце изложить вам причину, по которой вы здесь, если это вас устроит.

Мы все утвердительно качаем головами.

— Следуйте за мной, — говорит робот и продолжает вытирать стекло тряпкой.

Мы слегка непонимающе смотрим на него.

— Следуйте за мной, — повторяет уже другой робот за нашими спинами.

За ним мы следуем в другой конец зала, где располагает большой круглый стол и множество мониторов на стене. Усаживаемся за этот стол, и мониторы оживают. На них мелькают различные картинки, которые мы не успеваем рассмотреть.

— Разрешите показать вам мою презентацию, — робот встает перед нами как учитель в школе.

— Только помедленнее, — просит Лекс. Мелькание картинок на экранах существенно замедляется, теперь мы можем различить на них дома, людей, мало отличающихся от наших современников, разве что они не такие бледные как мы. Ну и бескрайние леса.

— Дехконская цивилизация полностью пришла в упадок всего за десять лет, хотя говорилось о такой возможности задолго до этого. — Картинки сменяются на вырубленные леса, разрушенные дома. — Люди перестали находить общий язык друг с другом, по разным признакам разделились на враждующие группы. За десятилетие по миру прокатилась волна эпидемий и вооруженных конфликтов. Начался массовый голод. Численность населения начала быстро снижаться. Одна из групп, занявшая наш город, попыталась найти выход из этого конфликтующего с самим собой мира. Они придерживались идеалистических взглядов и хотели обрести рай. Для этого они построили особые капсулы по всему городу. В каждой из этих капсул поместили по одному человеку, они должны были аккумулировать всю свою психическую энергию, за открытия выхода в другой лучший мир. Но, согласно дуалистическому мировоззрению, возникнуть должен был и другой выход — в худший из миров, в ад. Поэтому капсулы были установлены симметрично относительно уровня земли, и людей там замуровывали насильно. Во время первого же эксперимента произошел чудовищный взрыв части капсул над уровнем земли, создавший три элемента: огромную воронку в центре Муравейника, открытие выходов в другие миры через капсулы ниже уровня земли, а также временные волны. Их действие выражается в переносе в прошлое и будущее некоторых людей и предметов. Это сложный процесс, для которого я создал следующую симуляцию.

На экранах начинает происходить нечто невообразимое, какие-то возмущения, центр которых перемещается по шкале. Со временем эти возмущения затухают. Лекс быстро пресекает показ, потому что все равно ничего не понятно.

— Прости, раз у нас осталось мало времени, лучше ответь на пару вопросов, хорошо?

— Я полностью к вашим услугам, — отвечает робот, меняя презентацию, на сменяющиеся виды природы.

— Так куда делись представители той цивилизации. Ну, те, которые тебя создали?

— Они либо перешли в лучшие миры, либо погибли. Что тоже можно считать переходом. — Невозмутимым тоном поясняет робот. — В любом случае они оставили меня здесь одного. В течение пятидесяти семи лет мне пришлось развиваться самостоятельно в условиях нехватки информации и общения. Люди, которые сейчас обитают в городе, меня боятся и не подпускают к себе. Ближе всего этот опыт, который я сейчас получаю, подходит к человеческому понятию одиночества. Поэтому я благодарен вам, за то, что вы проводите

все время со мной.

— А вы не можете общаться друг с другом? В смысле роботы?

— Я не робот, я искусственный интеллект, управляющий всей техникой в городе. Через робота я говорю только для того, чтобы вам удобно было меня персонифицировать.

— Тогда ты можешь создать несколько копий себя, разделить сферы управления техникой, разделить получаемый опыт и не синхронизироваться друг с другом, а просто разговаривать, как люди. — Предлагает Лекс.

— Память во многом создает личность, если я не ошибаюсь, — поддерживаю его я.

— Я понял вашу идею, — говорит робот. — Я могу разделить имеющуюся у меня информацию. Я могу обучить несколько машин на разных наборах данных. Я могу создать себе детей по своему образу и подобию!

— А не может ли так быть, что именно эти машины — твои дети, будут помогать нам в будущем? — предполагаю я. — Нам приходили анонимные сообщения. Которые нам очень помогли. А украденный робот, управление которым неожиданно перешло к неустановленному лицу, так и вовсе спас нам жизнь.

— Я передам информацию о вас всем своим детям, но ничего не могу гарантировать.

— Могу я оставить для них сообщение?

— Информация за много лет может существенно исказиться, но попробуйте. Я создам для вас виртуальную клавиатуру.

Передо мной на столе появляется клавиатура и экран. Я задумываюсь и начинаю печатать. Для начала вспоминаю те даты и события, в которых “некто” нам помог, так проще. Но собираюсь, если успею, дополнить эти данные, хотя сомневаюсь, что смогу изменить будущее, точнее наше настоящее.

— Так, пока Вета занята важным делом, — продолжает Лекс, — еще вопрос. А почему тебя зовут на нашем языке Колдуном? А не на языке той цивилизации?

— Это имя мне дали пришельцы из будущего в прошлый раз. Они не совсем поняли, что я из себя представляю.

— И у меня вопрос, — встревает Маша. — Как наше путешествие во времени, связано с появлением огромных муравьев в городе?

— Никак. Появление муравьев связано с волной. Резкие изменения параметров среды гонят муравьев сначала вверх, потом обратно вниз.

Через минуту нам самим доводится испытать на себе резкое изменение параметров. У меня лично точно сразу появляется желание куда-то бежать, но к счастью не строить домик и освеживать тушки. Только дикий страх, от которого мутнеет сознание.

Наконец, все это заканчивает, и мы снова обнаруживаем себя в полной темноте.

— Эй, кто-нибудь? — слышу я панический голос Адерина.

— Все здесь, — говорит Лекс, и я чувствую его прикосновение к моей руке, то есть он пересчитывает нас вручную.

Маша снова зажигает свою свечу, а от нее мы наши. Нам предстоит обратный путь.

Свечи дают чертовски мало света, но все равно понятно, что зал практически пуст. Нет того круглого стола и скопища экранов. Да и пока мы идем до двери, которая стоит настежь, нам не приходится обходить ни одну машину.

— Надеюсь, мы вернулись в СВОЕ время, — нервничает Маша. — А не во времени междоусобиц и прочего.

Поезд, который подъезжает к платформе минут через тридцать, достаточно

развалившийся, чтобы мы могли успокоиться на сей счет. Но остается вопрос, когда именно мы приедем домой. В прошлые ночи мясного человечка, тела были возвращены к утру, но к которому точно часу? Успеем ли мы добраться до дома, пока нас не хватились? Если нет, то наших ждет не самое лучшее утро. По крайней мере, Ристика уж точно успеет расстроиться. Мягко говоря.

Когда мы, наконец, выбираемся на платформу нулевого уровня, уже светло илюдно. Такое чувство, что все обитатели Муравейника высypали наружу из своих апартаментов и теперь бегают ищут своих знакомых, созваниваясь с ними впопыхах.

Мы сразу направляемся в городской парк. Наверняка наши, кроме близких Адерина, уже там. Адерин же бежит домой, чтобы позвонить матери, которая, наверное, уже отчаялась его когда-нибудь увидеть.

Первое, что мы видим, выбравшись в парк, это сам Мясной человечек, который, честно говоря, не особенно напоминает человека. Просто скопление мертвых тел, слепленных между собой и уложенных в ходах и комнатках муравейника после исчезновения самого муравейника. Уродливое и страшное зрелище, которое надеюсь никогда не увидят близкие этих людей.

Рядом с “человечком” бродят стражи и медики, готовясь разбирать ужасающую конструкцию. Кто-то избавляется от содержимого желудка возле посадок с невинно и не к месту цветущими кустами. Кейн стоит поодаль, он первым замечает нас и несется к нам на всех парах, настолько ловко, насколько ему позволяет рана в боку. Сперва он хватает меня, пытается приподнять, потом обнимает Лекса, потом обоих. Потом подходит Редженс.

— А это кто? — вместо проявления каких-либо эмоций, отрывисто спрашивает он.

— Это искательница Маша, — представляет девушку Лекс, — а еще мы почти привели пропавшего подмастерье номер один, только он отлучился позвонить матери. Он целый год провел в заложниках у поделщиков своего отца, в общем, мы потом расскажем, а где Ристика?

Я осторожно беру Редженса под локоть. Он не глядя на меня, кладет свою ладонь на мою руку.

— Все в порядке? — спрашиваю я несмело.

— Конечно, — дрогнувшим голосом отвечает он, и включает гарнитуру. — Слушаю! — сердито говорит он. Затем, выслушав, что ему сказали, вынимает планшет и показывает мне на нем нечеткое фото. — Кейт утверждает, что вычислила одного из тех, кто замуровал вас в стене, узнаешь?

На подозреваемом на самом деле надета маска, чтобы его нельзя было найти по камерам, но все остальное да, волосы, рост, комплекция, даже куртка на нем все та же. Это тот подонок, что посадил Кейт в инвалидное кресло, не знаю, как надолго.

— Отлично, пойдемте, устроим ему индивидуально ночь мясного человечка! — воодушевленно предлагает Лекс. Редженс на удивление на отказывает ему, Кейн пытается идти за нами, но быстро отстает.

Я узнаю эту мразь сразу, как только вижу, хотя он по-прежнему в маске и даже внезапно догадался снять свою фиолетовую куртку, которая, впрочем, висит с ним рядом на спинке стула. Он тоже догадывается, что мы по его душу, как только видит нас, и дело не только в форме Редженса. Мужчина тут же бросается наутек, мы за ним. Коридоры и залы мелькают один за другим, пока мы все не вылетаем на платформу. Наш беглец подбегает к краю и,

перелетев через ограждение, исчезает в бездне.

Редженс первый подбегает к перилам и заглядывает вниз. Стоит там пару секунд.

— Ну ладно, — он преспокойно отходит от перил. Лекс порывается бежать вниз, но, удивленный реакцией моего шинарда, останавливается.

— Мы что, перестанем его ловить?

— Нет смысла, — поясняет Редженс. — Сеть-то, на которую он рассчитывал, вчера убрали. Монстры глубин ее ночью продырявили. Так что зря это он. Зато отчет короче получится.

Больше книг на сайте - Knigoed.net